

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Тульский государственный университет»

16+

ISSN 2071-6141

ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные науки

Выпуск 3

Тула
Издательство ТулГУ
2022

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель

Кравченко О. А., д-р техн. наук.

Первый заместитель председателя

Воротилин М. С., д-р техн. наук.

Заместитель председателя

Прейс В.В., д-р техн. наук, авторизованный представитель Издательства ТулГУ в РИНЦ.

Ответственный секретарь

Фомичева О. А., канд. техн. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционного совета:

Батанина И.А., д-р полит. наук, – гл. редактор серии «Гуманитарные науки»;

Берестнев М.А., канд. юрид. наук, – гл. редактор серии «Экономические и юридические науки»;

Борискин О.И., д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Технические науки»;

Егоров В.Н., канд. пед. наук, – гл. редактор серии «Физическая культура. Спорт»;

Заславская О.В., д-р пед. наук, – гл. редактор серии «Педагогика»;

Качурин Н.М., д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Науки о Земле»;

Понаморева О.Н., д-р хим. наук, – гл. редактор серии «Естественные науки».

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Батанина И.А., д-р полит. наук (ТулГУ, г. Тула).

Ответственный секретарь

Ваховский А.М., канд. полит. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционной коллегии:

Бродовская Е.В., д-р полит. наук (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва);

Васильева Н.А., д-р филос. наук (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург);

Грачев М.Н., д-р полит. наук (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва);

Джанкар-Вебстер Б., д-р филос. наук (Государственный университет штата Нью-Йорк, США);

Домбровская А.Ю., д-р социол. наук (Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва);

Назарова Е.А., д-р социол. наук (Институт государственной службы и управления РАНХиГС, г. Москва);

Огнева В.В., д-р полит. наук (Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел);

Римский В.П., д-р филос. наук (Белгородский государственный институт искусства и культуры, г. Белгород);

Стемпень-Кучинска А., д-р полит. наук (Лодзинский университет, Польша, г. Лодзь);

Шаронова С.А., д-р социол. наук (Российский университет дружбы народов, г. Москва);

Юрков С.Е., д-р филос. наук (ТулГУ, г. Тула)

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-75990 от 19 июня 2019 г.

Подписной индекс 27844 по Объединенному каталогу "Пресса России".

Сборник включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по следующим научным специальностям:

5.7.2. История философии (философские науки);

5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки);

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки);

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

© Авторы научных статей, 2022

© Издательство ТулГУ, 2022

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 327

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-3-15

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА (2020 – 2021 гг.)

Е.В. Бродовская, М.В. Тягина, М.А. Давыдова

Рассматриваются российско-турецкие отношения (2020 - 2021 гг.) и их репрезентация в социальных медиа России и Турции. Эмпирическое исследование построено на комбинации ивент-анализа, когнитивного картирования и интен-анализа. Было выявлено, что дестабилизирующие события, негативно влияющие на российско-турецкие отношения, не соответствуют их репрезентации в социальных медиа. Трансляция информационной повестки зависит от источника публикаций. В настоящее время Россия и Турция позиционируют себя как друзья и партнеры.

Ключевые слова: российско-турецкие отношения, информационно-коммуникационное пространство, социально-медийные информационные потоки, репрезентация, межстрановое взаимодействие, социальные медиа.

Постановка проблемы

Российско-турецкие отношения на протяжении всего периода развития характеризуются нестабильностью. Несмотря на то, что страны связаны друг с другом сотрудничеством во многих областях, отношения между Россией и Турцией наполнены дестабилизирующими событиями. На современном этапе российско-турецкие отношения характеризуются динамичностью: от враждебности до партнерства. Практически каждый год Россия и Турция сталкиваются с новыми конфликтами или с обострением существующих противоречий. Параллельно с этим продолжает развиваться сотрудничество в ряде отраслей. При этом современная конфронтация переместилась в информационно-коммуникационное пространство. Это позволяет политическим лидерам и средствам массовой информации двух стран влиять на цифровые потоки, формируя в сознании людей тот образ и то отношение, которое им необходимо.

Данная статья направлена на изучение российско-турецких отношений в 2020–2021 гг. и анализ репрезентации межстранового взаимодействия России и Турции в социальных медиа. Понимание специфики создания информационной повестки в условиях динамически развивающегося взаимодействия, новых контекстах и факторах международной повестки позволит прогнозировать трансформацию взаимодействия стран в долгосрочной перспективе, выявить основные риски и конфликтные точки, а

также создать возможности для превентивного реагирования и стабилизации ситуации.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретический базис исследования включает в себя отечественные и зарубежные работы и научные положения: концепции международного общества (М. Уайт [1]), международного порядка (Х. Булл [2]) и национальных интересов (Г. Моргентау [3]); теории гибридной войны (Ф. Хоффман и Д. Мэттис [4]), информационной войны (М. Либики [5]) и информационно-психологической войны (П. Лайнбарджер [6]), социальных медиа (М. Маклюэн [7]), сетевого общества (М. Кастельс [8]), репрезентации (С. Холл [9]), масс-медийной реальности (Н. Луман [10]), повестки дня (М. Маккомбс и Д. Шоу [11]), образов и образа врага (Ш. Муфф и К. Шмитт [12]); дискурс-анализ (Т. ван Дейк [13]) и изучение российско-турецких отношений (А.А. Ирхин [14]).

Современные исследования репрезентации российско-турецких отношений можно разделить на несколько блоков: анализ российско-турецких отношений (В.А. Аватков [15] и А.А. Сотниченко [16], Muhammet Koçak [17]), изучение конфронтации в Идлибе (Salih Yılmaz [18] и Константин Сивков [19]) и исследование информационного взаимодействия России и Турции в целом (RAND Corporation [20]).

Методология исследования

Сетевой подход.

Применение сетевого подхода обуславливается исследованием сетевой активности в контексте международных отношений, а также тех акторов, ситуаций и отношений, которые в процессе международных отношений, репрезентированных в цифровом пространстве, возникают [21].

Социально-конструктивистский подход.

В рамках процесса конструирования мира признается доминирующей роль дискурса. Люди коммуницируют друг с другом для поддержания того, что считается истинным в обществе. Социальный конструктивизм предполагает анализ социальных медиа и воздействия массовой коммуникации на конструирование реальности в сознании людей [22].

Методика исследования

Эмпирическая база исследования представлена дестабилизирующими российско-турецкие отношения событиями: конфронтация в контексте затяжных войн в Сирии и разногласия по поводу ситуации в Нагорном Карабахе. Были изучены 100 релевантных теме публикаций, полученных из информационных агентств и публикаций СМИ, а также 50 публикаций из

социальных сетей «ВКонтакте», «Facebook» и «Twitter» в текстовом, фото- и видео формате. Были изучены все соответствующие отобранным кейсам публикации.

В ходе исследования был проведен ивент-анализ для детального изучения основных событий и акторов, который позволил выявить наиболее значимые события, отраженные в социально-медийном пространстве, определить их направленность и характерный для них тип действий для определения факторов, влияющих на события. Глубина исследования: конфронтация в Идлибе (10.01.2020-23.03.2020) и разногласия по поводу ситуации в Нагорном Карабахе (27.09.2020-30.01.2021).

Для выявления структуры рассуждения авторов публикаций использовалось когнитивное картирование. Данный метод позволяет выявить степень враждебности публикаций, наличие/отсутствие актора, определить какие приемы ценностного воздействия и технологии влияния использовались при формировании контента, а также какие темы преобладали в публикациях. Совокупность результатов когнитивного картирования и ивент-анализа способствует установлению причинно-следственных связей реальных событий с содержанием сообщения о них.

Для отслеживания основных намерений авторов публикаций и их отношения к тому, о чем они говорят, выявления скрытого подтекста, отражения мыслей и эмоциональной оценки в словах был применен интент-анализ. В данной работе исследуются нестабильные взаимоотношения между акторами, которые предполагают наличие множества интенций. На основе анализа социальных медиа России и Турции появляется возможность, во-первых, проследить отношение стран к происходящим событиям, во-вторых, определить, какое отношение создается в главных источниках информации стран, с какой эмоциональной окраской эту информацию получают читатели публикаций, какая повестка при этом формируется, в-третьих, подкрепить результаты, полученные на этапе когнитивного картирования.

Результаты исследования

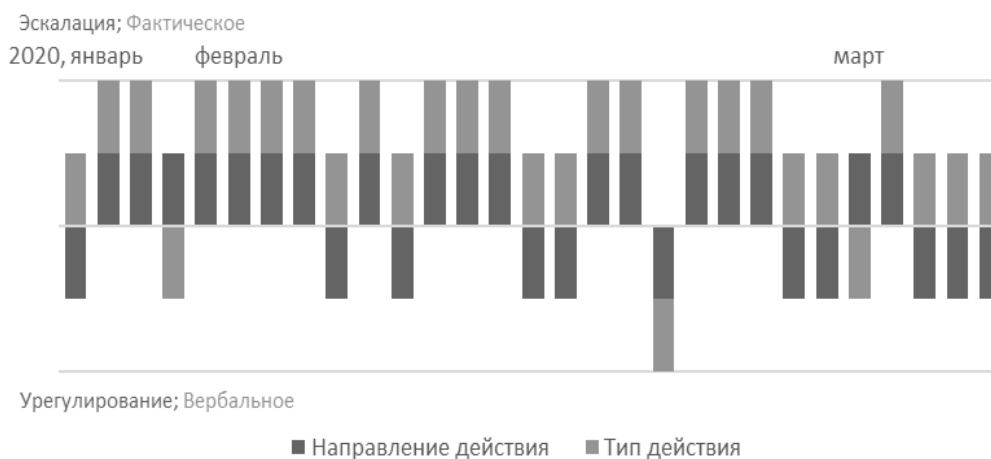
В 2020 году Россия и Турция столкнулись с двумя кризисными событиями: конфронтация в Идлибе и разногласия по поводу происходящего в Нагорном Карабахе. Важно отметить, что в обеих ситуациях страны являются второстепенными участниками конфликтов.

В контексте гражданской войны в Сирии Россия и Турция по определению выполняют миротворческие функции и стремятся к урегулированию ситуации в регионе. Но, в связи с тем, что Россия находится на стороне Башара Асада, а Турция поддерживает сирийскую оппозицию, конфликты неизбежны. Конфронтация в Идлибе в начале 2020 года поставила под вопрос стабильность российско-турецких отношений.

10 января 2020 года Россия и Турция в очередной раз договорились о прекращении огня. Но заявления о том, что российские ВКС совместно с Башаром Асадом наносят удары по мирным жителям, продолжались (15,21,29 января, 3,10,11,12,15,17,24,26 февраля). В этот период турецкие политические лидеры призывали к прекращению огня и напомнили России о достигнутых ранее договоренностях (29 января, 3,7,10,27 февраля), состоялся телефонный разговор Путина и Эрдогана (12 февраля), были приняты решения о необходимости контактов на высших уровнях и встреч делегаций (10,12,17,25 февраля). Сергей Лавров 17 февраля заявил, что турецкие и российские военные находятся в постоянном контакте. Но произошедшие события уже 28 февраля опровергли уверенность министра иностранных дел России.

И до этого момента поддержка Асада Россией воспринималась турецким руководством крайне негативно. Но 28 февраля в результате обстрела российскими ВКС были убиты турецкие военные, что напрямую затрагивает Турцию. Это стало поводом к открытому конфликту. В этот же день у российского генконсульства в Стамбуле прошли акции протестов. Тем не менее, российская сторона поддерживала контакты с Турцией после инцидента. Противоречия заключались в том, что Россия объясняла произошедшее нахождением турецких военных в рядах боевиков и отсутствием сообщений об их местоположении. В свою очередь, турецкая сторона заявила, что удары были нанесены, несмотря на оповещение о действиях.

1 марта 2020 года турецкое правительство объявило о начале операции «Весенний щит», с целью нанести удары по силам Асада. 3 и 5 марта российские ВКС продолжали наносить удары по объектам в Идлибе, что только усугубляло накаленную обстановку между Россией и Турцией. Конфликт можно считать урегулированным с 5 марта, когда в Москве были проведены переговоры между Владимиром Путиным и Реджепом Эрдоганом. 6 марта было подписано соглашение о режиме прекращения огня. С 15 марта Россия и Турция начали совместное патрулирование в Идлибе.

Рис. 1. Конфронтация в Сирии: результаты ивент-анализа

Несмотря на то, что сама по себе гражданская война в Сирии не затрагивает исключительно Россию и Турцию, конфликт в Идлибе показал, что противоположные интересы могут привести к противоборству между двумя странами. Это объясняет преобладание направленности на эскалацию и фактического типа действия (рис. 1). Важно отметить, что Эрдоган полетел в Москву на встречу к Путину, а не наоборот. Вероятно, мирное разрешение ситуации было достигнуто благодаря осознанию плодотворного сотрудничества с Россией, необходимости быть сдержанными в конфликтных ситуациях, идти на контакт и рационально воспринимать ситуацию.

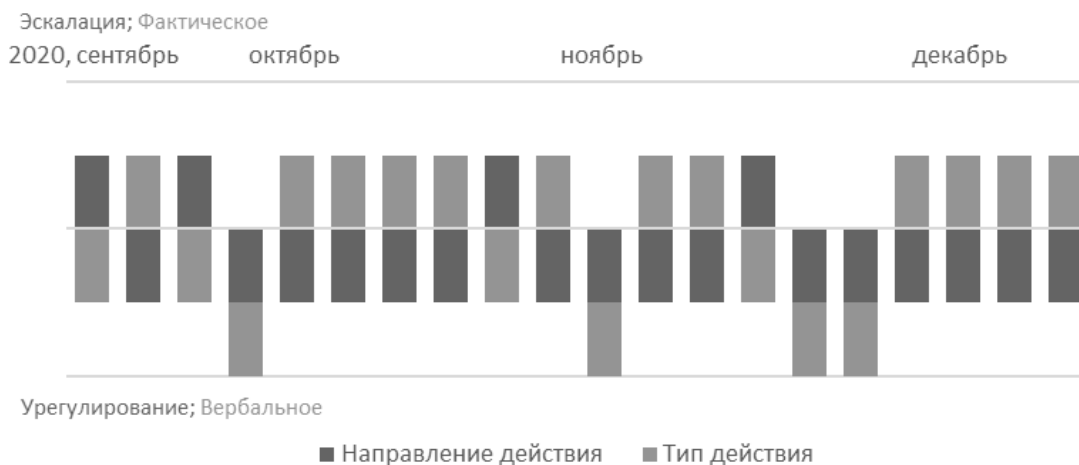
Далее перейдем к разногласиям по поводу ситуации в Нагорном Карабахе. Несмотря на то, что конфликт не затрагивает исключительно российско-турецкие отношения, Россия и Турция являются важными участниками событий потому, что Армения и Россия находятся в Организации Договора о коллективной безопасности, а Турция всецело поддерживает братский народ Азербайджана.

Конфликт обострился 27 сентября 2020 года. С этого дня министры иностранных дел и министры обороны России и Турции находились в контакте (1,11,12,13 октября, 10,11 ноября), а 24 ноября состоялся личный разговор Путина и Эрдогана. В связи с тем, что Россия, Турция, Армения и Азербайджан соединены между собой разного рода связями, действия одной страны автоматически влияют на другие страны.

14 ноября появились заявления об участии турецких боевиков в Нагорно-Карабахском конфликте, что вызвало обеспокоенность у Владимира Путина. Эрдоган в этот же день информацию о боевиках опроверг. 18 ноября Владимир Путин подтвердил, что Турция не нарушала нормы международного права, поддерживая Азербайджан, как считали в европейских государствах.

Российские представители изначально объясняли, что позиции России и Турции по Нагорно-Карабахскому конфликту расходятся, но это не может стать причиной эскалации и не может привести к конфликту между двумя странами.

В связи с тем, что обе страны хотят увеличить влияние в регионе так, как это успешно получается реализовать в Сирии и Ливии, Турция и Россия с особым вниманием подошли к вопросу совместной миротворческой деятельности. 10 ноября они договорились о создании совместного мониторингового центра, который будет построен на территории Азербайджана. 30 января 2021 года центр был открыт. Здесь важно разграничивать компетенции: турецкие сотрудники будут находиться в центре на территории Азербайджана, но в Нагорный Карабах их не допустят. Из-за неучета таких деталей наблюдались спорные заявления с российской и турецкой стороны.

Рис. 2. Разногласия по поводу ситуации в Нагорном Карабахе: результаты ивент-анализа

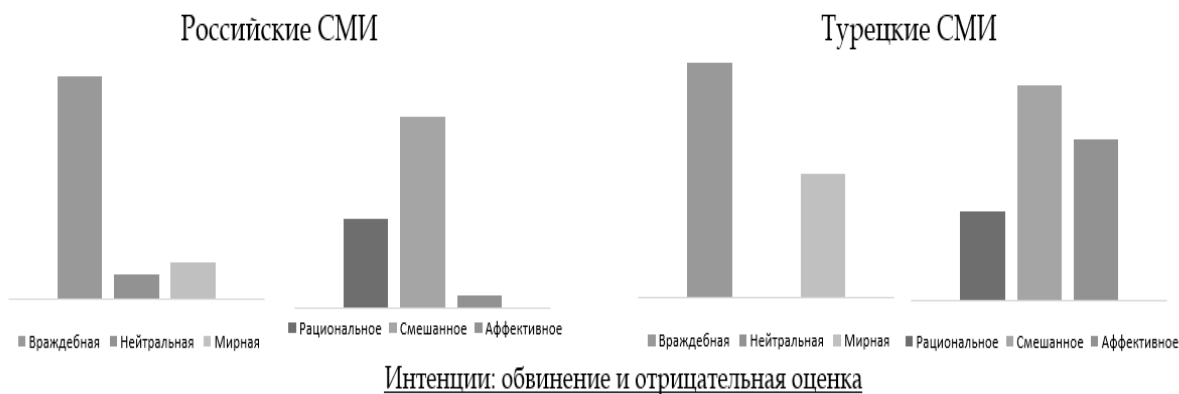
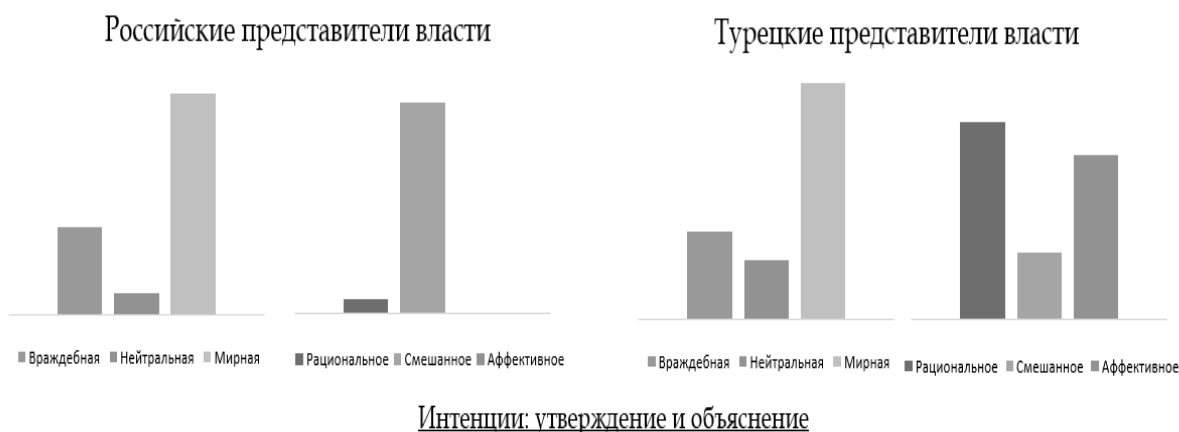
Нагорно-Карабахский конфликт в плоскости отношений Армении и Азербайджана безусловно носил бы более острый характер действий, чем в плоскости российско-турецких отношений. Но в этой ситуации преобладала направленность на урегулирование (рис. 2). В случае вступления Турции в конфликт и нападения на территорию Армении, России пришлось бы выполнить условия ОДКБ и также вступить в войну. Таким образом, Россия и Турция могли воевать друг против друга. Но в этом обе страны заинтересованы не были. Путин и Эрдоган, не отклоняясь от своих интересов и принципов, сделали ставку на урегулирование ситуации в регионе. Количество вербальных и фактических действий практически совпадает, что говорит о динамике развития событий и об осуществлении реальных действий для урегулирования ситуации.

Результаты когнитивного картирования, касающиеся конфронтации в сирийском Идлибе, показывают, что содержание в публикациях государственных представителей и министерств России и Турции мирное, но при этом, в российских и турецких СМИ преобладает высокая степень враждебности. Триггерами в большинстве случаев выступают слова. Российские представители и министерства, а также «РБК» и «Дождь» (внесен Минюстом в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента) использовали смешанные приемы ценностного воздействия с технологиями ценностного подчинения и эмоциональной стереотипизации. В то же время, турецкие представители и министерства использовали в большинстве публикаций рациональные и аффективные приемы, а также, помимо вышеперечисленных технологий, еще и ценностное камуфлирование. «Sabah» делало акцент на рациональных и смешанных приемах, «Sözcü» – на смешанных и аффективных. В российском сегменте публикации затрагивали политическую, военную и туристическую сферу. В турецком – только политическую и военную. Это связано с сообщениями о падении продаж

туров из-за потенциальной угрозы для российских граждан на территории Турции.

Российские и турецкие представители и министерства не намеривались обвинить другую сторону. Это подтверждается преобладанием в публикациях интенций утверждения (40 и 11 соответственно) и объяснения (12 и 4 соответственно). Но у российской стороны также доминировали интенции отрицательной оценки ситуации в Сирии в целом и сотрудничества с Турцией (12), вопреки тому, что из-за российских обстрелов погибли турецкие военные. Содержание интенций в средствах массовой информации России и Турции не сильно отличаются. В публикациях «РБК» самыми распространенными были интенции утверждения (17) и объяснения (8). В публикациях «Дождя» (внесен Минюстом в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента) – утверждения (12). В публикациях «Sabah» – утверждения (17), положительной оценки действий турецких военных в Сирии (8), отрицательной оценки (7). В публикациях «Sözcü» – утверждения (27), отрицательной оценки (8). Помимо этого, большое количество интенций обвинения (8) в «РБК» объясняется публикациями, в которых было сказано об ударах российских ВКС по Идлибу. Также обвинение встречалось в турецких источниках: в «Sabah» – 7, в «Sözcü» – 8.

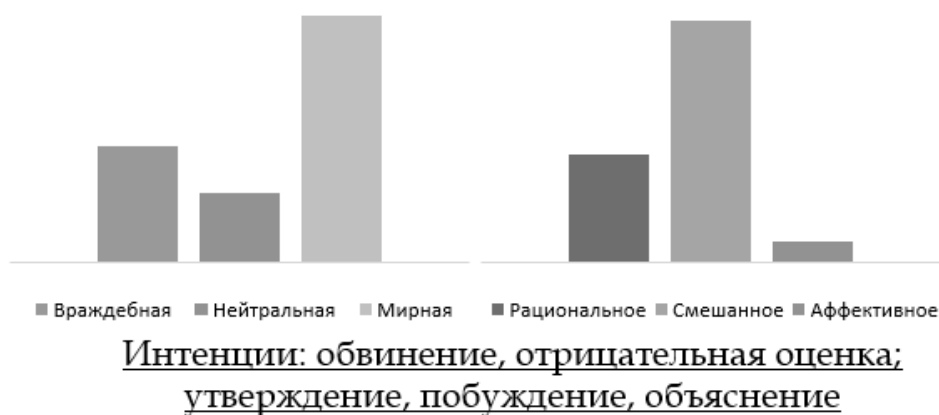
**Рис. 3. Конфронтация в Сирии:
результаты когнитивного картирования и интен-анализа**

Конфронтация в Сирии – серьезная конфликтная ситуация, но на основе когнитивного картирования становится ясно, что государственные органы выбрали мирную модель трансляции события в информационно-коммуникационном пространстве (рис. 3). Несмотря на преобладание враждебности в публикациях СМИ, триггерами выступали слова, а не действия, что значительно снижает эмоциональный накал. Совокупность рациональных и аффективных приемов в публикациях турецких госорганов полностью отражает произошедшую в реальности ситуацию. Турецкая сторона считается пострадавшей, поэтому так высока доля эмоционального содержания. Но преобладание также рациональных приемов у турецких госорганов и проправительственного СМИ свидетельствует о сдержанности, фактическом повествовании. Повышенную эмоциональность показывает оппозиционно настроенное «Sözcü», что гиперболизирует произошедшее, формируя негативные настроения.

В целом, интенции, которые наблюдаются в российском и турецком сегменте, полностью соответствуют конфликтной ситуации. Россия и Турция отрицательно оценивали происходящие события и действия друг друга (14 и 15), при этом были достаточно уверены в своих утверждениях (69 и 55). Наличие интенций объяснения (20) с российской стороны и обвинения (17) с турецкой стороны объясняется тем, что турецкие представители многократно обвиняли Россию в поддержке Асада и нарушении режима прекращения огня, а также в убийстве военных, в связи с чем российские представители занимали оборонительную позицию и объясняли свои действия. Можно утверждать, что конфликтность была перенесена из реальности в социально-медийный контент и что Россия и Турция отрицательно представляли действия друг друга в социальных медиа.

Публикации, связанные с разногласиями по поводу Нагорно-Карабахского конфликта, турецких представителей, СМИ и российских представителей были преимущественно мирными. Но российские СМИ отличались высокой степенью враждебности. Она была связана с разногласиями по поводу миротворческой деятельности. Во всех источниках наблюдались триггеры, но они были выражены словами. Большая степень мирных публикаций со стороны турецких представителей и министерств связана с сотрудничеством Турции с НАТО, ОБСЕ, Францией и Бельгией. Практически во всех российских публикациях использовались приемы смешанного ценностного подчинения. В турецких источниках в равном количестве наблюдались рациональные и смешанные приемы, кроме оппозиционной «Sözcü». Там преимущественно использовались рациональные приемы. Российские представители и «РБК» применяли технологии ценностного подчинения, камуфлирования и эмоциональной стереотипизации. Турецкие представители и СМИ – ценностного подчинения и эмоциональной стереотипизации. Аффективные приемы использовались в публикациях российских и турецких представителей и «Sabah», но в меньшем количестве.

Сравнивая интенции в публикациях российских и турецких представителей и министерств, посвященных разногласиям по поводу ситуации в Нагорном Карабахе, становится очевидно, что российская сторона была настроена более негативно (рис. 3). Об этом свидетельствует тот факт, что помимо интенций утверждения (14) преобладало также отрицание (5). Но в турецком сегменте – только утверждение (5). Интенции отрицания относились к разногласиям с Турцией по поводу ситуации в Карабахе. Об этом открыто заявлялось. Публикации российских СМИ содержали интенции утверждения («РБК» – 17, «Дождь» (внесен Минюстом в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента) – 16). Помимо этого, публикации «Дождя» (внесен Минюстом в реестр СМИ, выполняющих функции иностранного агента) передавали обвинения, которые были направлены в сторону Турции, но не с российской стороны, а со стороны других акторов конфликта. Оппозиционное российское СМИ размещало такие публикации, в то время как проправительственное «РБК» и российские представители и министерства этого не делали. Турецкое проправительственное СМИ «Sabah» передавало интенции утверждения (15) и побуждения (6). Последние объясняются в первую очередь желанием проводить переговоры и разрешить конфликт. Публикации оппозиционно настроенного «Sözcü» содержали интенции утверждения (33) и отрицательной оценки (6), которая была связана с миротворческой деятельностью после разрешения конфликта.

Рис. 4. Разногласия по поводу ситуации в Нагорном Карабахе: результаты когнитивного картирования и интент-анализа

Необходимо вспомнить, что Нагорно-Карабахский конфликт отношения России и Турции лично не затрагивает. Страны связаны обязательствами с другими акторами – Арменией и Азербайджаном. Это во многом влияет на результаты когнитивного картирования (рис. 4). Публикации в турецких источниках носят более рациональный характер, так как Турции необходимо было сохранять логичность и спокойствие из-за агрессии третьих стран. Преобладание смешанных приемов в совокупности с отсут-

ствием враждебности свидетельствует о нейтральной позиции, которую занимали Россия и Турция в ходе конфликта по отношению друг к другу.

Несмотря на то, что разногласия по поводу ситуации в Нагорном Карабахе могли привести к открытому противостоянию между Россией и Турцией, страны вели себя спокойно, что подтверждается достаточно умеренными интенциями и преобладанием побуждения к примирению и урегулированию ситуации с обеих сторон (рис. 4). Даже при наличии интенций отрицания в публикациях российских госорганов, в целом российские и турецкие государственные деятели, а также проправительственные СМИ «РБК» и «Sabah» были настроены мирно. Отсюда следует, что только оппозиционные СМИ обеих стран формировали негативные интенции, но государственный курс России и Турции оставался в дружественных границах.

Заключение

Максимально негативно сказалась на российско-турецких отношениях конфронтация в Идлибе. Конфликт в Нагорном Карабахе не затрагивал Россию и Турцию напрямую. Но он мог оказать негативное влияние на отношения между двумя странами. В Сирии и Нагорном Карабахе Россия и Турция стремятся к сотрудничеству, так как изначально цель их присутствия там – урегулирование ситуации и установление мира. Но из-за того, что во всех случаях страны придерживаются своих интересов, поддерживают разные стороны или несут обязательства перед ними, наличие конфликтной обстановки часто приводит к столкновению России и Турции. Несмотря на это, в этих ситуациях преобладали направленность на урегулирование и вербальный тип действия.

В контексте разногласий по поводу Нагорно-Карабахского конфликта с российской стороны применялись смешанные приемы, в то время как с турецкой доминировали рациональные. Для Турции рациональная составляющая публикаций была необходима для того, чтобы подтвердить свою непричастность и не усугублять конфликт. В публикациях, посвященных конфликту в Идлибе, в российском сегменте превалировали смешанные приемы, а в турецком – смешанные и аффективные. Именно формирование определенного отношения к ситуации и предоставление готовой оценки с позиции эмоций осуществляются с помощью аффективных приемов. Турецкие представители использовали их для большей эмоциональности и жертвенности в связи с гибелью турецких военных в Идлибе, создавая образ пострадавшей стороны.

В российском и турецком сегменте преимущественно применялись технологии ценностного подчинения и эмоциональной стереотипизации. Они работают на основании провозглашения универсальных ценностей, набора тезисов, которые одобряются обществом, в то время как эмоциональная стереотипизация строится на оценке событий, формируя конкретное отношение без рациональной составляющей. Это свидетельствует о желании внедрить в сознание граждан такой образ, который выгоден здесь

и сейчас, и строится на эмоциях и разделяемых всеми ценностях, что способствует более быстрому закреплению. При этом в контексте конфронтации в Идлибе с турецкой стороны применялось ценностное камуфлирование. Это говорит о том, что в самых серьезных для каждой страны конфликтах авторы публикаций прибегали к переориентировке или сокрытию реальной позиции в соответствии со своими интересами, что безусловно негативно сказывается на репрезентации отношений.

Публикации турецкого сегмента, связанные с конфронтацией в Идлибе, носили более жесткий и негативный характер. Это оправдано самой сутью конфликта: были убиты турецкие военные в результате обстрела российскими ВКС. Но, сравнивая интенции турецких представителей и министерств с интенциями в публикациях «Sabah» и «Sözcü», становится очевидно, что в первом случае они были умереннее и сдержаннее, а во втором – радикальнее. На основе интен-анализа разногласия по поводу ситуации в Нагорном Карабахе нельзя причислить к конфликтным событиям в контексте российско-турецких отношений. Это связано с тем, что только оппозиционные СМИ России и Турции транслировали негативные интенции, в то время как проправительственные СМИ и государственные представители были настроены нейтрально.

Таким образом, становится очевидно, что не все события, которые в реальной жизни негативно влияют на российско-турецкие отношения или же могут повлиять так на них, создают отрицательную репрезентацию в социальных медиа. Отражение дестабилизирующих событий в социальных медиа не соответствуют реальной степени эскалации конфликта, особенно в публикациях представителей государственной власти, которые в силу своих интересов формируют нейтральную или мирную повестку, необходимую им.

Репрезентация российско-турецких отношений в социальных медиа зависит от источника сообщения и контекста ситуации. В целом формируется сдержанная, лояльная, мирная повестка, отношение друг к другу как к друзьям и партнерам. Отсюда в условиях реализации специальной военной операции РФ на Украине социально-медийное сопровождение российско-турецких отношений может становиться инструментом воздействия на различные социальные группы, демонстрируя не соответствующую реальности картину взаимоотношений между странами, тем самым дестабилизируя взаимоотношения между странами, уровень политической стабильности государств.

Список литературы

1. Миронов В.В, Уайт М. Вопросы изучения английской школы теории международных отношений // Вестник ОмГУ. 2013. №1. С. 53–57.
2. Миронов В.В. «Международный порядок» Хедли Булла и английская школа теории международных отношений // Вестник ОмГУ. 2011. №3. С. 108–114.

3. Буконкин Д.А. Категория национальных интересов в политическом реализме Ганса Моргентау // Иппокрена. Научно-методический журнал Института парламентаризма и предпринимательства. 2017. №2 (31). С. 64–72.
4. Першин Ю.Ю. Записки о «гибридной войне» // Вопросы безопасности. 2016. № 4. С. 63–85.
5. Libicki M. What Is Information Warfare? // Advanced Command Concepts and Technology Center. 1995.
6. Кириченко А.В. Информационно-психологические войны: современные тенденции и технологические возможности // Акмеология. 2015. №4 (56). С. 209–214.
7. Верник А.Г. Теория социальных медиа в работах маршала Маклюэна // Вестник ЧелГУ. 2014. №23 (352). С. 10–12.
8. Птицына С.С. Теория сетевого общества М. Кастельса: теоретико-социологический анализ // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. №3 (4). С. 55-56.
9. Биккинин А.М. Репрезентативный ресурс визуального: аналитический обзор философских исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10–2 (60). С. 32–35.
10. Красикова Т.Р. Массмедийное конструирование реальности: ключевые категории теории Н. Лумана // Современный дискурс-анализ. 2015. № 2 (13). С. 23–30.
11. Дьякова Е.Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // Антиномии. 2002. №3. С. 144–168.
12. Двойненко М.О. Медиаобраз врага в контексте технологий мягкой силы // Дискурс-Пи. 2017. №3–4 (28–29). С. 183–188.
13. Фурсов К.К. Дискурс вражды масс-медиа: процесс формирования и структура теории // Социум и власть. 2018. №5 (73). С. 46–56.
14. Ирхин А.А., Нелина Л.П. Россия и Турция на пороге 2018 года: "большая игра" на ближнем и Среднем Востоке // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. №1. С.110-118.
15. Аватков В.А., Фиохин А.С., Тарасенко Д.А. Турция и арабские страны. URL: http://vostis.ru/wp-content/uploads/2018/04/ilovepdf_merged-4.pdf (дата обращения: 6.11.2021).
16. Сотниченко А.А. Россия и Турция приготовились к затяжному конфликту. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2015/12/18/rossiya_i_turciya_priготовilis_k_zatyazhnomu_konfliktu/ (дата обращения: 6.11.2021).
17. Koçak M. Türkiye-Rusya İlişkileri. URL: https://www.setav.org/assets/uploads/2017/05/Analiz_201_.pdf (дата обращения: 6.11.2021).

18. Yılmaz S. İdlib sonrası Ruslar Suriye’de yeni bir eksen kurma peşinde. URL: https://www.academia.edu/42113782/İdlib_sonrası_Ruslar_Suriye_de_yeni_bir_eksen_kurma_peşinde (дата обращения: 6.11.2021).

19. Ситуация в Идлибе: мнение эксперта. URL: <https://www.vesti.ru/videos/show/vid/826899/> (дата обращения: 6.11.2021).

20. Katherine Costello. Russia's Use of Media and Information Operations in Turkey. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE200/PE278/RAND_PE278.pdf (дата обращения: 6.11.2021).

21. Морено Я.Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М. : Акад. Проект, 2001. 383 с.

22. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.

Бродовская Елена Викторовна, д-р. полит. наук, проф., brodovskaya@inbox.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,

Тягина Марина Владимировна, студентка, tyaginamarina@gmail.com, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,

Давыдова Мария Александровна, лаборант-исследователь, marchikdavydova@mail.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

REPRESENTATION OF EVENTS DESTABILIZING RUSSIAN-TURKISH RELATIONS IN SOCIAL MEDIA.

Brodovskaya E.V., Tiagina M.V., Davydova M.A.

The main events destabilizing Russian-Turkish relations in 2020 and their representation in the social media of Russia and Turkey are considered. Empirical research is based on a combination of event analysis, cognitive mapping, and intent analysis. It was revealed that events destabilizing, negatively affecting Russian-Turkish relations, do not correspond to their representation in social media. The broadcast of the information agenda depends on the source of publications. Currently, Russia and Turkey position themselves as friends and partners.

Keywords: Russian-Turkish relations, information and communication space, social media information flows, representation, cross-country interaction, social media.

Brodovskaya Elena Viktorovna, doctor of political sciences, professor, brodovskaya@inbox.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Tiagina Marina Vladimirovna, student, tyaginamarina@gmail.com, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Davydova Maria Alexandrovna, laboratory researcher, marchikdavydova@mail.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

С.В. Расторгуев

Анализируется возможность применения трех математических методов в политологии. Актуальность данного исследования обусловлена дискуссией о соотношении количественных и качественных методов в общественных науках. Представлен анализ теоремы о прогнозе разнообразия с опорой на прогнозирование выборов нижней палаты российского парламента 2021 г. и прогнозирование мировых цен на нефть в 2021 г. Показано, что средний прогноз оказывается точнее, чем большинство экспертных прогнозов. Консенсус-прогноз оказывается точнее, чем прогнозы отдельных экспертов. Представлен анализ индекса влияния Л. Шепли и М. Шубика на примере гипотетической модели выборов в Государственную Думу 2021 г. Рассчитаны индексы влияния партий в данной модели. Показаны стратегии игроков в процессе формирования выигрывающей коалиции. Представлен анализ гипотезы глобальной демократизации на основе модели Маркова. Результаты моделирования не соответствуют реальным мировым процессам. В 2006-2020 гг. можно констатировать частичную антидемократизацию. Целью исследования являлось определение возможностей применения математических методов в современных политических исследованиях. В результате получен вывод о необходимости синтеза количественных и качественных методов в политологии. Математические методы позволяют проводить моделирование и усиливают доказательную базу.

Ключевые слова: математические методы, политические процессы, политическое моделирование, политическое прогнозирование, модель Маркова, индекс влияния Шепли-Шубика.

Теорема о прогнозе разнообразия предполагает, что средний прогноз от совокупности прогнозов будет точнее к реальным показателям, чем отдельный прогноз (эффект «мудрости толпы»). Слишком оптимистичные и слишком пессимистичные прогнозы взаимно уравниваются. Квадрат разницы среднего значения прогноза и реального результата тождественен разнице средней погрешности прогноза (среднее от суммы квадратов отклонений всех вариантов прогноза от реального результата) и разнообразия прогностических моделей (суммы квадратов отклонений всех вариантов прогноза от среднего значения). Математическая формула имеет следующий вид [1, с. 54]

$$(\bar{M} - V)^2 = \sum_{i=1}^N \frac{(M_i - V)^2}{N} - \sum_{i=1}^N \frac{(M_i - \bar{M})^2}{N},$$

где M_i — это прогноз i -й модели, $\bar{M}$ — среднее значений моделей, а V — истинное значение.

Рассмотрим упрощенный вариант применения теоремы на примере прогнозирования выборов в Государственную Думу России 2021 г. по федеральному избирательному округу. В 2021 г. четыре группы экспертов – Левада-центр, ВЦИОМ, ИНСОМАР, ФОМ – представили свои прогнозы по результатам выборов в нижнюю палату Федерального Собрания (все данные представлены в процентах и округлены до целых чисел) [2,3,4].

Таблица 1

**Прогнозы результатов выборов
в Государственную Думу России 2021 г.
по федеральному избирательному округу
(в %)**

	Левада-центр	ВЦИОМ	ИНСОМАР	ФОМ	Среднее значений	Итоговый результат
Единая Россия	42	42	45	41	43	50
КПРФ	15	19	20	20	18	19
ЛДПР	19	11	12	15	14	8
СРЗП	7	8	8	7	8	8

Если проверить формулой прогнозы по «Справедливой России – За Правду», то получается, что погрешность множества прогнозов (правая часть тождества) составляет 0, а разница средней погрешности прогнозов – 0,5 и разнообразия прогнозов – 0,5 (правая часть тождества) составляет 0. Средний результат четырех прогнозов равен итоговому результату. Из четырех прогнозов два отклоняются от итогового результата на 14,2 % (Левада-центр и ФОМ), два прогноза не отклоняются (ВЦИОМ, ИНСОМАР).

Мировые цены на нефть представляются значимым фактором для российского бюджета и социально-экономической ситуации в целом. Прогнозирование мировых цен на нефть определяет перспективные планы бюджетной, налоговой, денежно-кредитной, инвестиционной политики, а в политической сфере – выбор приоритетных стратегий внутри страны и в отношениях с зарубежными странами. В 2020 г. страны мира уже ощутили влияние пандемии коронавируса, поэтому в экспертные прогнозы данный фактор закладывался в отличие от предыдущего года. Ниже представлены экспертные российские и зарубежные прогнозы по средней цене нефти в 2021 г. (российские эксперты оценивали экспортную нефть марки Urals, которая дисконтируется по сравнению с маркой Brent, зарубежные эксперты прогнозировали цену на марку Brent). Причем среди четырех зарубежных прогнозов два представляют собой усредненные прогнозы экспертов, что теоретически должно повысить их точность [5, 6, 7, 8, 9, 10].

Таблица 2
Российские прогнозы средней цены на нефть в 2021 г.

	Банк России	Министерство экономического развития России	Министерство финансов России	Консенсус-прогноз экспертов	Средний прогноз	Цена 2021
Прогноз средней цены (долл. за баррель)	45	43	45	51	46	69

Таблица 3
Зарубежные прогнозы средней цены на нефть в 2021 г.

	Консенсус-прогноз Bloomberg	Консенсус-прогноз Reuters	Всемирный банк	МВФ	Средний прогноз	Цена 2021
Прогноз средней цены (долл. за баррель)	48	51	44	50	48,25	71

Теорема о прогнозе разнообразия для российских экспертов выглядит следующим образом:

$$(46-69)^2 = (24^2+26^2+24^2+18^2)/4 - (1^2+3^2+1^2+5^2)/4$$

$$529 = (538-9)$$

$$529 = 529$$

Теорема о прогнозе разнообразия для зарубежных экспертов выглядит следующим образом:

$$(48,25-71)^2 = (23^2+20^2+27^2+21^2)/4 - (0^2+3^2+4^2+2^2)/4$$

$$517,5 = (524,75-7,25)$$

$$517,5 = 517,5$$

На основе проведенного анализа можно сделать несколько выводов. Во-первых, средний прогноз («мудрость толпы») полезен для минимизации ошибки выбора наиболее отдаленного от конечного результата варианта. При этом он может оказаться менее точным по сравнению с рядом других прогнозов, в частности в таблице № 1 прогнозы ВЦИОМ по КПРФ и ЛДПР оказались ближе к итоговому результату. Консенсус-прогноз российских экспертов по цене нефти Urals в 2021 г. оказался точнее, чем прогнозы трех государственных институтов, так же, как и консенсус-прогноз Reuters по цене нефти марки Brent. Это свидетельствует о том, что консенсус-прогнозы, сами опирающиеся на теорему прогноза разнообразия, мо-

гут сформировать более точное среднее мнение экспертов нежели отдельные экспертные оценки.

Во-вторых, наибольшие неточности в прогнозах – превышение ожидаемых показателей «Единой Россией», недобор предполагаемых голосов ЛДПР, существенно отличающаяся от среднепрогностической цена нефти Urals и Brent (на 33 % и 32 % соответственно), может объясняться совокупностью разнохарактерных факторов. Например, в случае выборов в Государственную Думу 2021 г. более высокий результат «Единой России» может быть обусловлен эффективной политической мобилизацией бюджетников. «Аномально» высокие цены на нефть в условиях пандемии коронавируса отражают непредсказуемые (ситуативные) равновесия на реальных рынках углеводородов, связанные с механизмами спроса/предложения и спекулятивные стратегии фондовых рынков, на которых происходит торговля фьючерсами, определяющая мировые цены на нефть.

В-третьих, экспертные прогнозы наиболее точны в условиях эволюционного развития, поскольку строятся на основе экстраполяции существующих трендов в будущее. В случае реализации маловероятных событий («черный лебедь» как деструктивный фактор, «белый лебедь» как конструктивный фактор), прогнозы показывают существенные отличия от итоговых результатов. В частности, «белый лебедь» в виде дополнительных нефтедолларов в бюджет России позволил свести его с профицитом, а не со значительным дефицитом как предполагалось на основе мировых цен на нефть в 2021 г. Однако, масштабное включение экстремальных и маловероятных событий в экспертные прогнозы на эволюционной стадии может привести к существенному уменьшению их точности. Поэтому искусство экспертизы заключается в оценке необходимости включения в прогноз маловероятных, но значимых по воздействию событий.

В политических исследованиях посвященных вопросам коалиций и голосований используется индекс влияния Л. Шепли и М. Шубика [11,12]. Его также можно использовать для анализа принятия политических решений в случае, если оно требует коллективного участия нескольких ресурсных акторов. Данный индекс основан на вычислении ценности каждого актора участвующего в голосовании, исходя из его предельного вклада в коалицию. Для этого необходимо составить список всех возможных вариаций поочередного вхождения акторов в коалицию, чтобы определить количество «победных подключений» – конфигураций, когда коалиция превращается в выигрывающую коалицию (например, достигает абсолютного большинства). Рассчитав индекс влияния каждого актора, можно оценить соответствие между ресурсами игрока, например, количеством контролируемых партией голосов в парламенте и реальной возможностью формировать выигрывающую коалицию.

Рассмотрим индекс Шепли - Шубика на гипотетическом примере нижней палаты Федерального Собрания России. Для этого примем два до-

пущения: а) парламент формируется только по пропорциональной системе; б) потерянные голоса, отданные за партии, не преодолевшие пятипроцентный барьер, в равной мере распределены только между КПРФ, ЛДПР, «Справедливой Россией – За Правду», «Новыми людьми». Если бы часть потерянных голосов была распределена на «Единую Россию», то она бы стала единоличным доминатором, поскольку контролировала бы более 51 % и не нуждалась в коалициях.

Таблица 4

Гипотетическая модель распределения голосов

Партия	Голоса по итогам выборов (%)	Гипотетическое перераспределение голосов (%)
Единая Россия	49,82	49,82
КПРФ	18,93	21,66
ЛДПР	7,55	10,28
СРЗП	7,46	10,19
Новые люди	5,32	8,05
Другие	10,92	-

Для каждой партии можно построить последовательность формирования коалиций, которая наглядно показывает, какая партия становится ключевым игроком образующим своим вхождением выигрывающую коалицию. В представленной ниже таблице № 5 показаны различные варианты последовательностей вхождения в коалицию, жирным шрифтом выделен актер, который является ключевым, т.е. образующий выигрывающую коалицию.

Таблица 5

Последовательности формирования коалиции

ЕР (49,82 %)	КПРФ (21,66 %)	ЛДПР (10,28 %)	СРЗП (10,19 %)	НЛ (8,05 %)
ЕР (49,82 %)	НЛ (8,05 %)	КПРФ (21,66 %)	ЛДПР (10,28 %)	СРЗП (10,19 %)
ЛДПР (10,28 %)	ЕР (49,82 %)	НЛ (8,05 %)	СРЗП (10,19 %)	КПРФ (21,66 %)
СРЗП (10,19 %)	ЕР (49,82 %)	ЛДПР (10,28 %)	КПРФ (21,66 %)	НЛ (8,05 %)
ЛДПР (10,28 %)	СРЗП (10,19 %)	ЕР (49,82 %)	НЛ (8,05 %)	КПРФ (21,66 %)
НЛ (8,05 %)	ЛДПР (10,28 %)	ЕР (49,82 %)	КПРФ (21,66 %)	СРЗП (10,19 %)
КПРФ (21,66 %)	НЛ (8,05 %)	СРЗП (10,19 %)	ЕР (49,82 %)	ЛДПР (10,28 %)
ЛДПР (10,28 %)	СРЗП (10,19 %)	НЛ (8,05 %)	ЕР (49,82 %)	КПРФ (21,66 %)
СРЗП (10,19 %)	ЛДПР (10,28 %)	КПРФ (21,66 %)	НЛ (8,05 %)	ЕР (49,82 %)
НЛ (8,05 %)	КПРФ (21,66 %)	СРЗП (10,19 %)	ЛДПР (10,28 %)	ЕР (49,82 %)

Всего возможны 120 последовательностей. Если «Единая Россия» входит в коалицию первой или пятой, то ее ценность равна нулю, поскольку она не образует выигрывающую коалицию. При вхождении в коалицию второй, третьей или четвертой «Единая Россия» становится ключевым актером. Все другие партии, несмотря на разное количество полученных го-

лосов, имеют одинаковую ценность – они либо образуют выигрывающую коалицию, когда присоединяются вторыми к «Единой России», либо, когда присоединяются четвертыми при условии, что «Единая Россия» будет пятой.

Индекс влияния Шепли – Шубика для «Единой России» составляет:
 $72/120 = 6/10$

Индекс влияния Шепли – Шубика для всех четырех остальных партий составляет:

$$12/120 = 1/10$$

Суммарный индекс для пяти партий:

$$6/10 + 1/10 + 1/10 + 1/10 + 1/10 = 1$$

На основе разобранный примера можно сделать следующие выводы. Во-первых, объем ресурсов акторов может как иметь значение для индекса влияния, делая игрока абсолютным доминатором или значительно повышая уровень его влияния в коалиции, так и не оказывать решающего воздействия. Так, например, если в гипотетической модели распределения голосов удалить ЛДПР и СРЗП, передав их голоса КПРФ, то получится расклад: «Единая Россия» - 49,82 %, КПРФ – 42,13 %, «Новые люди» - 8,05 %. Индекс влияния Шепли – Шубика каждой партии составит $2/6$, поскольку каждая партия образует по две выигрывающие коалиции, присоединяясь второй к любой из других партий. Партия «Новые люди» с наименьшим процентом голосов приобретает равное влияние с двумя другими партиями.

Во-вторых, теоретическая модель индекса Шепли – Шубика в каждом конкретном случае требует поправки на потенциальную возможность и готовность других акторов игры войти в выигрывающую коалицию/заблокировать формирование выигрывающей коалиции исходя из предпочтений, выгод и других факторов. Поэтому целесообразно дополнительно ранжировать последовательности формирования коалиций по степени их вероятности. Можно использовать вектор Майерсона для определения ценности каждого актора в сети взаимосвязей с учетом разрешений/запретов на некоторые коалиции, например, по идеологическим или личностным мотивам. В таком случае центральный актер сети, обладающий максимальной характеристикой промежуточности (количество путей с наименьшим расстоянием, связывающие два других узла сети, проходящие через узел актора), становится ключевым игроком в создании выигрывающей коалиции.

В-третьих, сложившаяся конфигурация выигрывающей коалиции, с одной стороны, отвечает рациональному постулату минимальной выигрывающей коалиции, когда выгоды распределяются на минимальное количество акторов. С другой стороны, каждый участник выигрывающей коалиции (в том числе малоресурсный актер) может использовать тактику шантажа, угрожая выходом из коалиции, если его доля выгод не будет увеличена. Для преодоления подобной угрозы оппортунизма может быть ис-

пользована стратегия страхования выигрывающей коалиции дополнительными участниками, что противоречит рациональному постулату минимальной выигрывающей коалиции, поскольку минимизирует выигрыши каждого актора за счет «взноса» в пользу актора-страховщика.

Третьим методом математического моделирования, применимого в политических исследованиях, является модель А.А. Маркова [13, с. 261-271]. Если имеются два множества, то при заданной вероятности переходов элементов между ними, через определенное количество раундов будет достигнуто статистическое равновесие. Перед исследователем стоят три задачи: а) с максимальной точностью сгруппировать элементы двух множеств, поскольку от первоначальной конфигурации будет зависеть конечное равновесие; б) с максимальной точностью задать вероятность переходов между элементами множеств, поскольку это вместе с выбранной конфигурацией окажет влияние на количество раундов-переходов и на конечное статистическое равновесие; в) выбрать множества в которых переход элементов детерминирован совокупностью известных переменных, поскольку в случае перехода процесса в стохастическое состояние вероятность примет другое значение, что будет означать переход к другой марковской модели.

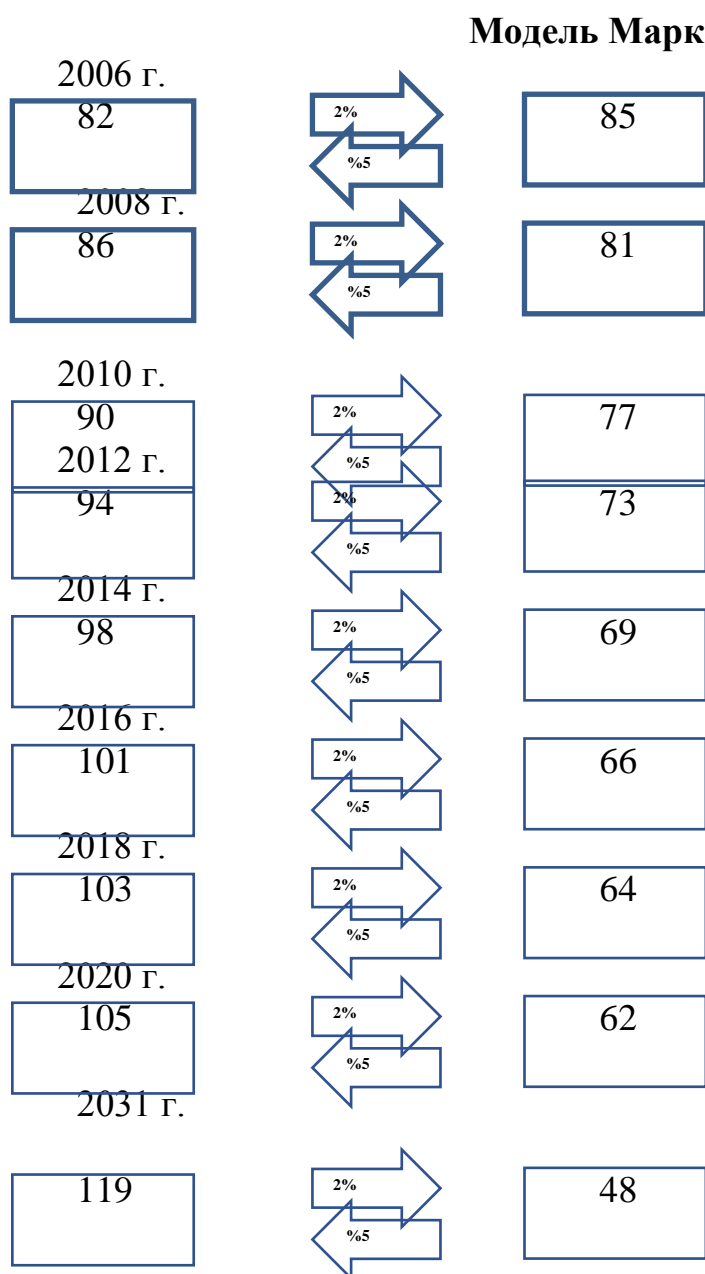
В качестве примера можно рассмотреть гипотезу о процессе демократизации, которая предполагает увеличение количества стран с политическим режимом «демократия» и уменьшение количества стран с недемократическим политическим режимом. Для первоначальной конфигурации двух множеств можно использовать данные Индекса Демократии 2006 г. журнала *The Economist* [14, с. 3–5]. В данном индексе страны делятся на 4 группы: полные демократии, неполные демократии, гибридные режимы, авторитарные режимы. Для моделирования целесообразно объединить в группу демократических стран полные и неполные демократии, а в группу недемократических стран гибридные и авторитарные режимы. Подобное разделение носит условный характер, переход от недемократии к демократии при подобном допущении предполагает эволюцию гибридного режима в неполную демократию. Соответственно незамеченным для модели остается процесс перехода от авторитарного режима к гибриднему и от неполной демократии к полной демократии.

Процесс демократизации сопровождается менее массовым обратным процессом, в ходе которого демократические страны (в нашем случае страны неполной демократии) становятся недемократическими (в нашем случае гибридными). Это позволяет задать вероятность перехода к демократии как величину большую, нежели вероятность перехода к недемократии. Для целей моделирования можно определить вероятность перехода к демократии как 5 %, а вероятность перехода к недемократии как 2 %. Временные рамки взаимных переходов в реальной жизни могут быть достаточно различными и занимать десятилетия. В представленной модели делается допущение, что странам для перехода из одного множества в другое

достаточно одного года. Тогда появляется возможность сравнить результаты моделирования в исходной конфигурации множеств 2006 г. с результатами Индекса Демократии 2020 г. журнала The Economist как контрольной точки.

В Индексе Демократии 2006 г. журнала The Economist было 82 демократические страны (28 полных демократий и 54 неполных демократий), 85 недемократических стран (30 гибридных режимов и 55 авторитарных).

Схема 1

На 2020 г. модель Маркова предсказывает 105 демократических режимов против 62 недемократических. Тенденция увеличения демократических режимов продолжалась бы до 2031 г., когда было бы достигнуто статистическое равновесие 119 демократических режимов против 48 недемократических. После этого соотношение демократий и не демократий не

изменяется, каждый год две новых демократии замещаются двумя новыми недемократиями. В данном случае важны не конкретные числа, а тенденция. Можно было бы задать скорость перехода не раз в год, а один раз в 7 лет, тогда получилось бы соотношение 86:81. В любом случае заданная вероятность взаимных переходов единиц двух множеств должна была привести к увеличению множества «демократия» и уменьшению множества «недемократия». Однако Индекс Демократии 2020 г. к демократическим странам (полные и неполные демократии) отнес 75 государств, а к недемократическим странам (гибридные и авторитарные режимы). – 92 государства [15, с. 8–13]. Таким образом, гипотеза о глобальной демократизации не подтверждается.

Выводы

Математические методы исследования позволяют моделировать политические процессы, определять вероятность наступления определенных событий, прогнозировать стратегии акторов в кооперативных и некооперативных играх. Математические модели, статистические выкладки предоставляют возможность интерпретировать политические процессы в формате вероятностей, трендов, равновесий, зависимых и независимых переменных. Расчетно-аналитическая часть делает доказательную базу весомой, основательно аргументированной.

Вместе с тем политическая реальность включает не только предсказуемые факторы и контексты, но и значительное количество субъективных, ситуационных, маловероятных факторов, которые могут в значительной степени изменить выводы, полученные за счет математических методов. Таким образом, в задачу политологов входит синтез количественных и качественных методов исследования, прикладное использование математического инструментария в общественных науках. Использование формул ради формул приводит к созданию абстрактной теории, применение формул в продуманном дизайне исследования значительно повышает доказательность работы.

Список литературы

1. Пэйдж С. Модельное мышление. Как анализировать сложные явления с помощью математических моделей. Пер. с англ. Н. Яцюк. М.; Манн, Иванов, Фербер, 2020. С. 54
2. Электоральные рейтинги партий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/11/elektoralnye-rejtingi-partij-5/> (дата обращения: 03.02.2022)
3. Политологи представили прогноз на предстоящие выборы в Госдуму. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1219496/2021-09-09/politologi-predstavili-prognoz-na-predstoiashchie-vybory-v-gosdumu> (дата обращения: 03.02.2022).

4. Предварительные итоги голосования по федеральному избирательному округу. [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/p_itogi/ (дата обращения: 03.02.2022).

5. Транснефть. Годовой отчет 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ar2020.transneft.ru/ru/situation-industry/sectoral-forecast-2021-2023> (дата обращения: 03.02.2022).

6. Прогнозы аналитиков по рынку нефти на 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/prognozy-analitikov-po-rynku-nefti-na-2021> (дата обращения: 03.02.2022).

7. Цена российской нефти в 2021 году достигла трехлетнего максимума. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/01/2022/61d420e19a794764f06b438b> (дата обращения: 03.02.2022)

8. Обзор мировых энергетических рынков нефти. Январь 2021. НИФИ Министерства Финансов РФ. С. 8

9. A World Bank Report. Commodity markets outlook. October, 2020 P. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/> (дата обращения: 03.02.2022)

10. Консенсус-прогноз Lenta.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2021/01/11/consensus/> (дата обращения: 03.02.2022)

11. Shapley L.S., Shubik M. A Method for evaluating the distribution of power in a committee system // American political science review. – N.Y., 1954. – Vol. 48, N 3. P. 787–792.

12. Felsenthal D.S., Machover M. 1998. The Measurement of Voting Power: Theory and Practice, Problems and Paradoxes. Cheltenham, Northampton. 352 p.

13. Пэйдж С. Модельное мышление. Как анализировать сложные явления с помощью математических моделей. Пер. с англ. Н. Яцюк. М.; Манн, Иванов, Фербер, 2020. С. 261–271

14. Democracy Index 2006. Pp. 3–5

15. Democracy Index 2020. Pp. 8–13

Расторгуев Сергей Викторович, д-р. полит. наук, проф., SRastorguev@fa.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

THE USE OF MATHEMATICAL METHODS IN POLITICAL RESEARCH

S.V. Rastorguev

The article analyzes the possibility of using three mathematical methods in political science. The relevance of this study is due to the discussion about the relationship between quantitative and qualitative methods in the social sciences. The analysis of the diversity prediction theorem based on forecasting the elections of the lower house of the Russian parliament in 2021 and forecasting world oil prices in 2021 is presented. It is shown that the average forecast turns out to be more accurate than most expert forecasts. The consensus forecast turns out to be more accurate than the forecasts of individual experts. The analysis of the influence index of L. Shepley and M. Shubik is presented on the example of a hypothetical model of elections to the State Duma in 2021. The indices of the influence of parties in this model

are calculated. The strategies of the players in the process of forming a winning coalition are shown. The analysis of the hypothesis of global democratization based on the Markov model is presented. The simulation results do not correspond to real world processes. In 2006-2020, we can state partial anti-democratization. The purpose of the study was to determine the possibilities of applying mathematical methods in modern political research. As a result, a conclusion was made about the need for the synthesis of quantitative and qualitative methods in political science. Mathematical methods allow modeling and strengthen the evidence base.

Keywords: mathematical methods, political processes, political modeling, political forecasting, Markov model, Shapley-Shubik influence index.

Rastorguev Sergey Viktorovich, doctor of political science, professor, SRastorguev@fa.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

УДК 342.71

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-26-39

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ «ОСНОВ ПОЛИТОЛОГИИ» В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ (НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Дергунова Н.В.

Представлены результаты эмпирических исследований: экспертного опроса учителей истории и обществознания школ Ульяновской области и онлайн-опроса старшеклассников 9-11 классов. Школа в настоящее время, в связи с отсутствием значительной части гуманитарных предметов в высшей школе, закладывает основы политической и идеологической идентификации молодежи. Поэтому целью нашего исследования явилось изучение уровня сформированности представлений учащихся об основных дидактических единицах курса политологии в рамках обществознания, свидетельствующих об эффективности процесса формирования гражданской и политической идентичности старшеклассников. В статье делается вывод об успешности процесса формирования ценностных ориентаций и идеологических предпочтений школьников, однако почти трети старшеклассников не удалось сориентироваться в политическом пространстве страны. Настораживают и значительные различия в ответах учителей-экспертов и старшеклассников.

Ключевые слова: обществознание, основы политологии, политика, идеология, политическая идентификация, гражданская активность, ценностные ориентации.

Политология в школьном курсе обществознания изучается с 9 класса. Первоначально вопросы организации властных отношений рассматриваются в совокупности с правом, через призму правового государства, конституционных политических режимов и основ российского законода-

тельства. В 10 классе изучается современная демократическая политическая система. Более фундаментально и систематично с политической жизнью общества учащиеся знакомятся в 11 классе. В результате, если говорить кратко, предполагается, что учащиеся должны научиться различать и давать характеристики субъектам и объектам власти, иметь суждения о соотношении целей и средств в политике, разбираться в сущности демократии, многопартийности и идеологического плюрализма, понимать роль идеологии в обществе и приводить примеры непосредственного и опосредованного политического участия. В итоге у выпускника средней общеобразовательной школы должны «сложиться ценностно-смысловые установки, позволяющие ему осознать российскую гражданскую идентичность и гражданские позиции в своей деятельности». [4, 214-217]

В 2021 году Ульяновским общественным фондом РАПИР (региональная аналитика профессиональные исследования рейтинги) были проведены два исследования. Экспертный опрос учителей истории и обществознания (112 человек) и опрос старшеклассников (9-11 классы, 994 респондента)¹. Цель обоих исследований – изучить представления школьников о политике, политических институтах, в том числе их понимание идеологии и их идеологические предпочтения, сравнить мнение учителей о представлениях школьников, с ответами самих старшеклассников. Нам важно было определить, насколько усвоенные знания о политической жизни общества способствуют формированию политической и в целом гражданской идентичности старшеклассников.

Теоретико-методологической основой исследования выступили работы российских социологов Дробижевой Л.М., [3], Тишкова В.А.[8,9] и политологов И.С.Семенов, О.В.Поповой,[6,7], Шашковой Я.Ю. [11] по вопросам формирования гражданской и политической идентичности, социологов и педагогов, изучающих способы и механизмы формирования гражданской идентичности на уроках истории и обществознания [1,2,5, 10].

В качестве критериев эффективности преподавания основ политологии мы выделили: формирование интереса к общественно-политическим событиям, доверие государству, идеологическую и партийно-политическую идентификацию старшеклассников, формирование позиции гражданской активности и институциональных форм ее проявления.

Первоначально необходимо было изучить интерес школьников к социально-политическим событиям в стране, к деятельности различных политических институтов. По мнению учителей, учащиеся весьма активно интересуются политическими процессами и событиями. Наибольший интерес у них вызывают: состояние демократии (65,18 %); деятельность президента (65,18 %); деятельность политической оппозиции в целом и ее от-

---

¹ Исследования проведены при финансовой поддержке Ульяновского областного общественного фонда РАПИР (президент фонда Травкин Д.В.). Организатором полевого этапа исследований выступило региональное отделение Ассоциации учителей истории и обществознания (отв. секретарь Десятникова М.А.)

дельных представителей (49,11 %); политические технологии и деятельность средств массовой коммуникации (36,61%). По ряду позиций ответы учителей и школьников не совпали. Сами старшеклассники ответили, что их больше всего интересуют международные отношения (49,2%), деятельность президента (48,2 %), состояние демократии в стране (41,3 %), политические технологии и деятельность средств массовой коммуникации (33 %). Учителя в значительной степени преувеличили интерес школьников к функционированию демократии в стране (на 23,88 %), к деятельности президента РФ (на 16,98 %), особенно к деятельности политической оппозиции (на 34,51 %), с другой стороны, учителя недооценили интерес старшеклассников к политическому просвещению (на 12,74 %), политической культуре (14,7 %) и международным отношениям (на 17 %). В разрезе классов ответы практически совпадают.

Отношение старшеклассников к политологии как составной части обществознания также учителями и школьниками оценивается по-разному. По мнению учителей, из шести разделов обществознания политология вызывает наименьший интерес у учащихся (5,36 %). Старшеклассников мы попросили определить ранг шести разделов обществознания с точки зрения их интереса (1 балл - наименьший интерес, 5 баллов – наивысший интерес). Наивысший балл набрала психология – 3,99, наименьший – духовная жизнь общества – 3,36. А политология заняла промежуточную позицию – 3,47 балла.

Таким образом, интерес школьников к политическим событиям достаточно высок. Присутствует, но в значительно меньшей степени, интерес к изучению политологических тем курса обществознания. Значительные расхождения в ответах учителей и учащихся актуализируют проблему методики преподавания обществознания в целом, и политологической его составляющей в частности.

Далее нас интересовали сложившиеся представления старшеклассников по основным дидактическим единицам раздела политологии в курсе обществознания. В первую очередь старшеклассники должны различать и знать основные субъекты политики. Функционирование государства, по мнению учителей, воспринимается школьниками двояко. С одной стороны, это сила, позитивная, мобилизующая население и определяющая курс развития страны (41,07 %) , защитник наиболее значимых интересов граждан (28,57 %). С другой стороны, государство воспринимается отрицательно, враждебно, как сила, стоящая над обществом и противостоящая обществу и личности (насилие и страх) – 24,11 %, и как защитник интересов правящего класса (классовый институт) – 45,54 %. Фактически ответы распределились поровну, по 69 % соответственно по сумме отрицательных и положительных ответов (можно было выбрать несколько ответов).

Наибольший интерес у учащихся вызывают следующие функции государства: обеспечение правопорядка внутри страны (64 %), оборона

страны (57 %), гарантии прав и свобод личности (50 %), социальная политика государства (40 %). Первые три направления деятельности государства носят в целом либеральный характер: государство охраняет, обеспечивает порядок внутри страны и гарантирует права и свободы личности. Четвертая позиция – социальные функции государства. Таким образом, представления учащихся о государстве носят социал-либеральный или социал-демократический характер. Большинство выпускников, по мнению учителей, доверяет государству – 53,57 % (варианты ответа «да» и «скорее да»); не доверяет государству – 35,72 % (варианты ответа «нет», «скорее нет»).

По мнению учителей, в результате изучения обществознания у выпускников школ складывается в целом позитивное восприятие политики как одной из сфер жизнедеятельности общества (табл.1).

Таблица 1

**Характеристика политики
как одной из сфер жизнедеятельности общества
(в % от общего числа опрошенных)**

Понимание политики	Категории опрошенных	
	учителя	школьники
Сфера управления всеми общественными процессами	58,93	28,7
Сфера осуществления прав и свобод граждан	50,89	21,1
Сфера согласования интересов и поиска компромисса интересов больших социальных групп	47,32	19,2
Сфера для деятельности политической, политико-административной элиты	30,36	8,2
Сфера жесткой, конкурентной борьбы за власть	29,46	11,5
Сфера контроля над личностью, нарушения ее прав и свобод	7,14	7,2
Сфера, где властвуют обман и предательство	3,57	4,1

Однако ответы самих старшеклассников не носят столь определенного характера, они скорее свидетельствуют о не сложившихся, неоднозначных представлениях о политике как одной из сфер жизнедеятельности общества. Государство как основной политический институт вызывает противоречивое отношение, лишь половина старшеклассников, по мнению учителей, доверяют государству. Сами школьники ответили иначе: 40,9 % доверяют государству полностью, 35,5 % – доверяют отчасти. Остальные или не доверяют, или затруднились ответить. В итоге данные опроса свидетельствуют о том, что школа не сформировала основное понимание политики как сферы согласования интересов и поиска компромисса интересов больших социальных групп. Лишь 19 % учащихся выбрали такой вариант ответа. Восприятие политики больше носит государственно-центричный характер. Есть у старшеклассников ощущение того, что насе-

ление в значительной степени отстранено от участия в политической жизни. Совокупность четырех последних ответов (табл.1) говорит о том, что примерно 30 % школьников воспринимают политику негативно.

На вопрос «Деятельность каких политических партий или общественных организаций вызывает у вас наибольший интерес?», ожидаемо старшеклассники выбрали парламентские партии (более 50 %), однако столь высокий интерес к парламентским партиям объясняется тем, что опрос проводился через два месяца после выборов в Государственную Думу РФ. Старшеклассниками был проявлен значительный интерес к новым партиям (29,1 %), к внепарламентским партиям (17,3 %). А вот оппозиционные партии не пользуются спросом, возможно из-за отсутствия достаточной информации о них в СМИ и Интернете. По мнению экспертов, 23,21 % старшеклассников не интересуются деятельностью политических партий вообще, что практически совпадает с ответами самих учащихся (26 %). У остальных наибольший интерес вызывает «Единая Россия» – 66,07 %; ЛДПР – 50,89 %; КПРФ – 49,11 %. Вступать в политические партии подавляющее большинство респондентов-школьников не планирует. Основа для партийной идентификации школьников как будущих избирателей сформирована в минимальной степени.

Очень незначителен интерес старшеклассников к деятельности НКО, институтов гражданского общества. По мнению учителей, наибольший интерес у учащихся закономерно вызывают современные формы организации взаимодействия людей и структур гражданского общества, относящиеся больше к горизонтальному взаимодействию: социальные сети (84 %), СМИ (53 %), молодежные объединения (50 %) и медийные личности (39 %). Традиционные институты гражданского общества – профсоюзы, церковь, НКО – не интересуют старшеклассников. Школа знакомит учащихся, по мнению экспертов, прежде всего с деятельностью институтов гражданского общества, активно взаимодействующих с органами власти (табл.2).

Таблица 2

**Предпочтения учителей в выборе
институтов гражданского общества для использования на уроках
и во внеклассной работе по обществознанию**

Виды самоорганизации граждан	%
Волонтерское движение	84,82
Школьное самоуправление	73,21
Встречи с интересными людьми	67,86
Российское движение школьников	60,71
Юнармия	54,46
Экологическое движение	37,5
Правозащитное движение	33,04
Популяризаторы спорта и спортивные фанаты (клубы)	25

Окончание табл. 2

Молодежные организации федеральные и региональные	25
Работа институтов гражданского общества-посредников между властью и гражданами (советы, палаты, комиссии)	22,32
Детская Общественная палата Ульяновской области	19,64
Сходы граждан	16,96
Муниципальные детские общественные советы	15,18
Территориальное общественное самоуправление (ТОС)	11,61
Работа в НКО и НПО	6,25
Патриотическое движение	5,36
Иное	2,68

Школа дает информацию об организациях, которые в целом мало интересуют учащихся, за исключением информации о молодежных организациях федерального и регионального уровней, а также организации встреч с интересными людьми (возможно, медийными личностями). Попытки самоорганизации школьников школой не поддерживаются.

Следующей дидактической единицей являются политические идеи, которые имеют большое значение, поскольку невозможно понять политическую деятельность, не понимая идеи и представления, которые побуждают людей к политической активности. Поэтому важно было изучить какие политические ценности более всего интересны самим школьникам (табл.3).

Таблица 3

«Какие политические ценности больше всего вас интересуют, и вы хотели бы знать историю их возникновения?»

Варианты ответов	% по всей выборке	ранг	9 класс	10 класс	11 класс	муж	жен
Права и свободы личности	65,0	1	61,9	67,9	65,2	57,4	70,3
Равенство перед законом	48,1	2	42,5	51,4	50,6	48,7	47,7
Социальная справедливость	39,5	3	40,7	42,5	36,4	33,1	44,1
Демократия	24,8	4	20,1	26,6	28,0	25,3	24,5
Личная безопасность	22,4	5	20,4	24,2	22,9	20,2	24,0
Толерантность	21,1	6	21,5	20,8	21,0	8,0	30,4
Частная собственность	19,0	7	17,7	20,5	18,9	24,1	15,4
Правовая ответственность за свои поступки	18,	8	17,1	19,9	17,1	15,1	20,1

Окончание табл. 3

Прогресс и инновации	17,5	9	13,0	22,0	17,7	18,5	16,8
Патриотизм как любовь к малой родине	17,2	10	20,9	15,6	14,9	17,5	17,0
Сильное государство	15,3	11	15,6	17,4	12,8	15,1	15,4
Доверие власти	13,1	12	10,3	16,5	12,5	11,7	14,1
Правовое государство	11,0	13	12,7	9,8	10,4	11,4	10,6
Политическая стабильность	10,9	14	10,6	12,5	9,5	12,2	9,9
Традиционность	7,2	15	9,4	5,5	6,7	6,8	7,5
Гражданский активизм	6,0	16	5,9	6,1	6,1	6,1	6,0
Право народов на самоопределение	5,9	17	7,1	4,0	6,7	4,9	6,7
Лояльность власти	5,2	18	5,6	4,0	6,1	7,1	3,9
Политическая оппозиция	3,6	19	3,8	2,4	4,6	3,4	3,8
Никакие	3,0	20	3,8	2,1	3,0	4,9	1,7

Если сравнивать ответы старшеклассников и учителей, то ранг первых по значимости пяти ценностей совпадает, но уровень интереса учителя явно преувеличили (табл.4). Для школьников более значимой, чем представлялось учителям, оказалась толерантность, частная собственность, прогресс и инновации, правовая ответственность за свои поступки, тогда как учителя оценили отношение к этим ценностям на 10-15 % ниже. С другой стороны, для школьников практически не имеют значения такие ценности как доверие власти, патриотизм, правовое государство, гражданский активизм, оппозиционность. В то же время эксперты-учителя преувеличили их значение для старшеклассников. Конечно, политический опыт у старшеклассников отсутствует, и оценить значение данных ценностей для политической деятельности и функционирования политики в стране в целом для них очень сложно. Но возникает вопрос качества внеклассной работы по обществознанию, привлечению школьников к изучению событий на местном уровне через учебно-исследовательские проекты, которые могут дать первоначальный опыт знакомства с реальной общественно-политической жизнью.

Таблица 4

Оценка ценностных предпочтений учителями и школьниками

Ценности	Интерес учащихся по мнению учителей, в %	По мнению школьников	Дельта учителя/школьни-ки	Ранг у школь-ников
1. Права и свободы личности	78,57	65	+13,57	1
2. Равенство перед законом	66,07	48,1	+ 17,97	2
3. Социальная справедливость	60,71	39,5	+ 21,21	3
4. Демократия	35,71	24,8	+ 10,91	4
5. Личная безопасность	33,04	22,4	+ 10,64	5
6. Доверие власти	32,14	13,1	+19,04	12
7. Патриотизм как любовь к малой родине	30,36	17,2	+ 13,16	10
8. Правовая ответственность за свои поступки	27,68	18	+9,68	8
9. Частная собственность	26,79	19	+ 7,79	7
10. Политическая оппозиция	23,21	3,6	+19,61	19
11. Правовое государство	19,64	11	+8,64	13
12. Сильное государство	18,75	15,3	+3,45	11
13. Гражданский активизм	12,5	6	+6,5	16
14. Толерантность	11,61	21,1	-9,49	6
15. Политическая стабильность	10,71	10,9	-0,19	14
16. Прогресс и инновации	9,82	17,5	- 7,68	9
17. Права меньшинства	8,93			20
18. Лояльность власти	3,57	5,2	- 1,63	18
19. Традиции российской государственности	3,57	7,2	- 3,63	15
20. Право народов на самоопределение	0,89	5,9	- 5,01	17

По мнению учителей, политические ценности учащихся близки к социал-демократической идеологии и/или левому либерализму (социал-либерализму). По мнению экспертов, школьникам ближе и понятнее либеральная идеология (60,71 %) и социал-демократическая идеологии (41,96 %), социал-либерализм (24,11 %) (табл.5). Консервативная идеология близка 13,39 % учащихся. Из остальных идеологических течений эксперты отметили, как понятные и близкие части обучающихся: коммунизм и социализм – по 12,5 %, национализм – 10,71 %.

Такие консервативные ценности как лояльность власти, традиции российской государственности, политическая стабильность в минимальной степени интересуют школьников. Однако оценки учителей и самих старшеклассников по многим позициям снова не совпали. Учителя явно преувеличили уровень политической идентификации старшеклассников. Политико-идеологическая идентичность старшеклассников не сформирована.

Таблица 5

**Наиболее близкая и понятная идеология
(в % от общего числа опрошенных)**

Идеологии	Ответы школьни- ков	Оценки учите- лей	Дельта Учителя / Школьники
Либерализм	24,1	60,71	+36,61
Социал-либерализм	6,1	24,11	+18,01
Социал-демократия	21	41,96	+20,96
Коммунизм	12,5	12,5	0
Национализм	4,4	10,71	+6,31
Консерватизм	9,6	13,39	+3,79
Социализм	16,6	12,5	- 4,1

Политическую идеологию, по мнению экспертов, старшеклассники воспринимают как механизм осмысления политики («определенные парадигмы», «подходы к пониманию и оценке политических событий и процессов») – 31,25 %. Второе восприятие идеологии – «способ обоснования и защиты групповых интересов» – 27,68 %. Ко второму пониманию идеологии близки ответы: идеология как «механизм поиска единомышленников», как «способ рекламы своих ценностей» (по 15,18 % каждый ответ).

С точки зрения самих старшеклассников, идеология – это, прежде всего, способ обоснования и защиты групповых интересов (42 %) и механизм поиска единомышленников в борьбе за власть (34,8 %). Данные ответы, как нам представляется, свидетельствуют о понимании старшеклассниками наличия социальной иерархии в российском обществе, глубокого социального раскола и необходимости политической борьбы за отстаивание своих интересов. Та или иная идеологическая предрасположенность учащихся, по мнению учителей, пока слабо сочетается с желанием что-либо делать самим: гражданский активизм, инновации как проявление творчества, как ценности не вызывают особого интереса у старшеклассников.

По мнению учителей, выпускникам школы при отстаивании своих интересов ближе позиции безразличия («пофигизма») – 36,61 %, умеренности (31,25 %) и радикализма (27,68 %). Достаточно представлен центризм – 17,86 % (сумма ответов больше 100 %, так как можно было выбрать несколько наиболее близких позиций.) Таким образом, выпускников школ эксперты поделили на три примерно равные части: самая большая – это молодые люди, придерживающиеся умеренных позиций (умеренность и центризм); затем равнодушные к политике, будущие абсентеисты; и ра-

дикальная часть молодежи. Ответы самих школьников значительно расходятся с оценками учителей (табл.6).

Таблица 6

Позиция, занимаемая при отстаивании своих взглядов, своего мнения, своих представлений

Варианты ответов	Школьники %	Учителя %	Дельта учителя /учащиеся
Радикализм	7,3	27,68	+ 20,38
Центризм	6,6	17,86	+ 11,26
Умеренность	54,6	31,25	- 23,35
Экстремизм	4	5,36	+ 1,36
Безразличие («пофигизм»)	9,1%	36,61	+ 27,51

Учителя переоценили распространение позиции «пофигизма» и радикализма среди старшеклассников, более чем на 20 %, и недооценили стремление к умеренности в политике также более чем на 20%. Переоценена учителями позиция центризма более чем на 11 %. Для проверки включения старшеклассников в общественно-политическую жизнь страны был задан вопрос об интересе к деятельности современных российских политиков, поскольку учащимся легче определиться в отношении персон, чем дать оценку политическим институтам (табл.7).

Таблица 7

**Политические лидеры и деятели,
чья деятельность привлекает внимание %**

Политические и государственные деятели	Ответы школьников по выборке в целом	Муж	Жен	9 класс	10 класс	11 класс	Учителя
Медведев Д.А.	15,0	13,4	16,1	15,5	15,6	13,7	6,25
Миронов С.М.	1,8	1,7	1,9	0,5	1,2	2,7	0,89
Зюганов Г.А.	3,9	6,1	2,4	2,9	2,8	6,1	5,36
Жириновский В.В.	25,7	29,9	22,6	28,6	25,1	23,2	40,18
Путин В.В.	59,9	57,9	61,2	66,4	61,2	51,8	87,5
Явлинский Г.А.	0,8	1,5	0,3	0,9	0,3	1,2	0,89
Мишустин М.В.	9,3	8,3	9,9	8,8	8,9	10,1	13,39
Морозов С.И. Экс-губернатор Ульяновской обл.	17,8	15,3	19,6	22,1	16,2	14,9	

Окончание табл. 7

Русских А.Ю. Губернатор Улья- новской обл.	30,1	24,3	34,1	33,6	29,4	27,1	25,89
Навальный А.	19,2	16,3	21,3	19,2	19,6	18,9	46,43
Шойгу С	10,7	12,9	9,1	10,3	11,0	10,7	10,71
Лавров С.	9,7	9,5	9,8	8,6	10,1	10,4	13,39
Мне не интересны политики	14,3	14,1	14,4	8,3	15,6	19,2	

Учителя переоценили интерес старшеклассников к В. Путину, В. Жириновскому, М. Мишустину, А. Навальному, С. Лаврову. Недооценили интерес к Д. Медведеву, как более молодому и весьма продвинутому в цифровой сфере.

Исследование показало, что в рамках преподавания обществознания учащиеся получают достаточное количество информации о политической сфере общества, об устройстве и функциях основных политических институтов, о сущности и основных ценностях различных политических идеологий, соотношении целей и средств в политической деятельности, о формах политического участия и деятельности политической оппозиции. Однако полученные знания, хотя и не подкрепленные практикой знакомства с деятельностью политических институтов, позволяют сформировать позитивное восприятие политической системы российского общества и государства примерно у 70 % старшеклассников.

Выводы

У выпускников школ складывается в целом позитивное восприятие политики как одной из сфер жизнедеятельности общества. В целом они знают, как устроена государственная власть, функции государства; основные признаки демократии, понятие многопартийности, основные классические идеологии; в определенной степени представляют социальную структуру общества. Но сформировано довольно узкое понимание политики, всю политику старшеклассники сводят в основном к деятельности государства. Когнитивный элемент политической идентичности сформирован на пороговом уровне.

1. Политические ценности, представления учащихся близки к социал-демократической идеологии и/или левому либерализму (социал-либерализму), консервативные ценности не востребованы. В данном случае, можно говорить о проигрыше системы образования контенту социальных сетей, где пропаганда даже не либеральных, а скорее неолиберальных ценностей ведётся настойчиво и весьма агрессивно.

2. Патриотизм воспринимается как вторичная ценность по отношению к правам и свободам личности, в политике воспринимаются только яркие и/или эксцентричные личности, доминирует вера в яркие слова – по-

пулизм не отличают от реальной политики. Однако даже данная идеологическая позиция пока слабо сочетается с желанием что-либо делать самим: гражданский активизм, инновации как проявление творчества, как ценность не вызывают особого интереса у старшеклассников.

3. Основы идеологической идентификации в целом сложились, пусть в достаточно поверхностной и наивной форме, однако высказывания респондентов свидетельствуют о недостаточном уровне доверия власти. Власть с их точки зрения скрывает недостатки, не разрешает критиковать. В таких условиях оппозиция воспринимается патриотично. Оппозиционер для многих учащихся – всегда патриот.

4. Не сложилась партийная идентификация: есть симпатии к некоторым партиям (ЕР, ЛДПР, «Яблоко»), но нет желания вступать в партии, участвовать в выборах.

5. В плане формирования политической идентичности, школа призвана дать знания о политике и возможно первый практический опыт понимания своих интересов, выработки своей позиции, сопоставления своих взглядов с взглядами других людей. Однако, по мнению учителей, учащиеся, с одной стороны, достаточно активно интересуются политическими процессами и событиями, происходящими в стране, но с другой - у них практически отсутствует интерес (желание) изучать политологию в курсе обществознания. В целом по результатам обучения в средней школе сформирована политическая идентичность в основном порогового уровня.

6. Преподавание обществознания в школе призвано помочь выпускникам самоопределиться и сориентироваться в социальном и политическом пространстве. Ответы школьников показали, что практически у всех идет процесс формирования ценностных ориентаций и идеологических предпочтений. Лишь 3 % респондентов ответили, что их не интересуют политические ценности и 2,6 % индифферентно отнеслись к политическим идеологиям. Однако почти трети школьников не удалось сориентироваться в политическом пространстве страны (почти 30 % негативно воспринимают политику и 26 % не интересуются вообще никакими политическими партиями). Настораживают и значительные различия в ответах учителей-экспертов и старшеклассников.

Список литературы

1. Дзуцев Х.В., Корниенко Н.В. Преподавание основ религии в общеобразовательных школах (на примере республик Северного Кавказа) // Социс. 2019. № 8. С.150-156. DOI: 10.31857/S013216250006178-8

2. Дергунова Н.В Школьный курс обществознания как фактор формирования политической идентичности старшеклассников. - Гражданское участие и публичная власть в Ульяновской области в 2020-2021 гг.: вызовы пандемии, уроки и перспективы: сборник научных трудов / под общ. ред. Т.А. Рассадиной. Ульяновск: УлГТУ, 2021. 161 с. С.71-87

3. Дробижева Л.М., Рыжова С.В. 2015. Гражданская и этническая идентичность и образ желаемого государства в России // Полис. № 5. С. 9-13.

4. Общая методика преподавания обществознания в школе / Л.Н. Боголюбов, Л.Ф. Иванова, А.Ю. Лазебникова и др.; под ред. Л.Н. Боголюбова. М.: Дрофа, 2008. 606 с.

5. Ольховая Т.А., Каратаева Т.А. Методологические основы формирования гражданской идентичности старшеклассников в современной школе // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=26403> (дата обращения: 02.03.2021).

6. Попова О.В. Развитие теории политической идентичности в зарубежной и отечественной политической науке // Идентичность как предмет политического анализа / Под ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеевой, В.В. Лапкина, П.В. Панова. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 13–29.

7. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2002. 258 с.

8. Российская нация. Становление и этнокультурное многообразие / Отв.ред. В.А.Тишков. М., 2008;

9. Тишков В.А. Нация и национальная идентичность в России // Вестник российской нации. 2008. № 1. С.120–128.

10. Федотова Е.В. Технологии формирования гражданской идентичности личности на уроках истории и обществознания. - Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России : сборник научных трудов / Ульянов. гос. техн. ун-т. Ульяновск : УлГТУ, 2015. 343 с.

11. Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Асеева Т.А. Особенности и механизмы политической идентификации населения Республики Алтай // Социс. 2017. № 6. С.85–94. DOI: 10.7868/S0132162517060083

Дергунова Нина Владимировна, д-р полит. наук, проф., comm3@yandex.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н.Ульянова

*ON ISSUE ABOUT EFFECTIVENESS OF TEACHING THE FOUNDATIONS
OF POLITICAL SCIENCE IN COMPREHENSIVE SCHOOL
(BASED ON EXAMPLE OF THE ULYANOVSK REGION)*

N. V. Dergunova

This paper shows the results of the empirical studies: expert poll of school teachers of history and social science in comprehensive schools of the Ulyanovsk region and online survey of high school students. School at present lays the foundation of the political and ideological identification of young people due to lack of significant part of humanities in university education. Consequently, the purpose of our study is to explore the level of formation of students' ideas about the main didactic units of the course of political science within the

framework of social science, indicating the effectiveness of the process of forming the civil and political identity of high school students. This paper concludes that the process of formation of value orientations and ideological preferences of high school students is successful, however almost a third of students fails to orient themselves in the political space of the country. There are also alarming significant differences in the answers of expert teachers and high school students.

Keywords: social science, fundamentals of political science, politics, ideology, political identification, civic activity, value orientations.

Dergunova Nina Vladimirovna, doctor of political sciences, professor, comm3@yandex.ru, Russia, Ulyanovsk, Ilya Nikolaevich Ulyanov State Pedagogical University.

УДК 323.21

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-39-49

ОБРАЗ БУДУЩЕГО СТРАНЫ В ВОСПРИЯТИИ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.А. Лаврикова, О.Е. Шумилова

На основе результатов вторичного анализа материалов всероссийских исследований выделены параметры восприятия перспектив развития России, определяющие смысловое наполнение образа будущего для различных сегментов российского общества. В основу методики положена разработанная авторами схема логического анализа концепта «образ будущего страны», использование которой позволило выявить значимую поколенческую дифференциацию видения будущего страны.

Ключевые слова: образ будущего страны, механизм конструирования образа будущего, фрейм, фрейминг, ценностная иерархия

В рамках данной статьи под «образом будущего страны» мы понимаем видение будущего страны через призму потребностей, интересов, ожиданий, идеалов, системы ценностей субъекта восприятия (индивида, социальной группы и т.д.). В содержании образа будущего находят отражение коллективные цели и планы, групповые ожидания, надежды, мечты, коллективные страхи, тревоги и идеалы [1]. Принимая во внимание изменения макро-, мезо-, микросреды под влиянием различных факторов [2] наиболее перспективным представляется исследование проблемы формирования образа будущего страны через построение многомерных моделей, основанных на системе различных координат. Основываясь на опыте исследо-

вательского коллектива [3-5] наиболее перспективными для анализа представляются следующие параметры:

- характеристика целевых групп (ЦА) (внутренний и внешний образ);
- типы образа: идеальный (с точки зрения запросов), моделируемый (с точки зрения предложения) и реальный (с точки зрения текущей оценки),
- механизм конструирования образа.

Формирование образа будущего страны предполагает интерпретацию: а) прошлого как обоснование роли страны в мировой истории); б) современного состояния страны с демонстрацией места в современной мировой системы; в) видения позиции страны как изменение сегодняшнего положения государства в краткосрочной или долгосрочной перспективе в рамках заложенной исторической матрицы. В результате происходит смысловое расширение границ образа будущего за счет включения в представления о стране и государстве не только перспектив развития, но и трактовок настоящего и прошлого. Итогом должна выступать непротиворечивая картина мира, объясняющая право страны на получение конкурентных политически и экономических преимуществ. Эффективность механизма формирования образа будущего зависит не только от ценностно-смысловых доминант «представлений о себе как стране и государстве», но и от сформированных образов реальных и потенциальных «друзей» и «врагов», так как именно они задают систему координат для самооценки и оценки происходящих и будущих внешне- и внутривнутриполитических событий. Следовательно, схему логического анализа концепта «образ будущего страны» можно представить следующим образом (табл.1).

Таблица 1

Схема логического анализа концепта «образ будущего страны»

ЦА	Типы	Механизм конструирования		
		представления о себе как стране и государстве	представления об окружающем мире	Детализация образа
Внутренний образ	Идеальный	Прошлое – настоящее - перспективы	«Образы друзей» - «образы врагов»	Общая картина/ связь с конкретными коллективными действиями/ связь с поступками отдельных личностей
	Моделируемый	Прошлое – настоящее - перспективы	«Образы друзей» - «образы врагов»	Общая картина/ связь с конкретными коллективными действиями/ связь с поступками отдельных личностей

Окончание табл. 1

	Реальный	Прошлое – настоящее - перспективы	«Образы друзей» - «образы врагов»	Общая картина/ связь с конкретными коллективными действиями/ связь с поступками отдельных личностей
Внешний образ	Идеальный	Прошлое – настоящее - перспективы	«Образы друзей» - «образы врагов»	Общая картина/ связь с конкретными коллективными действиями/ связь с поступками отдельных личностей
	Моделируемый	Прошлое – настоящее - перспективы	«Образы друзей» - «образы врагов»	Общая картина/ связь с конкретными коллективными действиями/ связь с поступками отдельных личностей
	Реальный	Прошлое – настоящее - перспективы	«Образы друзей» - «образы врагов»	Общая картина/ связь с конкретными коллективными действиями/ связь с поступками отдельных личностей

В рамках предлагаемой исследовательской модели образ будущего страны выступает в качестве одного из инструментов, с помощью которого политические акторы наделяют смыслом собственные действия, поэтому для раскрытия проблемы мы можем опираться на положения теории «социального конструкционизма» [6- 9] и рассматривать конструирование образа через призму фрейминга. При этом под фреймами мы понимаем «стратегические усилия групп людей по конструированию разделяемых ими схем понимания мира и самих себя, которые легитимируют и мотивируют коллективное действие» [10], в свою очередь фрейминг представляет собой интерактивный, коллективный способ придания смысла собственным действиям [11]. Формирование фрейма возможно только в условиях длительного, публичного «проговаривания» проблемы (дискурса), когда осуществляются процессы коллективной рефлексии и предопределения предпосылок социального бытия. Содержание дискурса определяется, прежде всего, «средой обитания», и в определенной степени он ею и продуцируется. В ходе изменения фреймов производятся новые ценности, верования и смыслы, способствующие вовлечению новых акторов в политические процессы; благодаря образованию новых коллективных идентичностей [12], как разделяемого всеми участниками коллективного действия ощущения общности, единства позиций [13]. При конструировании новой

коллективной идентичности создается возможность для социальных трансформаций, иницирующих новые «культурные коды» [14]. В результате происходит преодоление «фрагментации идентичностей», присущей современному социуму, и реализация одной из задач укрепления национальной безопасности – социальной интеграции социума.

В условиях роста конфликтности и неопределенности мирового политического процесса элитным группам различных государств приходится постоянно «конструировать» мобилизационные фреймы, которые могли бы убедить общество в конфликтности ситуации (недопустимости ее в условиях данного общества / сообщества, противоречии ее существующей культуре и социальным нормам), осуществить рекрутинг сторонников, обеспечить ресурсами, опровергнуть фреймы оппонентов, доказав их ложность или не соответствие действительности. Для «резонирования» фрейма, сконструированного элитами, с картиной мира рядовых граждан [15] наряду с общим взглядом на мир требуется сформировать более локальные (целенаправленные) фреймы коллективного действия, в частности, указывающие на виновника ситуации, мотивирующие группы поддержки и ориентирующие на соответствующее решение проблемы [7]. При отсутствии необходимой детализации образа возможны существенные расхождения в наполнении идеального, моделируемого и реального типов. Проблемы также могут быть связаны с противоречивой взаимосвязью составляющих образа будущего страны, различием эффектов влияния, производимых разными видами повестки дня (медийной, государственной, гражданской) в разных условиях среды.

Соответственно, для оценки эффективности процесса формирования образа будущего России необходимо не только определить общие содержательные и контекстуальные параметры восприятия перспектив развития страны, но и ответить на вопрос: существует ли значимая поколенческая дифференциация видения будущего, которую необходимо принимать во внимание при организации взаимодействия элитных и массовых групп?

Для решения поставленной задачи обратимся к материалам всероссийских исследований, проводимых Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) [16], при этом в связи с существующими методологическими трудностями исследования данного феномена и проблемой выделения прямых индикаторов измерения его отдельных составляющих мы ориентировались на маркеры, соответствующие позициям в табл.1.

В контексте рассматриваемой в статье проблематики критериями, позволяющими выявлять характеристику тех или иных аспектов видения перспектив развития страны, могут быть: 1) иерархия национальных ценностей (выделение ядра и периферии); 2) размер ущерба, который может возникнуть при их защите. Исходя из этого, определяются рамочная кон-

струкция образа будущего (с точки зрения как всего национального сообщества, так и в представлениях отдельных социально-демографических групп).

Маркерами идеального образа будущего страны в представлениях различных поколений выступает декларация тех или иных идеологических взглядов, так как базовая идеология подразумевает определенный перечень ценностей. Так, либеральная идеология традиционно связывается с доминантами прав человека, гарантий собственности, открытости страны и рыночной экономикой; патриотическая – развития страны, укрепления обороноспособности, гражданского единства, суверенитета; либертарианская – свободы личности, минимума вмешательства государства; постиндустриальная – развития цифрового общества, расширения возможностей человека, искусственного интеллекта; социалистическая – равенство, справедливость, социальные гарантии; национал-патриотическая – прав и интересов своей нации (народности) выше всего, ограничения миграции; православно-державная – традиции, духовности, цивилизации, возвышения России в мире. Анализ материалов социологических исследований (см. табл. 2) показал, что смысловое наполнение образа будущего в соответствии с данным критерием существенно дифференцируется в зависимости от возраста респондентов. В частности, число сторонников патриотических / национал-патриотических/ православно-державных ценностей с возрастом увеличивается, а либеральных/ постиндустриальных – сокращается. В то же время сегмент сторонников социалистических ориентаций достаточно высок среди всех поколений (даже среди «зумеров» этот показатель весьма значим)

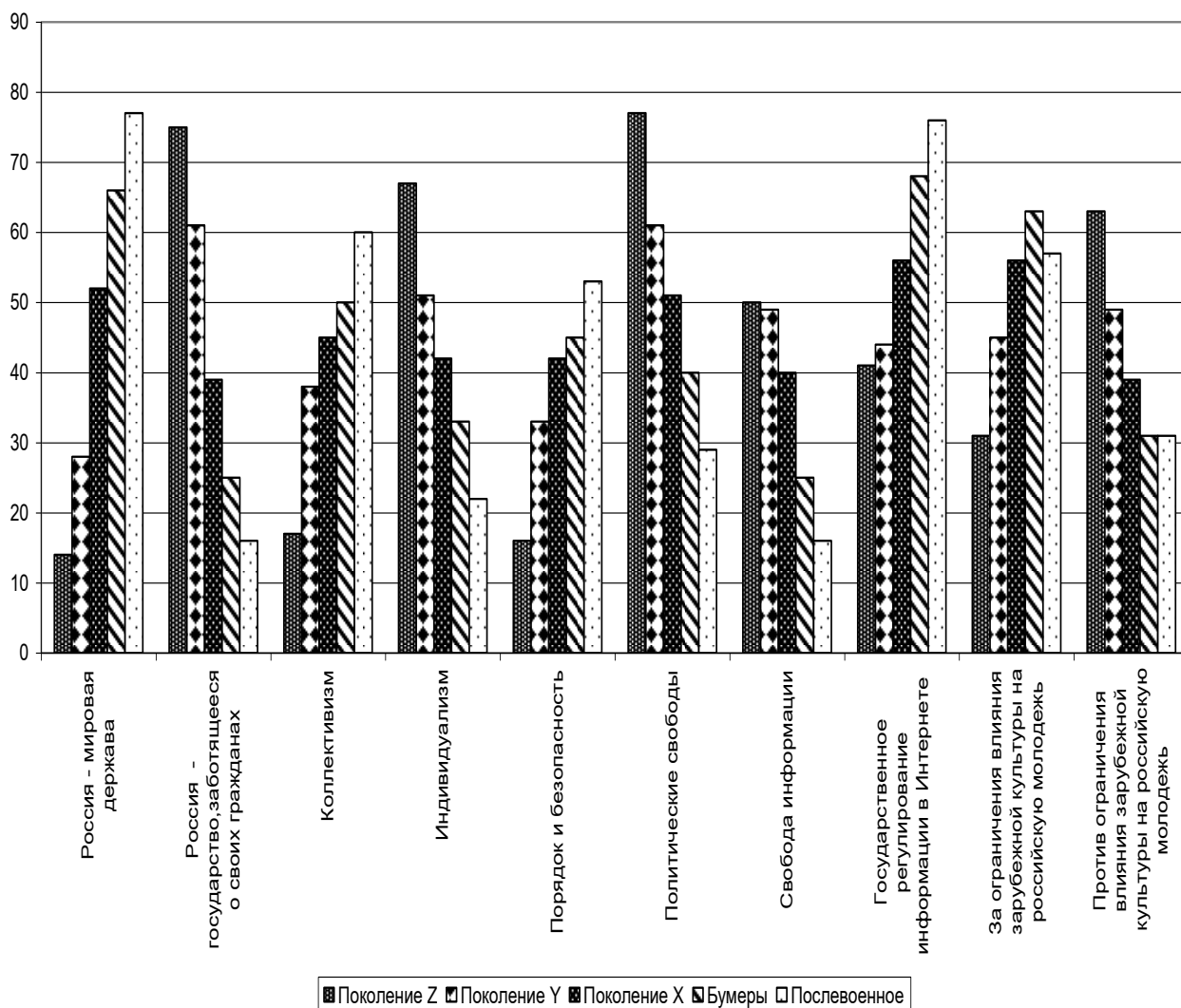
Таблица 2

**Индекс приверженности базовым идеологиям:
поколенческая дифференциация***

Идеологии	Поколение Z (20 лет и младше)	Поколение Y (21-39 лет)	Поколение X (40-53 го- да)	Бумеры (54 - 74 года)	Послево- енное (75 лет и старше)
Либеральная	73	59	34	14	13
Патриотическая	49	55	77	85	90
Либертарианская	54	31	15	14	28
Постиндустриальная	43	36	13	29	15
Социалистическая	46	61	67	70	67
Национал-патриотическая	2	20	23	17	37
Православно-державная	- 6	24	54	62	72

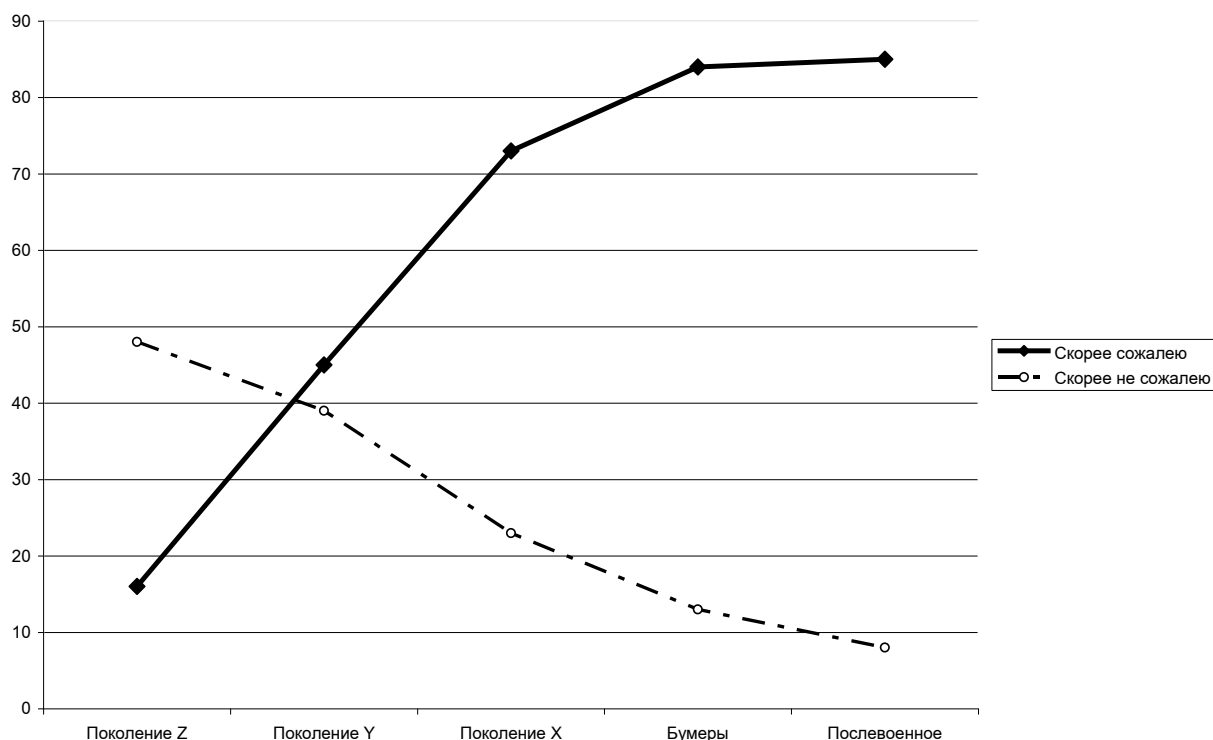
*Индекс рассчитывался как разность положительных и отрицательных ответов на вопрос: «Сейчас я зачитаю Вам несколько вариантов идеологий. Скажите, пожалуйста, какая идеология вызывает у Вас симпатию, какая – антипатию, а какая – безразличие?»

Обозначенные ценностно-смысловые доминанты находят отражение и конкретизируются и в других позициях представителей разных поколений относительно прошлого, настоящего и будущего страны. Направленность оценки различных параметров состояния и перспектив развития страны (сильное государство, индивидуализм / коллективизм, порядок и свобода, свобода информации, космополитизм/ почвенничество), во многом зависела от возраста респондентов (рис. 1).

Рис.1. Оценка состояния и перспектив развития страны: поколенческая дифференциация

Принадлежность к тому или иному поколению также определяла и отношение к относительно недавней истории страны (в частности, к распаду СССР; см. рис. 2).

Рис. 2. Отношение к СССР: поколенческая дифференциация («Скажите, пожалуйста, Вы лично сожалеете или не сожалеете, что Советский Союз распался?») (в % от общего числа опрошенных)

Разновекторность восприятия образа будущего страны проявляется и в высказываниях молодежи и более старших возрастных групп о пути оптимизации жизни в современной России: с возрастом ориентация на политическую стабильность в противовес политическим переменам и реформам усиливается (табл. 3).

Таблица 3

Пути оптимизации жизни российского общества: поколенческая дифференциация (в % от общего числа опрошенных)

	Поколение Z (20 лет и младше)	Поколение Y (21-39 лет)	Поколение X (40-53 года)	Бумеры (54 - 74 года)	Послевоенное (75 лет и старше)
Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем реформы и связанные с ними перемены	44	49	57	60	55

Окончание табл. 3

Страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности	46	40	34	27	20
Индекс предпочтения стабильности	- 2	9	23	33	25

Такие расхождения, с одной стороны, вполне закономерны и объясняются как общей динамикой мировосприятия в процессе жизненного цикла индивида, так и «усталостью» от кардинальной трансформации российского общества конца XX в., с другой – в отсутствии других общих компонентов образа будущего указывают на наличие межпоколенческого разрыва в формировании «картины мира». Сделанный вывод подтверждается и отношением к демократическим правам и свободам: несмотря на то, что значительная часть представителей каждого из поколений признает их ценность (данный показатель варьируется от 50 до 79 % от общего числа опрошенных в рамках представленных групп), сегмент скептиков, рассматривающих права и свободы только как «болтовню и демагогию», с возрастом заметно увеличивается.

К числу объединяющих компонентов образа будущего можно отнести только своеобразный запрос на совершенствование модели социального государства, которая позволит преодолеть высокий уровень социального и регионального неравенства, улучшить материальное положение каждого, обеспечить эффективность функционирования системы здравоохранения, отражением чего выступает выявленная в ходе исследований интеграция общественного мнения в зоне «страхов и тревог». Так, высокий ранг в иерархии занимают ценности, связанные преимущественно с реализацией базовых потребностей («состояние здоровья и здоровья членов семьи» (89 %), «отношения в семье» (84 %), «личная безопасность и безопасность членов семьи» (83 %), «материальное положение семьи» (73 %), «среда обитания, экология в месте проживания» (69 %), «социальная инфраструктура в месте проживания» (62 %), в то время как ценности самореализации и творчества оказались на периферическом положении («наличие досуга и возможности его проведения» (33 %), «творческая самореализация» (25 %), «социальный статус, положение в обществе» (20 %), «участие в общественной и политической жизни» (10 %), «продвижение по карьерной лестнице, возможность занять высокую должность» (12 %)), что указывает на их значительный конфликтогенный потенциал. Зона «страхов и тревог» ограничивается внутривнутриполитической ситуацией («рост социальной несправедливости, неравенства между людьми», «станут слишком дорогими привычные товары / не сможем их больше покупать»).

Таким образом, солидаризация образа будущего страны как объединение в моменте людей, принадлежащих к разным поколениям, во многом связана с негативными оценками настоящего и перспективами преодоления всевозможных проблем при доминирующей роли государства.

Обращает на себя внимание тот факт, что согласно результатам качественных исследований [17] ценности самореализации и творчества включает в модель собственного комфортного будущего на макроуровне преимущественно молодежь, что еще раз указывает на наличие межпоколенческого разрыва в восприятии образа будущего страны. В то же время сохраняется фрагментарность системы идентичности молодых людей, что позволяет находить альтернативные варианты желаемого будущего в соответствии с динамикой внутренних запросов и одновременно входить в несколько субкультурных сообществ с их размытыми и нестабильными границами. Поэтому возникновение событий, воспринимаемых или декларируемых как знаковые, у молодежного сегмента гораздо чаще возникает ощущение «сбоя» программы жизни, картины мира, представлений о себе и о стране. Таким образом, «невнятный» образ будущего у молодого поколения ведет к снижению чувства уверенности в завтрашнем дне, защищенности, ограничивает возможности выбора адекватных жизненных стратегий, что требует особого внимания к данной тематике в рамках реализации молодежной политики на различных уровнях.

Опираясь на выводы исследования института психологии РАН [18], согласно которым одними из главных предикторов оптимизма в отношении будущего России выступают доверие к президенту, лояльность к своей группе и идентификация со своей страной, а также учитывая специфику целевой аудитории в качестве наиболее перспективного механизма конструирования образа будущего выступает так называемое «наведение смысловых мостов», что предполагает объединение интерпретационных схем деятельности главы государства, презентации себя как представителей российской молодежи и гордости за страну в контексте свободы личности и прав человека, социальной справедливости и социальных гарантий. При этом целесообразно детализировать интерпретативные схемы, в том числе за счет объяснения истории в контексте современной внешней и внутренней политики России, и включения отдельных позиций, которые достаточно случайны для моделируемой рамочной конструкции образа будущего, но имеют существенное значение для молодежи (экологическая тематика, личное благополучие, возможности для саморазвития и т.д.).

Список литературы

1. Нестик Т.А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // СОЦИОДИГГЕР. 2021. Октябрь – Ноябрь. Т. 2. Вып. 9(14): Горизонты будущего. С.6 – 48.

2. Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. и др. Развитие гражданского общества в регионах России: монография / под общей редакцией И.А. Батаниной. Тула: Изд-во ТулГУ, 2019. 253 с.

3. Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. и др. Политическое участие как фактор регулирования конфликтов в системе «власть – общество» в условиях трансформации современной России: монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2013. 248 с.

4. Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. Восприятие категории «политическое участие» различными сегментами молодежи // В сборнике: Политическое участие граждан: состояние, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тула, 2017. С. 133 – 143.

5. Batanina I.A., Lavrikova A.A., Pukhanov S.A. Shumilova O. E. A Model of the Civil Participation in the Context of the Specificities of the Political Space of the Russian Federation's Regions // Space and Culture, India. 2018. Vol 6 № 3. P. 82 -96 (ISSN20528396-India-Scopus).

6. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Ин-т социологии; ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 752 с.

7. Snow D.A., Benford R.D. Master Frames and Cycles of Protest., in A.D. Morris, C. McClurg Mueller eds., *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press. 1992. Pp. 133 – 155.

8. Parkin F. Middle class radicalism. Cambridge, 1968. Pp. 467 – 474.

9. Яницкий О.Н. Социальные движения и теория фрейминга [Электронный ресурс]. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=464 (дата обращения: 19.07.2020).

10. Научно-технический отчет по теме «Политическое участие как фактор урегулирования конфликтов в системе «власть - общество» в условиях трансформации современной России (на примере ЦФО)», руководитель И.А. Батанина (Соглашение № 14.В37.21.1018), подготовленный в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 годы, объявленном Министерством образования и науки Российской Федерации в 2012 году (мероприятие 1.2.1 «Поддержка научных исследований, проводимых коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук»), 2012-2013 гг. [Электронный ресурс]. URL:https://esu.citis.ru/ikrbs/0m_1G00K4pxL15JH0Y2cLb0 (дата обращения: 10.03.2019).

11. McAdam D., McCarthy J.D., Zald M.N. Comparative perspectives on social movements: political opportunities, mobilizing structures, and cultural framing. N.Y.: Cambridge University Press, 1996. 446 p.

12. Snow D.A., Soule S.A., Kriesi H. (eds.) *The Blackwell Companion to Social Movements*. Blackwell Publishing. 2004. P. 435. [Электронный ресурс]. URL: <http://graduateinstitute.ch/files/live/sites/iheid/files/sites/development/shared/developpement/cours/IA029/Snow-2004.pdf> (дата обращения: 10.08.2019).

13. Diani M. The Concept of Social Movement // Sociological Review. 1992. № 1. P. 26.

14. Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge, 1996. 456 p.

15. Klandermans B. The Social Construction of Protest and Multiorganizational Fields, in: Morris A. and C. Mueller, eds. Frontiers in Social Movement Theory. New Haven and London: Yale Univ. Press, 1992. Pp. 77 – 103.

16. Федоров В. Ценности современного российского общества. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/cennosti-sovremennogo-rossiiskogo-obshchestva> (дата обращения: 12.06.2022).

17. Бродовская Е. В., Лукушин В. А., Давыдова М. А. Векторы развития электоральных установок российской молодежи: результаты когнитивной инструментальной диагностики // Власть. 2022. Том 30. № 3. С. 80-84. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9049> [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/9049> (дата обращения: 10.08.2022).

18. Макушева М. О. «Конфликт и солидарность». Как конфликт России и Украины проецируется на общественное мнение россиян // СОЦИОДИГГЕР. 2022. Июль. Т. 3. Вып. 7 (19): Радикализация. Поляризация мнений и разрывы в коммуникации. С. 19.

Лаврикова Анастасия Александровна, д-р полит. наук, проф., elav@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Шумилова Ольга Евгеньевна, канд. полит. наук, доц., helgash80@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

THE IMAGE OF THE COUNTRY'S FUTURE IN THE PERCEPTION OF VARIOUS GROUPS OF THE RUSSIAN SOCIETY

A.A. Lavrikova, O.E. Shumilova

Based on the results of a secondary analysis of the materials of All-Russian studies, the parameters of perception of the prospects for the development of Russia have been identified. These parameters determine the semantic content of the image of the future for various segments of the Russian society. The methodology is based on the scheme of logical analysis of the concept "the image of the country's future" developed by the authors, the use of which made it possible to identify a significant generational differentiation of the vision of the country's future.

Keywords: the image of the country's future, the mechanism of constructing the image of the future, frame, framing, value hierarchy

Lavrikova Anastasiya Alexandrovna, doctor of political sciences, professor, elav@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Shumilova Olga Evgenievna, candidate of political science, docent, HelgaSh80@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.343.652

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-50-66

ПРЕПОДАВАТЕЛИ ВУЗОВ И НОВЫЙ СРЕДНИЙ КЛАСС: СОВПАДЕНИЯ И РАЗЛИЧИЯ

О.В. Шиняева, И.А. Плохова, Ю.А.Тихонова

Формирование информационного общества и повсеместное внедрение цифровых технологий привели к изменению системы высшего образования, его основной профессиональной группы – преподавателей вузов. В их составе появились высокоэффективные наемные работники с неотчуждаемым человеческим капиталом - «люди знаний», интеллектуалы, информационные сотрудники. Ускоренный переход к цифровым образовательным технологиям в условиях пандемии способствовал изменениям в социально-профессиональной деятельности и идентичности преподавателей. Анализируется социальный статус преподавателей высших учебных заведений, выявляется степень его соответствия критериям нового среднего класса, формирующегося в российском обществе. Полученные результаты свидетельствуют о невысоких темпах формирования в России нового среднего класса из «людей знаний»; преподаватели вузов соответствуют этой группе, но не все и не по всем критериям. Увеличение нового среднего класса в научно-преподавательском сегменте высшей школы возможно за счет повышения материального благосостояния и увеличения в их составе доли профессиональных интеллектуалов.

Ключевые слова: преподаватели высших учебных заведений, «люди знаний», новый средний класс, критерии соответствия.

В последние двадцать лет повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни привело к изменениям структуры общества и состава среднего класса. Происходит сокращение численности традиционного среднего класса, включающего предпринимателей, руководителей, и рост доли новых среднедоходных слоев – «людей знаний», которые состоят из высококвалифицированных наемных работников в сфере бизнеса, науки, образования, культуры, опирающихся на специальные знания и активно использующие информационные технологии [9, с.42].

«Новый средний класс», как мы отмечали в предыдущих публикациях [20, с.65] – это международный феномен, развитие которого происходит во всех странах, независимо от их общественной системы и культурных традиций, но с учетом темпов проникновения цифровых технологий в экономику и образование. Американский социолог Алвин Гоулднер отнёс к *новым слоям среднего класса* лиц, у которых наличие интеллектуального капитала доминирует над материальным. В составе «новых слоев» А. Гоулднер

выделил интеллектуалов и интеллигенцию, характерными чертами которых являются культурный капитал (знания, квалификация) и культура критического дискурса (речевая и гражданская общность) [21, с. 713].

Французский учёный М. Хальбвакс считает, что «новый средний класс» формируется не столько из доходных, сколько социально-профессиональных групп. Все они имеют интеллектуальный характер труда, получают доходы либо от собственного бизнеса, либо от более высокого, нежели у остального общества, уровня образования. Отличительной особенностью «нового среднего класса» является наличие состояния, которое «позволяет производить расходы на предметы роскоши вне зависимости от того, отказываются они от некоторых полезных расходов или нет» [18, с. 107].

Автор и убежденный последователь существования «креативного класса» Р. Флорида особой отличительной чертой новых представителей среднего класса считает «создание значимых новых форм» в труде, профессиональное творчество. Исследователь разделяет креативный класс на суперкреативное ядро (ученые, инженеры, университетские профессора, чьи взгляды формируют общественное мнение) и «креативных специалистов», работающих в целом ряде отраслей, основанных на знании; это люди с высоким уровнем образования и человеческим капиталом [17, с. 23]. Флорида отмечает наличие особой мотивации в профессиональной деятельности: содержание работы как поле самореализации, признание профессиональных заслуг, гибкий график работы, свобода выбора средств, возможность заниматься хобби и достойное материальное вознаграждение.

М. Кастельс акцентирует внимание на процессе нисхождения традиционного среднего класса, теряющего устойчивые позиции на своих сегментах рынка труда. Одновременно ученый выделяет механизм становления «нового среднего класса» и его базовые составляющие: человеческий капитал и мотивация в профессиональной деятельности; наличие хорошей теоретической и практической подготовки, опыт работы по профессии, знание ИКТ, здоровье [7, с. 524].

Новый средний класс в России формируется из профессиональных групп, имеющих устойчивые доходы от интеллектуальной деятельности, удовлетворяющих широкий круг своих материальных и социальных потребностей за счет высокого уровня образования. Е.М. Аврамова в качестве показателей новых среднедоходных слоев выделяет, наряду с устойчивым материальным статусом, наличие высшего образования, успешную адаптацию к меняющимся социальным условиям, способность к освоению инноваций и цифровых технологий [1, с. 31].

Социологические исследования, проведенные в регионах России с разным уровнем экономического развития выявили особенности влияния глобальных и региональных факторов, обусловили структурные и поведенческие особенности изменения состава среднего класса в разных реги-

онах [19, с. 146]. К общим чертам «нового среднего класса» в регионах России социологи отнесли: преобладание мужчин (кроме малых городов, где весомо представительство женщин); высокий образовательный уровень и постоянное его обновление; преобладание в крупном городе или региональном центре. Существенные различия состава среднего класса разных регионов связаны со структурой территориальных экономик и темпами внедрения цифровых технологий.

Цель нашего исследования: проанализировать социальный статус преподавателей высших учебных заведений, выявить степень его соответствия критериям нового среднего класса. Актуальность ее обусловлена изменением профессиональной квалификации, мотивации в труде, соотношения интеллектуалов и интеллигенции среди российских преподавателей высших учебных заведений. Новые условия и содержание труда, активная цифровизация высшего образования меняют профессиональные ценности и практики преподавательского корпуса, а также способствуют появлению новых противоречий. С одной стороны, процессы цифровизации открывают широкие возможности развития форм и содержания образования; с другой стороны, они обостряют вопросы развития цифровых навыков и креативных компетенций преподавательских кадров, выявляют несоответствие традиционных мотивов работы со студенческой молодежью требованиям рыночной цифровой экономики [13, С.21]. Среди преподавателей вузов усилились процессы профессиональной переидентификации.

Глобальные вызовы, связанные с пандемией коронавируса в 2020-2021 гг., не только ускорили процесс цифровизации образовательных учреждений, но и определили целый ряд новых требований к работе преподавателей высших учебных заведений: дистанционные технологии в обучении, цифровые образовательные среды для самостоятельной работы студентов, интерактивные цифровые платформы для коммуникаций всех субъектов образовательного процесса. После пандемии смешанная модель образовательной деятельности закрепились как эффективная; в условиях сокращения аудиторных часов и роста информации она позволяет найти ресурсы времени, активизировать студентов. Однако такой подход потребовал от преподавателей готовности к регулярному обновлению содержания и форм учебной деятельности, перехода к технологиям, ориентированным на проблемные задания и обратную связь, повышения уровня компьютерной компетентности.

Вузы предприняли усилия по адаптации профессорско-преподавательского состава к новым условиям: организовали специальную систему повышения цифровой грамотности и методической поддержки преподавателей. Преподаватели всех профилей участвуют во внедрении новых образовательных программ и дисциплин, соответствующих темпам цифровизации системы высшего образования, создании и продвижении «новой педагогики», основанной на актуальных дидактических принципах [14, с.44]. При

этом уровень социально-экономической адаптации преподавателей высших учебных заведений, их профессиональная идентификация вызывают много нерешенных вопросов, которые не позволяют однозначно ответить на вопрос: *можно ли отнести преподавателей российских вузов к новому среднему классу?*

Для определения положения преподавателей высшей школы в структуре российского общества обратимся к базовым индикаторам социального статуса; к ним относятся: результаты адаптации в изменившихся условиях; экономический потенциал, измеряемый масштабами собственности и доходов; человеческий капитал, отражающий уровень профессионализма; социально-профессиональная идентичность, сочетающая признаки отношения к профессии и роли в обществе [6, С. 5]. Исходя из приведенных показателей и подходов к определению «нового среднего класса», а также, учитывая специфику труда преподавателей высших учебных заведений, мы выделили следующие критерии для своего исследования: профессионально-экономический статус преподавателей, результаты адаптации профессорско-преподавательского состава в новых условиях, характер самоидентификации. Конкретизация показателей, соответствующих выдвинутым критериям, способствовала сбору эмпирических данных (табл. 1).

Таблица 1

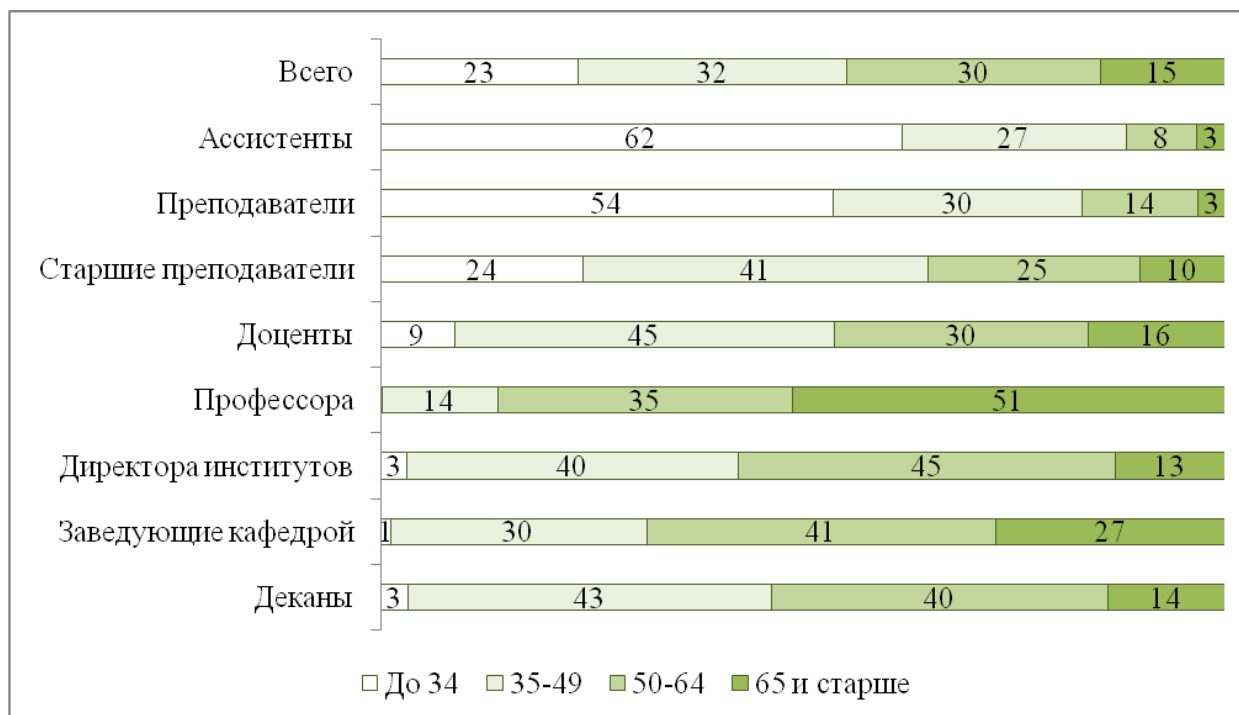
Критерии определения социального статуса преподавателей вузов

Критерии	Показатели
1. Профессионально-экономический статус	- состав профессиональной группы - экономический статус преподавателей - мотивация в профессиональной сфере
2. Результаты адаптации в новых условиях	- уровень образования, квалификация - успехи адаптации в новых социальных условиях - удовлетворение жизненных потребностей
3. Характер самоидентификации	- лояльность профессии «преподаватель вуза» - политические и гражданские позиции

В рамках поставленной цели нами были использованы статистические данные мониторинга Министерства науки и высшего образования РФ и проведено *межрегиональное социологическое исследование (2021г.)*. Выборка анкетного опроса составила 850 преподавателей из высших учебных заведений Ульяновской, Самарской, Пензенской областей и Республики Татарстан. Среди них 62 % женщины и 38 % мужчины. Пятая часть респондентов работает в федеральных и научно-исследовательских университетах, около трети – в опорных вузах регионов, почти половина – в обычных региональных университетах. Обратимся к результатам анализа эмпирических данных в рамках основных показателей.

Профессионально-экономический статус преподавателей высшей школы

Профессиональный статус рассматривается как позиция в структуре занятости на пересечении основных измерений: формальных статусных характеристик, мотивации в профессиональной сфере и престижа профессии [11, с. 442]. Традиционно в высших учебных заведениях повышение должности происходит с накоплением стажа (рис. 1).

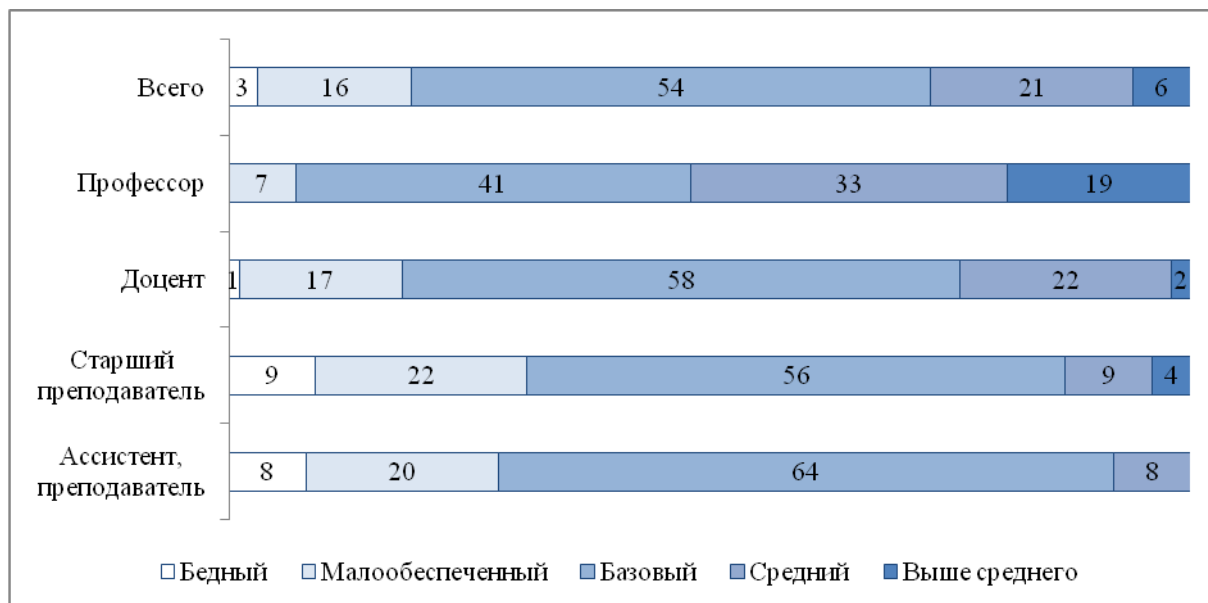
Рис. 1. Распределение профессорско-преподавательского состава российских вузов по должностям и возрастным группам, в %, 2020 г.

Источник: Аналитические материалы по результатам мониторинга Министерства науки и высшего образования РФ// Режим доступа: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo>

По результатам мониторинга Министерства науки и высшего образования РФ, преподаватели молодого возраста заняты в основном на должностях ассистентов и преподавателей; на должностях старших преподавателей и доцентов работают представители среднего возраста и старше. Среди профессоров велика доля лиц пенсионного возраста, более половины из них находятся в возрасте старше 65 лет (рис. 1).

Экономическое положение преподавателей вузов можно охарактеризовать как медианное: более половины представителей этой социально-профессиональной группы, по результатам нашего опроса, относятся к базовому экономическому слою, т.е. ниже среднего уровня (рис. 2). Уровень дохода растет с повышением должности. Среди семей ассистентов к бедным и малообеспеченным относятся 28 % преподавателей, к среднему

слою – 8 %, а семьи с уровнем жизни «выше среднего» отсутствуют. В сегменте профессоров доля малообеспеченных семей – 7 %, треть соответствует среднему уровню, пятая часть (19 %) относится к обеспеченному социально-экономическому слою («выше среднего»). При этом должность связана со стажем работы в вузе.

Рис. 2. Уровень экономического благосостояния преподавателей вузов по среднемесячному доходу на члена семьи, в % (n = 850)

Полученные нами результаты соответствуют общероссийским тенденциям. Как показывают результаты общероссийских исследований, система высшего образования в России характеризуется крайне поздним пиком достойных заработков [8, с.53]. Средняя зарплата линейно зависит от возраста, ее максимальная величина приходится на группу старше 65 лет. Средняя заработная плата профессорско-преподавательского состава в возрасте от 25 до 49 лет значительно не различается; преподаватель старше 65 лет зарабатывает в среднем на 30–38 % больше, чем его более молодой коллега. Подобный результат свидетельствует о невысокой скорости роста доходов в академической сфере. Межстрановое сравнение показывает: Россия является одной из пяти стран с самыми низкими значениями зарплаты по высшему образованию в целом и зарплатой на начальном этапе [14, с.64].

Социально-профессиональный статус преподавателей связан с мотивационной системой: отношением к преимуществам и недостаткам профессии. В ходе опроса мы разделили мотивы труда респондентов на внешние (связанные с вознаграждением за профессиональную деятельность, наличием работы) и внутренние (непосредственная деятельность преподавателя). Составляющие «внутренней мотивации» помогают активной самореализации, инициативному восприятию профессии; к ним относятся: расположенность к преподаванию – 37 %, особенно актуально для

профессоров, преподавателей старше 65 лет; потребность в интеллектуальном совершенствовании – 35 %. Преобладание «внешней мотивации» снижает уровень творчества в труде преподавателя, но помогает выжить в нестабильных условиях. Немногим более четверти преподавателей (27 %) выбрали работу в вузе по внешним мотивам: наличие стабильного заработка и занятости, социального статуса; больше доля таких преподавателей среди научно-преподавательского состава в возрасте до 34 лет.

Изучая направленность профессиональной мотивации преподавателей, мы предложили им оценить преимущества работы в высшей школе и недостатки (рис. 3).

Рис. 3. Преимущества и недостатки профессии «преподаватель вуза», в % (n = 850)

Примечание: вопрос многовариантный, сумма ответов превышает 100%.

Ведущие позитивные мотивы связаны с творческим характером труда (65 %), необходимостью общения с молодежью (73 %) и свободным графиком работы (47 %). Ситуация дифференцировалась по типам вузов: в опорных и научно-исследовательских университетах преподаватели чаще отмечают творческий характер труда (73 %); в обычных региональных ву-

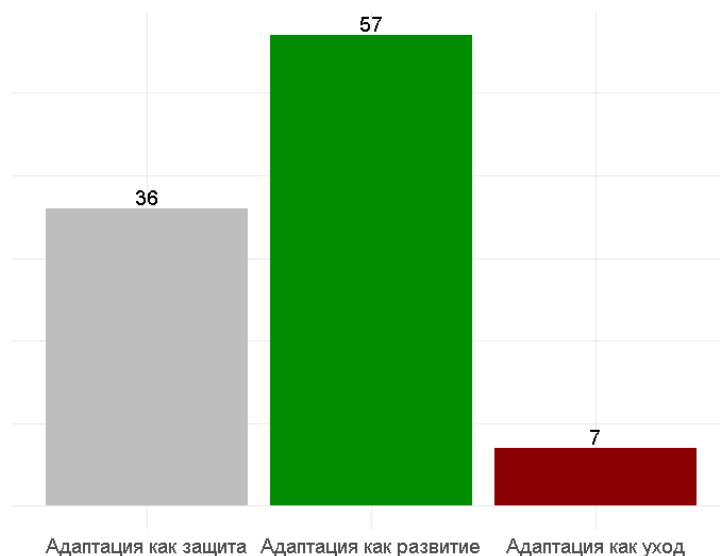
зах – свободный график и общение с молодежью (77 %). Престиж профессии, достойный уровень оплаты труда редко отмечаются респондентами как важные преимущества работы преподавателя (5-9 %).

Недостатки профессионального труда преподавателей связаны с большим объемом «бумажной» работы (76 %), а также – с увеличением аудиторной нагрузки без соответствующего роста зарплат (60 %). Данные причины высказываются во всех сегментах обследованной группы, но чаще других их отмечают профессора, а также преподаватели вузов особого статуса (федеральных, национально-исследовательских университетов) – более 80 %. За 10 лет неудовлетворенность преподавателей увеличением объема бумажной работы и ростом аудиторной нагрузки – выросла в 2 раза (с 39 до 76 %).

Ядро представлений респондентов о неотъемлемых качествах «идеального преподавателя вуза» соответствует функциям института высшего образования: профессиональная компетентность в своей области, самообразование и развитие (85 %). Однако другая картина открывается в сравнительном анализе с результатами опроса 2011 г.; он был проведен нами по схожей выборке. За 10 лет верх взяли качества профессиональной компетентности и самообразования; рост составил 1,5 раза – с 55 % до 85 %. Другие свойства профессии потеряли своих почитателей среди преподавателей: качества педагогической рефлексии, наставничества, социальной активности стали менее актуальными в 2-2,5 раза – с 40 % до 15-19 %. Рыночные отношения сделали преподавателей вузов реалистами: «за что платят деньги, то нужно и демонстрировать». Очевидна тенденция ухода значительной части преподавателей высшей школы с позиций вузовской интеллигенции на позиции профессиональных интеллектуалов.

Результаты адаптации преподавателей вузов в новых условиях

Согласно типологии практик адаптивного поведения, которая, на наш взгляд, эвристична, в исследовании адаптации россиян к быстро меняющимся условиям жизни, мы выделили три типа среди преподавателей вузов: 1) «адаптация как развитие» – позитивная тактика приспособления к новым социальным условиям (таких 57 % среди опрошенных преподавателей); 2) «адаптация как защита» – нейтральная тактика, направленная на сохранение достигнутого (36 %); 3) «адаптация как уход от проблемы» – негативная тактика ожидания перемен (7 %) (рис.4). Очевидно, что активно-позитивные практики в адаптации к «новой нормальности» преобладают среди преподавателей, это свидетельствует о высокой мобильности профессиональной группы. Чаще активные тактики реализуют преподаватели молодого возраста (75 %); преподаватели, занимающие невысокие должности – ассистенты (86 %), а также те, кто видят смысл профессии в постоянном интеллектуальном совершенствовании (76 %).

Рис. 4. Тактики адаптивного поведения преподавателей вузов, в % (n=850)

Негативные тактики (уход от решения проблемы) поддерживают публично всего 7 % представителей профессиональной группы; нейтральные и консервативные модели поведения – чуть более трети (36 %). Однако важно не только то, что декларируют респонденты, но и *что делают, каких результатов достигают, как оценивают ситуацию в высшей школе.*

Оценивая остроту социальных проблем, преподаватели в качестве наиболее важных назвали рост цен и тарифов – 78 %, критическая ситуация в сфере здравоохранения – 51 %, коррупция в обществе – 35 % (рис. 5).

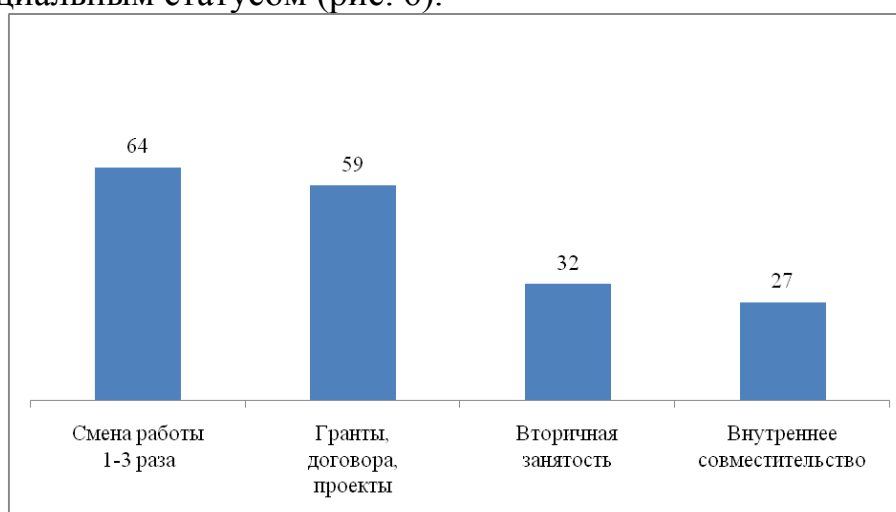

Рис. 5. Острота социальных проблем: оценки преподавателей, в % (n=850)

Примечание: вопрос многовариантный, сумма ответов превышает 100%.

Эта позиция связана с реальным ухудшением социально-экономического положения в регионах в условиях длительной пандемии. Такой профиль проблемного поля соответствует общероссийским тенденциям; по результатам исследования Левада-центра в марте 2021 года, главными проблемами россияне считали рост цен – 68 %, бедность и обнищание населения (40 %), коррупция и взяточничество – 39 % [22]. По сравнению с общероссийскими результатами, менее актуальными преподаватели вузов признают проблемы поиска работы – 24 % против 36 % в результатах общероссийского опроса. Проблемы высшей школы выделяет в качестве острых каждый пятый преподаватель (19 %); особая озабоченность выражена относительно таких вопросов как переход к 2-х ступенчатой системе высшего образования (62 % респондентов оценивают этот шаг критически); сокращение общенаучной и гуманитарной составляющей в учебных планах, уменьшение бюджетных мест на гуманитарных направлениях (79 % оценивают негативно).

Социальная адаптация преподавателей в новых условиях связана, прежде всего, с поиском новых источников дохода: смена места работы, использование вторичной занятости в самом вузе и вне его, участие в специальных проектах – грантовых, исследовательских, хозяйственно-договорных. Более 60 % преподавателей в последние годы хотя бы 1 раз меняли место работы – чаще профессора и те преподаватели, которые озабочены социальным статусом (рис. 6).

Рис. 6. Формы социальной адаптации преподавателей вузов, в % (n=850)

Примечание: вопрос многовариантный, сумма ответов превышает 100%.

Четверть преподавателей адаптируется за счет того, что имеет нагрузку более одной ставки в своем вузе и занимается внутренним совместительством. Интересно, что доля внутреннего совместительства выше в обычных региональных вузах, она составляет 40 %: эти вузы повышают интенсивность труда своих сотрудников вместо повышения зарплаты. Третья часть профессиональной группы дополнительно занята в другом месте; вторичная занятость оценивается большинством из них как источник не-

обходимого дохода, без которого не прожить. Чаще других эту тактику используют преподаватели-мужчины, молодые преподаватели (более 50 %).

Уровень личных достижений преподавателей вузов демонстрирует особенности данной группы: за последние 5 лет большинству респондентов удалось повысить уровень образования, пройти стажировку (63 % опрошенных), получить грант на научный проект смогли только 22 % опрошенных, получить научную степень или звание еще меньше – 9 % (табл. 1). Материальные достижения преподавателей скромнее: посетить другую страну за 5 лет смогли 24 % респондентов, повысили уровень материального положения – 23 %; улучшили жилищные условия, нашли новую работу – по 19 %, сделали дорогостоящие приобретения – 10 %. В материальных приобретениях более успешны профессора, а также молодые преподаватели (за счет кредитов, ипотеки, помощи родственников).

Особенности профессиональной мобильности и система оплаты труда в высшей школе приводят к ситуации, в которой экономически состоятельными являются преподаватели старшей возрастной группы, в высокой должности – совмещение заработной платы по месту работы и пенсии позволяет повысить уровень жизни; молодые и среднего возрастные преподаватели часто оказываются в сегменте малообеспеченных и базовых экономических слоев.

Таблица 2

Личные достижения преподавателей за последние 5 лет, в % (n = 850)

Что из перечисленного Вам лично удалось сделать за последние 5 лет?	Возраст					Должность			
	Всего	до 34 лет	35-49 лет	50-64 года	65 и старше	Ассистент	Старший преподаватель	Доцент	Профессор
Повысили уровень образования, стажировка	63	70	60	68	64	54	59	69	57
Посетили другую страну	24	34	21	28	14	22	19	29	13
Повысили уровень материального положения	23	35	19	12	39	36	15	22	26
Получили грант на реализацию исследования	22	18	21	13	45	28	4	19	43
Улучшили жилищные условия	19	29	16	13	27	26	18	16	26
Получили повышение на работе, нашли новую	19	56	16	11	2	46	27	17	11
Сделали дорогостоящие приобретения	10	13	7	5	24	18	7	7	19
Получили научное звание	9	1	13	7	7	0	2	13	6
Получили научную степень	9	19	12	3	0	8	10	8	13
Открыли собственное дело	1	1	1	3	1	0	1	2	1
Ничего из перечисленного не удалось	10	9	10	11	13	26	18	7	12

Примечание: вопрос многовариантный, сумма ответов по каждому столбцу превышает 100%.

Самообразование в профессиональной деятельности преподавателя играет важную роль и занимает много времени. Как показывает наше исследование, за последние пять лет две трети респондентов смогли повысить уровень образования, пройти стажировку для приобретения практических навыков. При этом выявлена значительная доля преподавателей, которым требуется повышение квалификации и дополнительное образование в сфере ИКТ.

Характер самоидентификации преподавателей вузов

Социальное назначение профессии преподавателя высшей школы в современном обществе меняется: перед ним встает задача совмещения нескольких, дополняющих и даже противоречивых ролей: педагога, способного эффективно проводить занятия в непосредственных и дистанционных форматах; исследователя, реализующего индивидуально и в коллективах научные проекты; администратора, занимающегося оформлением планов, рабочих программ, оценочных средств, сопровождающих профессиональную деятельность.

Понимая свою многофункциональность, преподаватели вузов, в первую очередь, идентифицируют себя с академической деятельностью в рамках учебных дисциплин (55 %) и педагогической деятельностью по передаче практического опыта студентам (53 %, табл.3). Идентификация через академическую деятельность растет с возрастом и уровнем должности – 45 % старших преподавателей, около половины доцентов, а также абсолютное большинство профессоров (86 %) считают себя в значительной степени «академическими интеллектуалами». Почти половина респондентов (46 %) отметила, что важное место в работе занимают воспитательные функции по отношению к студентам; особенно активны в этом направлении доценты-женщины среднего возраста. Исследователем, способным мыслить «проектно», ощущают себя чуть более трети преподавателей (37 %); чаще среди профессоров, а также доцентов среднего возраста в национальных исследовательских университетах (55-66 %).

Таблица 3

Профессиональная идентификация преподавателей вузов по видам деятельности, в % (n = 850)

Вы в значительной степени являетесь ...	Возраст					Должность			
	Всего	до 34 лет	35-49 лет	50-64 года	65 и старше	Ассистент	Старший преподаватель	Доцент	Профессор
Теоретиком, академическим интеллектуалом	55	38	55	55	75	12	45	51	86
Исследователем, организатором проектов	37	28	36	31	61	32	21	31	66
Преподавателем-практиком, транслирующим опыт	53	36	57	66	43	52	52	54	52
Воспитателем студентов	46	38	56	45	29	16	49	54	35

Примечание: вопрос многовариантный, сумма ответов по столбцу превышает 100%.

Важным индикатором профессионального самочувствия преподавателей высших учебных заведений являются их ответы на вопрос: «Если бы Вы снова начали трудовую деятельность, выбрали бы профессию преподавателя вуза?». Три четверти представителей профессии подтвердили свой выбор (2021 г. – 75%; рис. 7), что свидетельствует об устойчивом ядре лояльности в структуре профессиональной идентичности преподавателей вузов.

Сравнение ответов на этот вопрос с разницей в 10 лет показывает прирост преподавателей высшей школы, лояльных своей профессии. Увеличение произошло за счет сокращения тех, кто ни при каких обстоятельствах не выбрал бы снова работу в высшем учебном заведении (с 14 до 6 %). Наибольшую лояльность демонстрирует старшая возрастная группа (старше 65 лет): 88 % от ее числа снова бы выбрали свою профессию. По результатам исследований в вузах, основными причинами снижения лояльности в сегментах преподавателей молодого и среднего возрастов являются низкий уровень заработной платы (83 %), сокращение штата (43 %) и бюрократизация управленческого аппарата вузов (26 %) [16, с. 161].

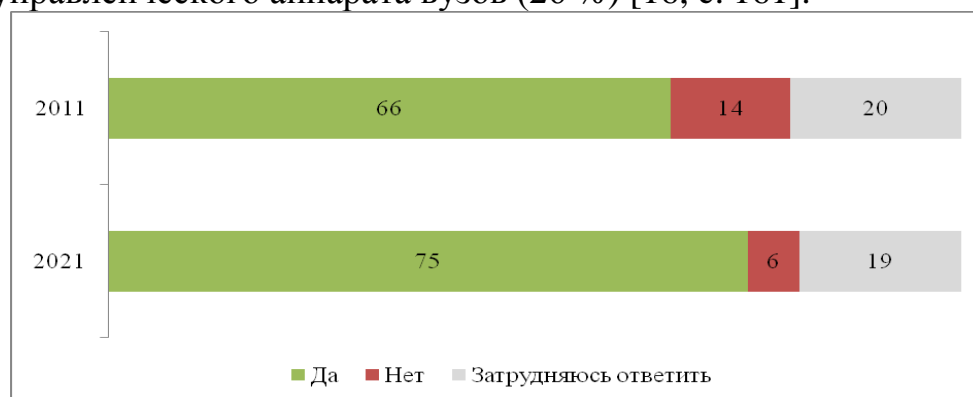
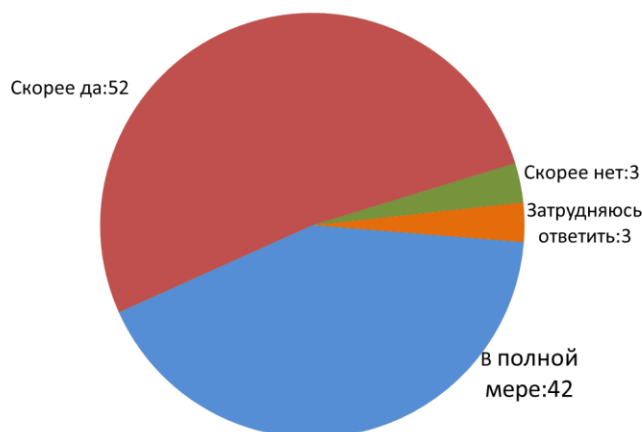

Рис. 7. Лояльность профессии среди преподавателей вузов, в % (n=850)

Самоидентификация является результатом самоопределения человека, который осознает свою причастность к новому среднему классу. Результаты нашего исследования показывают, что преподаватели идентифицируют себя с новым средним классом по уровню образования и социально-профессиональному статусу. Доход большинства респондентов не позволяет им относить себя к новому среднему классу. Основными факторами снижения доли «нелояльных» профессии преподавателей российские исследователи считают сокращение рынка труда в условиях эпидемии коронавируса, переход основной части преподавателей вузов на новые позиции – профессиональных интеллектуалов.

В контексте устойчивого развития страны особенно востребованным становится выражение гражданской идентичности преподавателей высших учебных заведений через восприятие себя патриотом страны. В целом более 90 % преподавателей, работающих в вузах, в той или иной степени признают себя патриотами страны: более 40 % считают себя «полными патриотами», а половина – с некоторой долей сомнения (рис. 8). Сравнение

с результатами анкетного опроса жителей Поволжья, состоявшегося в том же году, свидетельствует о том, что *уровень патриотизма преподавателей выше*, чем массовый патриотизм населения; среди обычных россиян доля патриотов составляет две трети (30 % «полных патриотов», 38 % - с долей сомнения). Применение индексного метода, позволяющего соединить разные степени изучаемой характеристики, подтвердило выявленные различия: индекс патриотизма жителей разных профессий составил +0,38 (средний уровень); индекс патриотизма преподавателей вузов равен +0,66, что соответствует высокому уровню.

Рис. 8. Уровень патриотизма преподавателей вузов, в % (n = 850)

Конкретные смыслы, которые вкладывают преподаватели высшей школы в понятие «патриотизм», возглавляют *идеи общего государства - гордости за достижения Родины (63 %), ответственности за страну и ее будущее (58 %)*. Данные результаты соответствуют общероссийским тенденциям и связаны с необходимостью граждан во все времена ощущать себя частью большого сообщества, быть защищенными и самим встать на защиту отечества.

Различия в активном и регулярном внимании к политике наблюдаются в *должностных сегментах преподавателей*: свои особенные практики в этой сфере реализуют ассистенты и старшие преподаватели. Оба сегмента, занимающих нижние ступени в должностной иерархии научно-педагогического состава, в большинстве своем не разделяют устойчивый интерес к политике; среди ассистентов – самая небольшая доля тех, кто следит за политическими вопросами и готов их обсуждать со студентами. Серьезные расхождения политических интересов и практик выявлены в *гендерных группах* преподавателей вузов: регулярная заинтересованность проблемами политической жизни региона, страны в 2,5 раза выше среди мужчин; большая часть женщин интересуется только некоторыми политическими событиями, выборочно обсуждает вопросы политической жизни в кругу коллег.

Гражданский и политический активизм преподавателей традиционно реализуется через участие в выборах: 74 % преподавателей голосуют

регулярно, 14% – время от времени, принципиально не участвуют 12 %. Доминирование электоральной активности особенно заметно на фоне более скромных масштабов участия в других политических практиках: а) системное участие в работе общественных советов при органах власти характерно для 17 % преподавателей; б) участие в деятельности политических партий, митингах, акциях демонстрируют на регулярной основе 2 %, время от времени – 10 %. Самая высокая доля преподавателей, не включенных в легитимные формы политической активности, – среди молодых преподавателей до 35 лет, которые не удовлетворены своим статусом в высшей школе.

Итак, социальная группа «людей знаний» все активнее занимает свое место в новом среднем классе России. Результаты опроса преподавателей вузов показали, что в профессиональной группе растет удельный вес профессиональных интеллектуалов, которые по ценностям и трудовой мотивации близки к «людям знаний». Изменившиеся условия системы высшего образования поставили перед преподавателями вузов задачу совмещения нескольких дополняющих ролей: *педагога*, активно применяющего современные наработки; *исследователя*, реализующего научные проекты; *организатора* учебной деятельности; *прагматика*, который борется за надбавки к зарплате. Многофункциональность способствовала уходу от роли «вузовская интеллигенция» в традиционном понимании и освоению новой роли – «профессиональные интеллектуалы», главными качествами которых стали «высокий профессионализм», «выгодное его предложение». Ранее востребованные качества – интеллигентность, трансляция гражданских позиций, наставничество – отодвинулись на периферию профессионального поведения.

В полной мере к новому среднему классу можно отнести 20–25 % преподавателей высших учебных заведений: у них преобладают внутренние мотивы лояльности к работе в вузе; наряду с педагогической деятельностью они активно занимаются наукой, имеют весомый социально-экономический статус, условия для творчества и саморазвития. По существующей классификации интеллектуального лидерства эта часть преподавателей отнесена нами к *академическим интеллектуалам нового типа*, которые способны взять на себя роль создателей ценностей экономики знаний и носителей культурных смыслов.

Пополнение нового среднего класса за счет профессиональной группы «преподаватели вузов» возможно на основе укрепления ее материального благосостояния, создания полноценных условий для повышения квалификации в сфере цифровых технологий, увеличения объемов финансовой поддержки грантов для научных проектов по всем профилям и направлениям.

Список литературы

1. Аврамова Е.М. Средний класс эпохи Путина // Общественные науки и современность. 2008. №1. С.28–36.

2. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 112–123.
3. Голенкова З.Т. Социальные параметры формирования среднего класса (к методологии анализа) // Россия реформирующаяся. Вып. 7. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С.93–100.
4. Профессиональное выгорание преподавателей вузов в период пандемии COVID-19 / Л.А. Журавлева, Е.В. Зарубина, А.В. Ручкин, Н.Н. Симачкова, И.П. Чупина // Образование и право. № 7. 2021. С.300–304.
5. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества М.: Дело, 2002. 560с.
6. Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–23.
7. Кастельс, М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
8. Клименко Л.В., Скачкова Л.С. Субъективное благополучие преподавателей российских вузов Опыт эмпирического исследования // Вопросы образования. Educational Studies Moscow. 2020. № 4. С.37–63.
9. Колбановский В.В. Средний класс – социальная реальность, «Класс на бумаге» или «Обман трудящихся»? // Социологические исследования. №2. 2013. С.42-57.
10. Ляпунцова Е.В. Значение социального статуса преподавателей вуза для развития экономики России на примере проекта «Золотые имена высшей школы» // Научно-практические исследования. 2020. №5-1 (28). С.85–88.
11. Матвеева Н. В. Социологические подходы к исследованию динамики социально-профессионального статуса // Молодой ученый. 2014. № 5 (64). С. 442-445.
12. Рудаков В.Н. Различия в положении профессорско-преподавательского состава вузов по возрастным группам // Мониторинг экономики образования: 2020: в 2 т. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2021. Т. 2. 256 с.
13. Соловьева Т. С. Российское образование в условиях цифровизации: тенденции и перспективы // Вестник МИРБИС. 2019. № 3 (19) С. 21–32.
14. Суханова Е.А. Российское высшее образование: уроки пандемии и меры по развитию системы. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2020. 200 с.
15. Тулина Т.М. Определение размеров среднего класса в регионе //Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 1. С. 123-140.
16. Фадеева И.М., Федосеева М.В. Самочувствие преподавателя в обществе, профессии, вузе // Мониторинг общественного мнения. 2015. №6 (130). С.153-163.
17. Флорида Р. Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2007. 421 с.
18. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. СПб.: Алетейя, 2000. 509 с.

19. Шиняева О.В., Власова, Е.М. Средний класс в социальной структуре региона. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 171 с.

20. Шиняева О.В., Тихонова Ю.А. Средний класс в российском социальном пространстве и динамика его изменения // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. №3. С.62–76.

21. Gouldner, A. W. The Future Of Intellectuals And The Rise Of The New Class. New York : Seabury, 2000. 768 p.

22. Пресс-выпуск. Проблемы общества. 09.03.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/09/problemy-obshhestva> (дата обращения: 15.08.2022).

Шиняева Ольга Викторовна, д-р социол. наук, проф., olses@rambler.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет,

Плохова Ирина Анатольевна, канд. социол. наук, доц., pir1970@mail.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет,

Тихонова Юлия Александровна, аспирант, julie55584@mail.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновск, Ульяновский государственный технический университет

*UNIVERSITY TEACHERS AND THE NEW MIDDLE CLASS:
REAL COINCIDENCES AND DIFFERENCES*

O.V. Shinyayeva, I.A. Plochova, J.A.Tikhonova

The formation of the information society and the widespread introduction of digital technologies have led to a change in the system of higher education, its main professional group - university teachers. Highly effective employees with inalienable human capital appeared in their composition - "people of knowledge", intellectuals, informational employees. The accelerated transition to digital educational technologies in the context of the pandemic contributed to changes in the socio-professional activities and identity of teachers. The social status of teachers of higher educational institutions is analyzed, the degree of its compliance with the criteria of the new middle class emerging in Russian society is revealed. The results obtained indicate low rates of formation of a new middle class in Russia from "people of knowledge"; university teachers correspond to this group, but not all and not by all criteria. An increase in the new middle class in the scientific and teaching segment of higher education is possible due to an increase in material well-being and an increase in the share of professional intellectuals in their composition.

Keywords: teachers of higher educational institutions, "people of knowledge", new middle class, compliance criteria

Shinyayeva Olga Viktorovna, doctor of sociological sciences, professor, olses@rambler.ru, Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk state technical University,

Plochova Irina Anatoljevna, candidate of sociological sciences, associate professor, julie55584@mail.ru, Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk state pedagogical University,

Tikhonova Yulia Aleksandrovna, postgraduate, julie55584@mail.ru, Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk state technical University.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ РИСКИ КАК УГРОЗА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

С.Н. Яковлева, Р.Ф. Хамидулин

Проведенный обзор научных публикаций и исследований, посвященных социальной безопасности современного цифрового общества, позволяет утверждать, что проблема противоречия между необходимостью использования интернет-среды и деструктивными воздействиями на пользователя остается актуальной в связи с динамичностью процессов цифровизации. Особую социальную значимость и актуальность приобретают принципы формирования и развития безопасного поведения индивидуумов в информационных сетях. Ключевой вывод состоит в том, что социологические исследования информационных рисков помогут выявить основные угрозы, которым подвергается современное информационное общество и выбрать эффективные технологии повышения информационной безопасности.

Ключевые слова: информационные риски, социальная безопасность, информационное общество, социологический анализ информационной безопасности.

В настоящее время Интернет занимает значительное место в жизни современного общества. Электронное образование, электронные выборы, электронная торговля, электронные банковские услуги, государственные услуги и прочее – все это является яркой иллюстрацией внедрения компьютерных технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности.

Планомерное развитие коммуникационно-информационных процессов, средств и технологий обуславливает запрос общества на получение актуальной информации из сети Интернет. Это провоцирует рост объёма виртуальной активности пользователей в пространстве социальных сетей. Если на начало 2012 года количество пользователей Интернета в России было 70 млн чел., что составляло 58% россиян, то по состоянию на январь 2022 года насчитывается 129,8 млн интернет-пользователей. Интернетом пользуются 89 % от общей численности населения РФ. Численность интернет-аудитории в мире в начале 2022 года достигла 4,95 млрд пользователей, что составляет 62,5 % населения мира [16].

Информационная среда, использование социальных сетей и других виртуальных ресурсов (СМИ, Интернет, различные игровые сообщества) являются новыми условиями социализации в современных условиях. Информационная активность пользователей разных возрастов и старшего поколения подразумевает использование Интернета в учебных целях, для работы, налаживания коммуникаций.

Виртуальное пространство в настоящее время представляет собой совершенно уникальное и неповторимое средство удалённого общения. Своими возможностями оно обеспечивает коммуникации в различных форматах. Составляющие его элементы являются совокупностью наиболее

востребованных форм и каналов виртуального взаимодействия, что не всегда является характерной чертой прочих масс-медиа [14].

Вместе с открывающимися перспективами в быстро развивающемся цифровом мире пользователи социальных сетей могут столкнуться с различными информационными угрозами, ставящими под удар мошенников личные данные, информационную, экономическую и, в конечном счете, социальную безопасность. Кроме этого, в повседневной жизни люди подвергаются постоянным информационным атакам, цель которых навязать определенную линию поведения, сформировать желаемые представления о явлениях или процессах, происходящих в общественной жизни. Длительное воздействие целенаправленной информации может сформировать в обществе стойкие представления, которые могут существенно отличаться от действительности и провоцировать деструктивное поведение.

Социальная проблема состоит в разрыве между необходимостью использования информационных сред и деструктивными воздействиями асоциальных агентов в электронном пространстве, что связано с недостаточной информационной культурой и рисками, снижающими личную безопасность.

При разработке программы социологических исследований информационных рисков как угрозы социальной безопасности современного цифрового общества необходимо в методологическом блоке четко определить понятия, которыми будут оперировать исследователи.

Информационный вызов – осознанное действие субъекта (источника) информации, берущего на себя какую-либо обязанность или поручение воздействовать на определенный социальный объект (личность, социальную группу, общественный институт и т.д.) с открытой (декларируемой, провозглашенной, обозначенной) или скрытой (закамуфлированной) целью его социальной, психологической деформации либо дестабилизации (чаще всего, сознания, поведения) в рамках четко обозначенных интересов, явно не совпадающих с интересами данного объекта или противоречащих ему.

Информационная угроза – реальная / нереальная априорная опасность, содержанием которой являются различного рода информация или ее комбинации, которые могут быть использованы против определенного социального объекта с целью изменения его интересов, потребностей, ориентаций в соответствии с целями субъекта информации.

Информационный риск – пограничное состояние между информационной угрозой и реальным действием по ее применению.

Информационная опасность – реальное информационное воздействие на личность, общество и государство в интересах реакционных либо экстремистски настроенных политических сил, направленных на деформацию устойчивого позитивного развития социума при игнорировании интересов большинства населения.

В социологическую науку понятие информационной безопасности одними из первых вводят П. Бергер, Т. Лукман, Р. Мертон [2,13].

Классификация информационных рисков представлена на рисунке.

Классификация информационных рисков

К одним из наиболее серьезных угроз информационной безопасности в виртуальном пространстве мы можем отнести следующие:

- разжигание межрелигиозной и межнациональной вражды;
- распространение экстремистских материалов;
- создание и курирование суицидальных групп в социальных сетях;
- вбросы ложных новостей с целью дезорганизации различных государственных органов;
- антигосударственная пропаганда, подрывающая общественные устои [5].

Основные деяния, несущие в себе информационную опасность представлены в таблице.

Информационные опасности в интернет-среде

№ п/п	Информационная опасность	Характеристика
1.	Вторжение в частную жизнь и нарушение конфиденциальности	Возникновение данной угрозы может быть обусловлено слабой защищённостью персональных данных, что повышает риск несанкционированного доступа к ним со стороны мошенников и различных злоумышленников.
2.	Кража идентичности	Эта угроза заключается в том, что вследствие различных технических неточностей, неполадок и слабой системы защиты информации сама авторизация и проверка идентификации пользователя могут быть подделаны.

Окончание табл.

3.	Кража интеллектуальной собственности	Данная угроза представляет собой возможность несанкционированного использования мошенниками и злоумышленниками в корыстных целях различных товарных знаков, брендов, произведений искусства, авторских прав на различные материалы, что может нарушать авторские права.
4.	Кибербуллинг и киберсталкинг	Эти формы психологического насилия и вторжения в личное пространство предполагают использование информационных технологий и социальных сетей для отслеживания жертвы, её унижения и оскорбления с использованием угроз и запугивания.
5.	Преднамеренный обман	Заведомо ложное распространение информации, вводящей в заблуждение несведущих людей
6.	Спам	Манипулятивное воздействие посредством использования информационных каналов со стороны мошенников с целью рекламы.
7.	Вторжение в область финансовых транзакций онлайн	Данный вид информационной угрозы распространен в сфере виртуальных платежей, где опасности подвергаются личные данные пользователей и электронные финансовые системы.
8.	Вредоносное программное обеспечение и вирусы.	Данный вид информационной угрозы связан с внедрением вредоносного программного обеспечения и каких-либо вирусных программ на компьютер пользователя, как правило, обманным путём. Чаще всего это происходит через скачиваемый документ.
9.	Виртуальные преступления.	Опасность заключается в незаконной и антисоциальной деятельности, посредством достаточно агрессивного поведения в виртуальном пространстве искажение достоверной информации через создание аватаров.

Важно понимать тот факт, что цифровые преобразования в своей совокупности дали обществу не только повышение скорости информационных потоков, но и дали начало многим проблемам, представляющим в настоящий момент угрозу информационной безопасности студенческой молодёжи в виртуальном пространстве. Стоит отметить, что главным образом это относится к угрозам экстремистского характера. В этой связи важным условием безопасного использования виртуального пространства социальных сетей является предотвращение негативного экстремистского влияния на молодёжь.

Под «информационным терроризмом» в социологической науке, обычно, принято понимать следующее [1]:

1) попытки оказать влияние на общество и государство путём угрозы применения физического насилия посредством использования средств информационных технологий;

2) внедрение шпионских программ в автоматизированные информационные системы управления, что может повлечь за собой создание опасности жизни и здоровью граждан;

3) осуществление вербовки студенческой молодёжи в свои структуры с использованием информационных технологий.

В данном случае мы заострим внимание на том, каким образом различные террористические организации проводят работу со студенческой молодёжью, пытаясь за её счёт пополнить свои ряды. Так, в виртуальном пространстве социальных сетей экстремистскими организациями создаётся большое число информационных сообществ. Они представляют из себя довольно значительный закрытый сегмент информационного пространства. Руководители этих тематических сообществ стремятся к установлению контроля над молодыми пользователями, регулярно снабжая их «правильной» информацией. Данные действия представляют собой последовательные мероприятия в одной большой цепочке, что, по своей сути, является крупномасштабной информационной войной, направленной на дестабилизацию устойчивого развития общества, расшатывания внутригосударственных и религиозных проблем.

Структура и содержание различных экстремистских групп в социальных сетях имеют достаточно много общих черт. Обычно, такая группа имеет качественный дизайн, содержит информацию об истории развития организации, сведения о подрывной деятельности, биографии основателей и идеологических лидеров [4]. Число подобных виртуальных площадок неуклонно растёт, что свидетельствует о некоторой популярности экстремистских настроений.

Наряду со значительным числом возможностей и перспектив особую остроту приобретает своевременное осознание социальных рисков именно для молодёжи, как наиболее привлекательной социальной группы, рекрутируемой в асоциальные движения и общности. В условиях информационной войны сегодня применяется значительный арсенал информационных технологий для интеграции (вовлечения) в деструктивные движения. Низкая информационная культура, таким образом, создаёт риски в молодёжной среде. Руководящим центром организации действий, как правило, являются обученные люди, обладающие современными компьютерными системами. Такие возможности могут быть использованы для распространения различных деструктивных и человеконенавистнических идей, подрывающих общественно-государственные устои. Привлечение в свои ряды новых членов также является неотъемлемой частью деятельности мошеннических и террористических объединений [7].

Так, экстремистами в специально созданных группах размещаются заранее подготовленные материалы, целью которых является пропаганда политических, радикально-террористических и религиозных идей. Злоумышленники также не забывают и о различных психологических особенностях, религиозно-политической, национально-территориальной специ-

фике, актуальной возрастной проблематике. Все перечисленные факторы становятся грозным оружием в руках неблагонадёжных элементов.

В качестве одного из важных факторов безопасности использования социальных сетей является понимание манипулятивного характера действий масс-медиа, которые могут оказывать негативное влияние на несложившуюся личность. Молодые люди оказываются неспособны противостоять подобному влиянию и попытаться самостоятельно отделить правдивую информацию от ложной, разобраться в её содержательном наполнении и смысловой нагрузке. Отсюда проистекают различные риски социализационного характера, которые достаточно сложно нивелировать при плохой контролируемости Интернета и СМИ [8].

Можно с уверенностью сказать, что различные информационные угрозы в виртуальном пространстве также приобретают свойства угроз духовной безопасности наших граждан. Это выражается в том, что духовная и информационная сферы общественной жизни могут быть достаточно тесно взаимосвязаны между собой и также с пространством социализации, которое служит полем пересечения тех или иных ценностно-нравственных ориентиров, влияющих на молодёжь. Для современного молодого поколения наибольшую важность в их повседневной жизнедеятельности представляют ценности сложившейся информационной культуры.

Важно сделать акцент на том, что в информационном пространстве присутствует довольно много атрибутов и символов культуры массового потребления. Данное обстоятельство может стать триггером другой острой проблемы – формирования специфики общества потребления.

В качестве одного из показательных примеров, являющегося симбиозом межличностной и массовой коммуникации, можно привести социальные сети. Социология рассматривает социальные сети как некоторый симбиоз микро- и макросреды виртуальной коммуникационной структуры. Каждый пользователь глобальной сети может реализовывать различные жизненные стратегии, используя при этом все доступные ему цифровые и виртуальные средства, что подчас может занимать довольно много времени. Как правило, рассматриваемый нами сегмент может быть достаточно активно использован молодыми людьми в деструктивных целях. Процессы самоутверждения и самопрезентации для молодого поколения часто выступают главными стимулами для демонстрации мнимого, а не реального.

Виртуальная среда в настоящее время может служить для пользователя неким симулятором, в той или иной мере заменяя полностью или частично отдельные элементы общественной жизни. Мы можем наблюдать, как весь спектр общественно-политических проявлений постепенно смещает точку своего приложения в пространство виртуального взаимодействия, игнорируя при этом реальность. Сюда мы можем отнести борьбу за духовно-социальное доминирование, экономические ресурсы, политическую власть и контроль за информацией. Именно в смещении поля действия акторов и видится главная проблема постиндустриального общества. Данное обстоятельство может играть положительную или негативную роль

в различных конфликтных ситуациях. Также важно обратить внимание и на тот факт, что виртуальные конфликты имеют возможность перемещения между реальностью и виртуальной средой взаимодействия. Это наделяет конфликты подобного рода уникальной остротой и отдельным статусом в общественной жизни.

Процессу киберсоциализации присущи некоторые характеристические особенности, которые наделяют его соответствующей спецификой. По мнению С.В. Бондаренко процесс киберсоциализации имеет два последовательных этапа, каждый из которых предопределяет дальнейший процесс социализации индивида. Первый этап виртуальной социализации подразумевает своего рода ознакомление и первичное взаимодействие с информацией о глобальной сети Интернет. Здесь в качестве базовых источников информации могут выступать, например, средства массовой информации, коллеги, друзья или родственники [3].

Освоение индивидом новых дополнительных ресурсов киберсоциализации в рамках второго этапа проходит посредством использования виртуальных сетевых сообществ и иных коммуникационных площадок. В качестве агентов виртуальной социализации здесь могут выступать другие акторы социальных сетей, которые коммуницируют с пользователем в виртуальном пространстве на различных форумах, в чатах и блогах.

Рост рисков, возникающих в виртуальном пространстве, актуализирует проблемы информационной безопасности в России и мире. Многими специалистами отмечены определённые закономерности информационного развития. По мере увеличения информационной составляющей в жизни российского общества, мы также можем видеть рост проблем, появляющихся в виртуальном пространстве. Повышается риск социальной безопасности вследствие манипулятивного воздействия масс-медиа на сознания граждан, стереотипизации общественных реакций на различные внешние факторы [11].

Важно понимать, что само понятие «информационное общество» не является единственным, определяющим своеобразие развития и протекания процесса информационной трансформации современного коммуникативного пространства. Одним из решающих факторов прорыва в общественной динамике и социально-экономическом прогрессе является господство информации.

Стоит учесть тот факт, что общество, идущее по пути планомерных информационных преобразований, имеет довольно острую потребность в качественном и глубоком социологическом исследовании с целью выявления новых угроз и рисков, появляющихся вследствие выбранной информационной стратегии. В современном мире несколько сместились акценты важности и ценности отдельных ресурсов [10]. Так, на первое место сегодня вышла информация и её производные. Информация в действительности наделена статусом стратегического и важнейшего ресурса развития человека, личности, общества и государства. Соответственно этому мы можем наблюдать некоторое обострение борьбы за контроль над информаци-

ей, что может выражаться в различных проявлениях политических и финансовых интриг. Здесь уже может идти речь о полноценном информационном противостоянии с элементами информационной борьбы.

Содержание и наполнение виртуального информационного пространства является важной актуализирующейся проблемой. Поскольку доступность размещения на интернет-площадках антигуманной и асоциальной информации не ограничена, это обстоятельство мы можем рассматривать как своего рода весомый фактор утраты духовности и нравственных ценностей среди россиян. Процесс переписывания «духовного кода» русского народа посредством манипулятивного воздействия масс-медиа ставит под угрозу обеспечение национальной безопасности российского общества.

Важно понимать, что в исследовании виртуального пространства социальных сетей огромная роль отводится проблеме его ценностно-нравственного, культурного содержания. К сожалению, в большинстве случаев именно молодое поколение первым сталкивается с этическими и информационными проблемами виртуальности, что в свою очередь пагубно отражается на психическом здоровье молодых людей.

В настоящее время мы можем наблюдать некоторое искажение самого механизма трансляции и передачи ценностей развитого информационного общества молодому поколению. Несвоевременно удаётся донести до российской молодёжи стратегии и методы борьбы с исходящими от масс-медиа информационными угрозами. А ведь именно молодое поколение является самой большой социальной группой, потребляющей в больших количествах услуги Интернета.

Виртуализация жизни на сегодняшний день приобрела огромный размах. Всё чаще мы можем наблюдать элементы компьютерной симуляции реальных процессов, в которые полностью погружены пользователи социальных сетей. Саму виртуальную реальность мы можем понимать, как некую социотехническую среду, порождённую техническими достижениями современности, в которой, как правило, события и процессы объективной реальности могут быть неотличимы от виртуальных процессов. Данное обстоятельство даёт нам возможность понять, что имеет место новое, развитое социокоммуникативное пространство [15].

Одна из самых важных проблем современности заключается в том, что сама виртуальная среда, основанная на компьютерных технологиях и использовании Интернета, с её изменяющимся пространством достаточно сложно может поддаваться управленческому воздействию.

Также стоит учесть и тот факт, что глобальное информационное пространство даёт возможность сокрытия и в некотором смысле маскировки своих действий посредством анонимности. Данное обстоятельство свидетельствует о наличии особой специфики интернет-взаимодействия. Также это уместно и при рассмотрении этого фактора в аспекте конкуренции, соперничества, учитывая довольно высокую степень безнаказанности в Интернете [12].

Таким образом, можно сделать вывод, что социологические исследования информационных рисков помогут выявить основные угрозы, которым подвергается современное информационное общество и выбрать эффективные технологии повышения информационной безопасности. Такие технологии представляют собой совокупность мер, снижающих риски от использования информационных ресурсов. К ним относятся: просветительская деятельность, направленная на повышение культуры использования социальных сетей, выработку навыков защиты личных данных; развитие нормативно-правовой базы, ужесточающей ответственность и наказание за киберпреступления против посягательства на личное пространство в виртуальной среде.

Список литературы

1. Батанина И.А., Огнева В.В. Международный терроризм: глобальный политический контекст [Электронный ресурс] // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 2. С.3–9.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бондаренко С.В. Модель социализации пользователей в киберпространстве // Технологии информационного общества - Интернет и современное общество: труды VI Всеросс.объединенной конф. Санкт-Петербург, 3-6 нояб. 2003 г. СПб., 2003. С. 5-7.
4. Демьянова А.В. Меры государственной поддержки информационного развития России. // Вопросы государственного и муниципального управления 2015. № 4. С. 160-185.
5. Довлатова М.В., Прокопенко Л.М. Теоретические подходы к изучению социальных сетей // Уральский вестник общественных наук. 2013. №4. С. 35-43.
6. Жидкова С.Е. Социальные сети и обеспечение безопасности пользователей // Наука и искусство управления. Материалы IV Международного конкурса научных работ. 2017. С. 92–94.
7. Заславская Т.И. Проблемы влияния информационных технологий на молодежь // Мониторинг. 1996. №1. С. 7–15.
8. Ивенкина Л.О. Социология изучает блогосферу // Комплексное развитие информационных технологий и повышение эффективности регионального управления в условиях цифровизации экономики. Материалы национальной (всероссийской) научно-практической конференции. 2018. С. 360-369.
9. Информационный бюллетень социологической лаборатории / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенок, О. В. Леонова, И. В. Михалев. Орел : Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2021. 136 с.
10. Каира Ю.В. Пути повышения эффективности информационно-аналитических технологий деятельности органов государственной власти // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 38-48.

11. Киселева И.А., Искаджян С.О. Информационные риски: методы оценки и анализа [Электронный ресурс]. // ИТпортал. 2017. №2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-riski-metody-otsenki-i-analiza> (дата обращения: 10.06.2022).
12. Конгина О.А. Социологические теории активности человека // Вестник ОГУ. 2001. №4. С. 168-172.
13. Кришин С.Г. Активность и инициативность как основа формирования социальной ответственности учащейся молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2018. №2 (69). С. 335-337.
14. Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Анцута А.Н. Информатизация общества: сопоставительный анализ политико-правового и социально-психологического подходов // Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология. 2016. №2 (41). С. 7-14.
15. Меркулов П. А., Каира Ю. В., Михалев И. В. Трансформация социальной структуры населения региона: состояние, тенденции, влияние на уровень социальной напряженности (на материалах Орловской области) : научная монография. Орел : Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2021. 120 с.
16. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва Хранитель, 2006. С. 261.
17. Мовченко А.И. Методологический конструкт исследования проблем информационной безопасности в сетевых сообществах // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. С. 62–65.
18. Монастырный Е.А., Касинский С.В., Дырко Н.П. Реализация информационного потенциала. Информационные процессы // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. №3 (34). С. 91–103.
19. Статистика интернета и соцсетей на 2022 год – цифры и тренды в мире и в России: [Электронный ресурс]. М., 2022. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2022-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/> (дата обращения: 15.06.2022)/

Яковлева Светлана Николаевна, канд. социол. наук, доц., yak.sveta@mail.ru, Россия, Орел, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,

Хамидулин Рустам Фаридович аспирант, gll9h@list.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

INFORMATION RISKS AS A THREAT TO THE SOCIAL SECURITY OF MODERN DIGITAL SOCIETY

S.N. Yakovleva, R.F. Khamidullin

The review of scientific publications and studies devoted to the social security of modern digital society suggests that the problem of the contradiction between the need to use the Internet environment and destructive effects on the user remains relevant due to the dynamism of digitalization processes. The principles of formation and development of safe behavior of individuals in information networks acquire special social significance and rele-

vance. The key conclusion is that the sociological analysis of information threats will help to correct the information policy of the modern Russian state, to make it safe.

Keywords: information risks, social security, information society, sociological analysis of information security

Yakovleva Svetlana Nikolaevna, candidate of sociological science, associate professor, yak.sveta@mail.ru, Russia, Orel, Oryol State University I.S. Turgenyev,

Khamidulin Rustam Faridovich, postgraduate, gll9h@list.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration

УДК 328

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-77-88

КОГНИТИВНАЯ КАРТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ДОМИНИРУЮЩИХ ТИПОВ СЕТЕЙ СОЦИАЛЬНОГО НЕДОВОЛЬСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ РУНЕТА

А.Ю. Домбровская, М.А. Давыдова

Анализируются вербальные и поведенческие цифровые маркеры социального недовольства, отраженные в региональных социальных сетях РФ. Эмпирическое исследование построено на комбинации кластерного анализа для дифференциации регионов по уровню социального недовольства, когнитивного картирования, позволившего установить содержательную специфику недовольства в регионах РФ, ивент-анализа, который позволил интерпретировать и соотнести с событийной повесткой результаты когнитивного картирования. Результаты исследования продемонстрировали взаимосвязь контекстов социального недовольства, получающих отражение в социальных медиа региона, и показателей их социально-экономического развития. Когнитивное картирование продемонстрировало существование нелинейной связи между спецификой региональных кластеров по уровню развития их социально-экономических показателей и особенностями содержания материалов, которые отражают различные контексты социального недовольства жителей регионов России

Ключевые слова: сети социального недовольства, когнитивное картирование, дискурсы недовольства, социально-медийный анализ, сетевой подход, региональное недовольство.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Постановка проблемы

Всё возрастающая социальная неопределенность, изменчивость, непредсказуемость внешних факторов, воздействующих на социально-политическую и социально-экономическую ситуацию в новых геополитических реалиях, служит триггером роста объема цифровых следов социальных страхов и опасений россиян в социально-медийной среде Рунета. Цифровые сообщества, продвигающие оппозиционную и деструктивную

повестку, работают на усугубление ценностного межпоколенческого разрыва, при этом эксплуатируя контексты нерешенных общественных проблем. Наиболее эффективно мобилизовать пользовательский резонанс критически ориентированным цифровым акторам удастся вокруг региональных контекстов общественного недовольства. В этом смысле используется оппозиционный потенциал социально депривированных слоев населения, контексты социального недовольства приобретают региональный и локальный акцент. Исходя из этого, исключительно важно проводить мониторинг сетей недовольства, функционирующих в социальных медиа субъектов РФ.

Цель проведенного исследования состоит в установлении специфики вербальных (дискурсивных, технологических) и поведенческих (характеристики пользовательской активности) цифровых маркеров социального недовольства, отраженных в региональных социальных сетях РФ.

Методология исследования

Методология исследования представлена такими подходами, как:

- структурно-функциональный подход, обеспечивающий изучение социальных сетей недовольства как дисфункцию цифровой среды [1-2];
- когнитивный подход, позволяющий установить соотношение между рациональными и иррациональными приемами воздействия на сознание пользователей в российском сегменте социальных сетей в период проведения СВО на Украине [3-4];
- Predictor Mining – методология интеллектуального поиска цифровых маркеров социальных и политических процессов, с помощью которой осуществлена автоматическая выгрузка информационных потоков, отражающих риторику сетей социального недовольства [5];
- сетевой подход, обеспечивающий понимание социальных медиа как сетей, формирующих плотную среду информационного влияния лидеров общественного мнения на сознание и общественные установки своей цифровой аудитории [6].

Методика исследования

Эмпирические объекты исследования и соответствующие им методы сбора и анализа информации:

Социально-экономические показатели развития регионов РФ служат основой кластерного анализа регионов РФ по степени выраженности социального недовольства их жителями.

Материалы социально-медийных сообществ с риторикой социального недовольства стали базой когнитивного картирования (380 цифровых групп из 3 социальных сетей: «ВКонтакте», «Одноклассники», «ТikTok» и мессенджера Телеграм). Критериями отбора выступали следующие позиции: наличие групповой риторики социального недовольства; невысокая ботовость участников (не превышающая 10 %) и публикационная актив-

ность (не реже 3 сообщений в неделю и опубликование последнего поста не позднее 3 дней на момент анализа). На втором этапе был проведен содержательный анализ материалов отобранных сообществ с целью выявления ключевых контекстов и триггеров формирования и мобилизации настроений социального недовольства у пользователей социально-медийных групп (всего изучено 600 документов, принцип сплошного отбора 10 наиболее актуальных по дате сообщений в каждой группе – исследовательском кейсе, глубина анализа: 24.08.2021 – 23.04.2022 гг.), база содержательного анализа обработана в программе SPSS Statistics 26.0.

Материалы региональных новостных СМИ, отражающие локальные события, вызывающие широкий общественный резонанс жителей регионов и способствующие мобилизации их социального недовольства (глубина аккумуляции: 24.08.2021 – 23.04.2022 гг.), были фундаментом ивент-анализа, позволившего интерпретировать ряд положений когнитивного картирования материалов региональных сетей недовольства.

Результаты исследования

Когнитивное картирование сетей социального недовольства осуществлялось в соответствии с выявленными на основе критериев социально-экономического развития региональными кластерами (соотношение среднедушевого долга и зарплаты, объем задолженности перед банками на одного человека в тыс. руб., отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, доля людей за чертой бедности и крайней бедности, социально-экономическое положение региона, финансовое благополучие жителей региона, уровень безработицы, количество расследованных преступлений по ст. 290 УК РФ «Получение взятки» (кол-во преступлений на 1000 человек), рейтинг влияния глав субъектов РФ, социальные расходы консолидированного бюджета на одного жителя в тыс. руб.). Кластеризация методом complete проведена с применением языка программирования R.

Первый кластер (Камчатский край, Магаданская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ) характеризуется наибольшим значением отношения медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, при этом объем задолженности перед банками на одного человека также является одним из самых больших в сравнении со всеми другими регионами. Кроме того, в данной группе регионов наблюдается минимальное количество преступлений, связанных с коррупцией в органах власти. Сообщениям социальных сетей недовольства из 1-го кластера свойственно преобладание в качестве объектов социального недовольства органов региональной (в большинстве случаев) и муниципальной власти. Среди наиболее представленных контекстов недовольства – коррумпированность власти, озабоченность потерей работы и состояние системы здравоохранения.

Технологические характеристики анализируемых сообщений отражим в таких параметрах, как технология, прием влияния, авторство и целевая аудитория. В сообщениях социальных медиа 1-го кластера доминирует эмоциональная подача информации, иррациональные способы информационного воздействия. При этом используемая зачастую псевдорациональная аргументация, по сути, также служит средством аффективного воздействия с целью мобилизовать социальное недовольство пользователей региональных интернет-ресурсов, в первую очередь, молодой пользовательской аудитории. Чаще всего генераторами социального недовольства в региональных сетях 1-го кластера служат новостные региональные сообщества, центры общественного мнения и городские социально-медийные группы (рис. 1).

Рис. 1. Когнитивная карта информационных потоков доминирующих типов сетей социального недовольства в 1 кластере

Второй кластер (Москва, Московская область, Республика Татарстан, Санкт-Петербург, Сахалинская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ) отличается самым высоким уровнем задолженности перед банками на одного человека, а также самым высоким по всей России количеством преступлений, связанных с коррупцией в органах власти. Вместе с тем, данная группа регионов показывает наименьший уровень безработицы, а также наименьший показатель доли людей, находящихся за чертой бедности и крайней бедности. Сообщения социальных сетей недовольства 2-го кластера характеризуются преобладанием в качестве объектов социального недовольства органов федеральной и региональной власти. Представленные контексты недовольства сочетают социально-экономические и политические аспекты: «несменяемость власти», «незащищенность прав личности», экономические и социальные последствия ведения СВО, состояние дорог. В сообще-

ниях анализируемого кластера доминирует иррациональное воздействие. Для развития установок социального недовольства пользователей региональных интернет-ресурсов применяются разнообразные приемы: ценностное подчинение, заражение, обеспечение согласия с продвигаемым мнением, мотивирование к действию, формирование чувства вины, эмоциональная стереотипизация. Чаще всего генераторами социального недовольства в региональных сетях 2-го кластера служат оппозиционные цифровые сообщества, городские новостные группы (рис. 2). Отметим, что наибольшими значениями пользовательской активности (потенциал одобрения, резонансность, виральность) располагают материалы сетей недовольства именно второго регионального кластера.

Рис. 2. Когнитивная карта информационных потоков доминирующих типов сетей социального недовольства во 2 кластере

В третьем и четвертом кластерах, довольно схожих по характеристикам социально-экономического развития (Воронежская область, Краснодарский край, Ленинградская область, Нижегородская область, Приморский край, Республика Башкортостан, Самарская область, Свердловская область, Тульская область, Тюменская область, Челябинская область; Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Волгоградская область, Вологодская область, Ивановская область, Иркутская область, Калининградская область, Калужская область, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Красноярский край, Курская область, Липецкая область, Мурманская область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Орловская область, Пензенская область, Пермский край, Псковская область, Республика Адыгея, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Мордовия, Республика

Саха (Якутия), Ростовская область, Рязанская область, Саратовская область, Смоленская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Хабаровский край, Чувашская Республика, Ярославская область) наблюдается один из самых худших уровней соотношения среднедушевого долга и зарплаты, при этом низкий уровень безработицы и высокий уровень доверия к лидерам регионов. Также регионы характеризуются сравнительно высоким уровнем социальных расходов консолидированного бюджета на одного жителя. Материалам социальных медиа 3-го кластера свойственно преобладание в качестве объектов социального недовольства преимущественно органов региональной власти. Циркулирующие в анализируемом сегменте сообщения контексты недовольства имеют наиболее широкий диапазон: от прагматических до идеалистических позиций: коррупционность власти, рост цен, «дефицит товаров» на фоне СВО, ветхое жилье, стоимость коммунальных услуг, работа общественного транспорта, «незащищенность прав личности в обществе».

В сообщениях анализируемого кластера комбинируются средства рационального и иррационального воздействия. Социальное недовольство пользователей региональных интернет-ресурсов формируется с помощью приемов: ценностное подчинение, заражение, ценностное камуфлирование, обесценивание, рациональная аргументация. Основными генераторами социального недовольства в региональных сетях 3-го кластера выступают центры и лидеры общественного мнения, оппозиционные цифровые сообщества (рис. 3).

Рис. 3. Когнитивная карта информационных потоков доминирующих типов сетей социального недовольства в 3 кластере

В проанализированных документах социальных медиа 4-го кластера в качестве объектов социального недовольства доминируют органы власти всех уровней. Циркулирующие в анализируемом сегменте сообщений контексты недовольства довольно многогранны: недовольство принимаемыми политическими решениями, ограничительными мерами по COVID-19 (до начала 2022 г.), рост цен, «дефицит товаров» на фоне СВО, низкий уровень зарплаты.

В сообщениях анализируемого кластера преобладают средства иррационального воздействия. Социальное недовольство пользователей региональных интернет-ресурсов поддерживается с помощью приемов: ценностное подчинение, заражение, метод «общего вагона», ценностное камуфлирование, обеспечение согласия с продвигаемым мнением, обесценивание, мотивирование к действию, дегуманизация. Основными субъектами формирования социального недовольства в региональных сетях 4-го кластера выступают оппозиционные цифровые сообщества, городские новостные группы, центры общественного мнения (рис. 4).

Рис. 4. Когнитивная карта информационных потоков доминирующих типов сетей социального недовольства в 4 кластере

В пятый кластер включены Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Крым, Севастополь, Чеченская Республика. Эти субъекты РФ отличаются наивысшим соотношением среднедушевого долга и зарплаты, а также наименьшим объемом задолженности перед банками на одного человека. При этом эти регионы характеризуются самым низким уровнем финансового благополучия жителей и наивысшим уровнем безработицы. Наконец, уровень доверия к главе субъекта так же один

из самых высоких. В сообщениях социальных медиа регионов 5-го кластера в качестве объектов социального недовольства выступают региональные органы власти. Контексты недовольства данного сегмента социальных медиа имеют политический уклон: несогласие с необходимостью проведения СВО, недовольство задержаниями в связи с участием в антивоенных акциях, среди социальных аспектов преобладает недовольство состоянием здравоохранения.

В сообщениях анализируемого кластера доминируют средства иррационального воздействия. Социальное недовольство пользователей региональных интернет-ресурсов развивается с использованием таких приемов: мотивирование к действию, примитивизация. Ключевыми субъектами формирования социального недовольства в региональных сетях 5-го кластера выступают городские новостные группы и центры общественного мнения. Базовыми целевыми общностями для этих цифровых акторов служат оппозиционно ориентированные пользователи социальных медиа (рис.5).

Рис. 5. Когнитивная карта информационных потоков доминирующих типов сетей социального недовольства в 5 кластере

Шестой региональный кластер (Владимирская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Тыва, Республика Хакасия) – это класс субъектов РФ с самым высоким соотношением среднедушевого долга и зарплаты, а также минимальным отношением ме-

дианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг. Показатель доли людей за чертой бедности и крайней бедности также самый высокий среди всех других регионов. Также регионы отличаются наибольшим показателем количества преступлений на 1000 человек и низшим рейтингом влияния глав субъектов РФ. В материалах социальных медиа регионов 6-го кластера в качестве объектов социального недовольства выступают региональные и муниципальные органы власти. Контексты недовольства данного сегмента социальных медиа включают, как правозащитный, так и социально-экономический аспекты: недовольство школьной инфраструктурой, медицинским обслуживанием, уровнем зарплаты, а также недовольство задержаниями в связи с участием в антивоенных акциях.

Рис. 6. Когнитивная карта информационных потоков доминирующих типов сетей социального недовольства в 6 кластере

В документах анализируемого кластера преобладают средства иррационального воздействия. Социальное недовольство пользователей региональных интернет-ресурсов развивается с применением преимущественно приема обеспечения согласия с продвигаемым мнением. Центральными субъектами формирования социального недовольства в региональных сетях 6-го кластера выступают центры общественного мнения. Генерируемые ими контексты социального недовольства ориентированы главным образом на такие целевые группы, как женщины и молодые матери (рис.6). Подчеркнем при этом, что материалы сетей недовольства шестого регионального кластера имеют наименьшие значения пользовательской активности (потенциал одобрения, резонансность, виральность).

Заключение

Таким образом, контексты социального недовольства, отраженные в социальных медиа регионов, имеют явную взаимосвязь с показателями их социально-экономического развития. В наиболее неблагополучных регионах, где самый высокий среди всех других регионов показатель доли людей за чертой бедности и крайней бедности, наибольший показатель количества преступлений на 1000 человек и низший рейтинг влияния глав субъектов РФ, лидируют контексты недовольства жителей низкими доходами, различными аспектами бытового неустройства, а главными объектами недовольства выступают региональные и местные власти.

Следует особо отметить, что сети социального недовольства регионов, характеризующихся низкими доходами и невысокими показателями социально-экономического развития, вместе с тем, высоким уровнем доверия региональной власти, отражают преимущественно неэкономические контексты недовольства, и больше сфокусированы на оценке оправданности специальной военной операции на Украине.

Когнитивное картирование показало существование нелинейной связи между спецификой региональных кластеров по уровню их социально-экономических показателей и особенностями содержания материалов, отражающих различные контексты социального недовольства жителей регионов России.

Так, регионы экономически благополучного кластера при относительно высоких значениях социально-экономического развития (столичные регионы и мегаполисы) имеют наивысшее проявление контекстов социального недовольства, связанных с правозащитным, либеральным дискурсом, а в качестве основных объектов недовольства – федеральные органы власти, «отвечающие за состояние защищенности прав личности в обществе».

В этой связи следует особо отметить, что сети социального недовольства регионов, характеризующиеся низкими доходами и невысокими показателями социально-экономического развития, вместе с тем, отличаются высоким уровнем доверия региональной власти, отражают преимущественно неэкономические контексты недовольства, и больше сфокусированы на оценке оправданности специальной военной операции на Украине. Поскольку в этот кластер входят такие субъекты РФ, как Крым и Чечня, имеющие особый социокультурный статус и так называемый «дополнительный символический капитал», предполагается, что это обуславливает сглаживание прямой зависимости между экономическим благополучием и развитостью сетей недовольства.

Всё же среди результатов когнитивного картирования присутствуют данные, демонстрирующие линейную связь. Жители регионов из наиболее неблагополучных регионов, где самый высокий среди всех дру-

гих регионов показатель доли людей за чертой бедности и крайней бедности, наибольший показатель количества преступлений на 1000 человек и низший рейтинг влияния глав субъектов РФ, акцентируются на контекстах недовольства низкими доходами, различными аспектами бытового неустройства, а главными объектами недовольства выступают региональные и местные власти.

Список литературы

1. Parsons T. Sociological theory and modern society. N.Y.: Free Press, 1967.
2. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
3. Данливи П. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы / Политическая наука: Новые направления. М: Вече, 1999. С. 282
4. Далтон Р. Дж. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект / Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. С. 330–344.
5. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Синяков А.В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 5. (141). С. 79–104.
6. Howard Ph.N., Parks M.R. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence // Journal of Communication. 2012. I. 62. P. 359-362.

Домбровская Анна Юрьевна, д-р. социол. наук, проф., an-doc@yandex.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,

Давыдова Мария Александровна, лаборант-исследователь, marchikdavydova@mail.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

COGNITIVE MAP OF INFORMATION FLOWS OF DOMINANT TYPES OF SOCIAL DISCONTENT NETWORKS OF REGIONAL RUNET COMMUNITIES

A. Yu. Dombrovskaya, M.A. Davydova

The article is devoted to the analysis of verbal and behavioral digital markers of social discontent reflected in regional social networks of the Russian Federation. The empirical study is based on a combination of cluster analysis to differentiate regions by the level of social discontent, cognitive mapping, which allowed us to establish the content specifics of discontent in the regions of the Russian Federation, event analysis, which allowed us to interpret and correlate the results of cognitive mapping with the event agenda. The results of the study demonstrated the relationship between the contexts of social discontent reflected in the social media of the region and the indicators of their socio-economic development. Cognitive

mapping has demonstrated the existence of a nonlinear relationship between the specifics of regional clusters in terms of the level of development of their socio-economic indicators and the features of the content of materials that reflect different contexts of social discontent among residents of Russian regions

Keywords: social discontent networks, cognitive mapping, discontent discourses, social media analysis, network approach, regional discontent.

Dombrovskaya Anna Yuryevna, doctor of social sciences, professor, andoc@yandex.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Davydova Maria Alexandrovna, laboratory assistant-researcher, marchikdavydova@mail.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation.

УДК 316

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-88-97

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Т.Н. Ключникова, О.В. Волкова, А.А. Поляков

Данная работа посвящена вопросу становления и развития социологии образования как самостоятельной отрасли научного знания. В статье определены и классифицированы основные подходы к исследованию социологии образования и выделены направления изучения данной отрасли научного знания. Особое внимание уделяется работам таких ученых как Э. Дюркгейм, Л. Уорд, Дж. Дьюи, Р. Мертон, Дж. Пейн, социологические концепции которых оказали значительное влияние на развитие как зарубежной, так и отечественной социологии образования. Проведенный авторами анализ заявленной проблематики позволяет сделать вывод об актуализации методологических вопросов в социологии, и, в частности, социологии образования.

Ключевые слова: общество, социальные институты, образование, социологическая наука, социология образования, социальный прогресс.

Предметная область социологии образования основывается на поисках социологических подходов к исследованию образования как социального института и как социального феномена, к выявлению путей повышения эффективности функционирования в процессе взаимодействия его основных элементов.

Для анализа теоретических основ становления и развития социологии образования обратимся к научным трудам мыслителей, которых по праву называют основоположниками социологии образования.

Социология образования как автономная отрасль научного знания сформировалась в XIX веке, у истоков которой стоял известный французский социолог Эмиль Дюркгейм. Основные точки зрения его научной сферы были изложены в работах «Социология образования», «Моральное образование», «Педагогика и социология» [1].

Э. Дюркгейм одним из первых в социологии вводит понятие социальной функция, под которым понимает всё многообразие социальных действий, возникающих в ответ на появляющиеся потребности [9]. Именно исследование социальных функций, по мнению французского ученого, является важнейшим предназначением социологической науки, так как именно они помогают понять сущность всех явлений и процессов, происходящих в обществе.

Французский социолог отмечает, что институт образования, являясь одним из важнейших социальных институтов общества, выполняет множество важных социальных функций, таких как воспитательная, коммуникативная, интеграционная, транслирующая и т.п. Соответственно, для его исследования требуется самостоятельная отрасль науки, которой и является социология образования.

В своей работе «Педагогика и социология» ученый пытается обосновать связь между двумя этими науками. Основным предназначением социологии он считает совершенствование отношений между всеми элементами общества как системы [5]. Следовательно, основным предназначением социологии образования как науки является поиск путей повышения эффективности взаимодействия всех элементов системы образования.

Еще одну свою работу «Моральное образование» Э. Дюркгейм посвятил анализу непосредственного взаимодействия учителей и учеников в процессе образования, в которой четко определил статусно-ролевое положение каждого из участников образовательного процесса, при этом выявив основные направления повышения эффективности данного взаимодействия (формальные и неформальные положительные санкции: грамоты, награды, устная похвала, а также формальные и неформальные отрицательные санкции: выговор, замечание, неудовлетворительная оценка).

К важным функциям социологии образования Дюркгейм относит доктринальность [6]. Именно в процессе образования у молодых людей формируется мировоззрение, ценностные ориентации, поведенческие установки, что впоследствии сказывается на всех общественных отношениях. Исходя из этого, общество закладывает свою будущую парадигму развития через молодое поколение посредством института образования.

Таким образом, в социологии образования, согласно Э. Дюркгейму, можно выделить следующие основные положения:

1) являясь неизменной составляющей общества, система образования подвержена влиянию трансформации всех сфер общественной жизни. Так, изменения в социально-экономической, социально-политической и

даже духовной сферах окажут непосредственное влияние на трансформацию системы образования;

2) социальные и культурные трансформации, происходящие в обществе, неизменно скажутся на социокультурных элементах процесса образования;

3) переход от механической к органической социализации, сопровождающийся повышением внимания к индивидуализации личности, отражается и на системе образования, в которой индивидуалистический подход будет неизменно превалировать.

Так, Э. Дюркгейм, опираясь на глубокий анализ генезиса социальной образовательной системы, заложил основы социологии образования.

Д. Пейн считается родоначальником морализаторской традиции. Являясь приверженцем моралистского подхода, социолог утверждал, что образование способно решить все существующие социальные проблемы. Определяя предметную область изучения социологии образования как науки, ученым проведен анализ социальных групп как элемента социальной структуры общества, а также возникающих в них процессов, благодаря которым обеспечивается культурный баланс в обществе. По утверждению Д. Пейна, в качестве основы в социологии образования должны использоваться данные, полученные в ходе проведения социологических исследований в указанной области знания. Им были выделены следующие основные функции: усвоение традиций, выработка новых социальных моделей, творчество.

Т. Парсонс в своих исследованиях так же затрагивал тему образования. Он был убежден, что именно этот институт является одним из важнейших для личности, так как именно образование влияет на социализацию человека. По мнению ученого, люди рождаются с закрепленным за ними статусом, но в дальнейшем их дифференциация начинается с овладения определенными ролями, где образование является инструментом создания условий для развития личности. В зависимости от социально-экономического положения и возраста дети занимают относительно равные позиции в начальной школе, и школа поощряет конкуренцию между ними.

Образование реализует принцип дифференциации, в результате которого школа наделяет индивида определенным статусом, который возникает в результате оценивания и получения определенной квалификации. Таким образом, образование выступает как основной критерий для определения будущего положения в обществе.

Изучая функции образования, Парсонс выделяет четыре основные функции: академическую, распределительную, экономическую и политическую. В основе академической функции лежит использование универсальных способностей, научных знаний, обладание которыми обеспечивает однородность общества и, как следствие, устойчивость и жизнеспособность социальной системы. Образование оказывает существенное влияние

на темп роста производительности труда человека как единицы рабочей силы, реализуя, тем самым, экономическую функцию. Функция распределения выражает готовность людей к разным ролям в разделении труда. Политическая функция осуществляется через социализацию, проводимую в учебных заведениях.

М. Вебер впервые рассмотрел образовательный процесс с социологической точки зрения, описал, как образование взаимодействует с другими социальными институтами и общественными процессами, а также исследовал и выделил основные функции образования.

У истоков социологии образования стояло много выдающихся социологов. Г. Спенсер в своей книге «Образование: интеллектуальное, моральное и физическое» писал о том, что образование – это некое средство обеспечения эффективного контроля над человеческой жизнью.

Л. Ф. Уорд в книге «Динамическая социология» утверждал, что школа играет огромную роль в становлении личности и трансформации общественной жизни и был убежден, что её необходимо рассматривать и изучать с социологической точки зрения [10]. Основная идея Л. Уорда заключалась в том, чтобы знания были доступны каждому, а образование, являясь инструментом социального прогресса, должно быть обязательным и бесплатным.

Продвигая эту гуманистическую идею в конце XIX века, он осознал необходимость государственной политики, направленной на доступность и обязательность всеобщего образования. С его точки зрения, именно просвещение всех слоев населения поможет устранить социальные противоречия. Идеи Уорда об образовании связаны с его идеей «интеллектуального равенства всех классов», которая служит средством достижения социальной справедливости. Он глубоко убежден, что реформа системы образования приведет к улучшению общественной жизни. В качестве основного критерия образования, согласно мнению американского социолога, должен быть критерий социальной полезности.

В своей теории Л. Уорд выделял четыре принципа социального прогресса, которые также связаны с системой образования.

1. Различия в потенциале людей.
2. Контролируемые инновации.
3. Способность к волевому движению.
4. Целенаправленная эволюция.

Исходя из этого, можно заключить, что социолог оказал существенное влияние на становление социологии образования, указав на особую роль школы в преобразовании общества, и потребовал ее социологического изучения.

Прагматическая концепция обучения Дж. Дьюи оказывает существенное влияние на формирование и развитие новой отрасли социологических знаний. В своей книге «Школа и общество» ученый немало внимания уделяет социальным проблемам в школе. Одной из основных идей

Дж. Дьюи является идея изменения школы, которая заключается в избавлении от абсолютных знаний и приближении школы к жизненному опыту. По его словам, школа должна стать «обществом в миниатюре» [4]. В этом заключается суть прагматической концепции Дж. Дьюи. Среди основных направлений его работ можно выделить: изучение связей образования, а именно школьного, с общественной жизнью; соотношение школьного образования с потребностями ребенка; индивидуализация обучения [2].

Большинство сторонников конфликтного подхода рассматривают образование как инструмент капиталистического общества, посредством которого осуществляется социальный отбор. По их мнению, образовательные учреждения злоупотребляют своей властью. Ученики недовольны этим и пытаются покинуть школу, считая это жестоким и унижительным. Исходя из этого, концепции классиков социологии легли в основу теории конфликта, активно развивающейся в настоящее время. Сторонники этого направления также изучают, как опосредованные знания влияют на сопротивление учащихся контролю над школой.

Таким образом, обратившись к истории становления и развития зарубежной социологии образования, можно сделать вывод о том, что в изучении данной отрасли знания существуют подходы, которые различаются по своему содержанию [3]. Тем не менее, научные подходы иногда могут быть связаны и определенными теоретическими положениями, в связи с этим при описании разных концепций могут упоминаться имена одних и тех же исследователей. Проанализировав основные подходы к исследованию социологии образования можно резюмировать, что преобладали следующие научные направления (см. табл.).

Социологические подходы к исследованию социологии образования

Социологические подходы	Авторы	Научное направление
Функционалистский	Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс, Ф. Браун, Ф. Трэшер, Д. Прескотт	Рассматривали образование как социальный институт, выполняющий важные социальные функции
Социально-институциональный	Дж. Сирьямаки, Дж. Дьюи	Рассматривали образование как институт, интегрированный в систему других институтов общества

Окончание табл.

Моралистический	Дж. Пейн, Л. Уорд, Дж. Дьюи	Рассматривали образование как инструмент духовно-нравственного развития общества
Конфликтный	Г. Зиммель, Т. Веблен	Рассматривали образование как механизм социальной дифференциации

Но, несмотря на то, что данная наука возникла достаточно давно, масштабное развитие социологии образования началось только после Второй мировой войны, поскольку результаты исследований воспринимались как поводы для нарушения существующего общественного порядка и изменений в уже сложившейся системе образования в целом. Вопросы, которые тогда решала социология образования, скорее были теоретические, чем практические и выражались в социально-историческом и философском анализе. В зарубежных странах общий уклон социологии образования заключался в том, чтобы знакомить учителей с социологией, а не исследовать социологические аспекты образовательных учреждений. Гросс утверждал, что учебник Бруковера, опубликованный в 1955 году, представляет собой первую попытку более чем за четверть века исследовать школьную систему с устойчивой социологической точки зрения, а не с точки зрения «прикладного образования».

Рассматривая отечественную социологию образования, следует отметить, что период ее становления и ускоренного развития приходится на 60-е гг. XX века [8]. Среди известных исследователей социологических проблем образования советского периода – В. В. Водзинская, Р. Г. Гурова, А. Г. Здравомыслов, С. Н. Иконникова, Л. Н. Коган, В. Т. Лисовский, М. Н. Руткевич, Ф. Р. Филиппов, Г. А. Чередниченко, В. Н. Шубкина, В. А. Ядова и др. [1]. Публикационная активность отечественных ученых в области социологии образования значительно возросла во второй половине XX века, но носила лишь теоретический характер. Главной причиной такого положения дел являлась большая дискуссия о дальнейшей реформе образования.

По мнению российского учёного Л. Н. Когана современная социология образования должна ответить на такие вопросы как:

– удовлетворяет ли сегодняшняя система образования общественную потребность в специалистах разных отраслей деятельности, а также в количестве образованных людей;

– удовлетворяет ли данная система потребности самих обучающихся и специалистов;

– какие сегодня тенденции, изменения или же наоборот застой наблюдаются в институте образования;

– как система образования взаимодействует с другими отраслями общественной жизни и как она на них влияет;

– что сегодня является мотивацией образования (практические, инструментальные стимулы и так далее).

Таким образом, можно сказать, что образование как социальный институт с социологической точки зрения должен рассматриваться как один из наиболее значимых компонентов жизни человека и общества в целом, а также взаимосвязанного с другими элементами деятельности людей.

Развитие современной социологии образования связано с расширением границ междисциплинарного сотрудничества и международных исследований в области образования, активным изучением социальной стратификации, дифференциации и социокультурных процессов [7]. Однако следует отметить, что в настоящее время существует разрыв между накопленным опытом изучения зарубежной и российской социологии образования. В связи с этим представляется возможным разработка целостных и завершенных форм представления этой отрасли, определение ее тематического и категориального аппарата.

Объект социологии образования – все компоненты образования как социального явления. Среди основных можно выделить такие как:

– федеральные государственные стандарты и требования, образовательные стандарты и т.д.;

– организации, осуществляющие образовательную деятельность (школы, ВУЗы и т.д.)

– организации, осуществляющие обеспечение образовательной деятельности;

– объединения юридических лиц, работодателей и их объединений, общественные объединения, осуществляющие деятельность в сфере образования и т.д.

Если с объектом социологии образования всё более или менее очевидно, то можно прийти к некоторым трудностям рассматривая её предмет, поскольку ни в отечественной, ни в зарубежной литературе нет точного его определения. Это связано с тем, что феномен образования изучает не только социологии, но и многие другие науки, среди которых педагогика, философия, психология и так далее. Сотрудничая со всеми названными дисциплинами на основе достигнутых результатов социология образования предоставляет им необходимую содержательную информацию, методологические инструменты, теоретические обобщения, которые спо-

способствуют углублению междисциплинарных связей и развитию каждой из этих наук.

Чаще всего в литературе в качестве предмета социологии образования выступают общественные условия возникновения, функционирования, модернизации института образования, а также его связи с другими социальными институтами; функции системы образования; различные учреждения и организации, инфраструктуры образования. Обобщая, можно сказать, что предмет социологии образования – это рассмотрение структуры и изменений образования, а также изучение и понимание его роли в жизни как отдельного человека, так и общества в целом с помощью социологических методов.

Исходя из объекта и предмета социологии образования можно прийти к выводу, что основные ее функции сводятся к следующим. Социализирующая – одна из важнейших функций данной отрасли социологии, заключающаяся в исследовании образования как механизма социализации человека, изучении и понимании роли института образования в жизни общества, а также его влияние на освоение индивидом общественных норм, ценностей, традиций и т.д. Культурно-транслирующая функция заключается в распространении, приумножении и обогащении социологических знаний об образовании как социальном явлении, разработке собственных категорий социологии образования на основе социологической методологии и методологии. Идеологическая функция связана с разработкой социальных идеалов образовательного процесса, а также формирует социологический взгляд на институт образования. Прогностическая – обоснованное производство различных прогнозов в сфере образования, касающиеся тенденций, изменений и их результатов. Также прогнозы позволяют предотвратить негативные последствия в образовании. Преобразующая функция заключается в создании наиболее эффективных социальных технологий обучения и воспитания, а также систем социального управления образованием.

Рассматривая методы, которыми оперирует социология образования можно выделить, как общие социологические методы, так и собственные способы получения новых знаний. Среди основных – опрос (устный и письменный), тесты, эксперименты, социометрические и социосемантические методики, контент-анализ, анализ документов и многие другие. Часто, в ходе исследования используют не один конкретный метод, а целый блок различных методов. Также, в последние годы всё чаще к традиционным методам сбора информации добавляют новые. Например, деловые и организационные игры, круглые столы, мозговой штурм, в результате которых появляются новые идеи, концепции, обобщенные результаты по исследуемой проблеме. Таким образом, можно сказать, что применение методов в социологии образования вероятнее носит ком-

плексный характер, поскольку сложно найти исследование, которое было бы построено на использовании одного единственного метода познания.

Сегодня можно уверенно сказать, что социология образования является полноценной наукой. Несмотря на дефицит теоретических и эмпирических работ, связанный с кризисом данной науки в 21 веке, можно наблюдать множество положительных сдвигов: открыто большое число социологических центров, которые уделяют значительное внимание проблематике образовательного процесса; выпускается множество теоретического материала в виде книг, пособий, учебников; проводятся исследования посвященных анализу образовательного процесса.

Таким образом, период становления и развития социологии образования можно представить совокупностью индивидуальных вкладов следующих известных ученых: Э. Дюркгейма, Л. Уорда, Дж. Дьюи, Р. Мертон, Дж. Пейна и др., социологические концепции которых оказали значительное влияние на развитие как зарубежной, так и отечественной социологии образования.

Список литературы

1. Астафьев Я. У., Шубкин В.Н. Социология образования // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Наука, 1998. С. 264-280.
2. Veblen T. The Higher Learning in America. Stanford, 1918. P.47-59.
3. Гаврилюк В. В. Зарубежная социология образования / Под ред. А.М. Осипова. Великий Новгород, 2014. // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 165-167.
4. Дьюи Дж. Школа и общество. М., 1925
5. Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
6. Дюркгейм Э. Социология образования / Под ред. В. С. Собкина и В. Я. Нечаева. М.: ИНТОР, 1996. 87 с.
7. Зборовский Г. Е., Шуклина Е.А. Социология образования. М.: Гардарики, 2005. 384 с.
8. Нечаев В.Я. Социология образования. М.: ЦСО РАО, 1998
9. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.
10. Уорд Л. Ф. Динамическая социология, или Прикладная социальная наука, основанная на статической социологии и менее сложных науках: В 2 т. / Соч. Лестера Ф. Уорда, вице президента Социал. отд-ния Антропол. о-ва в Вашингтоне; Пер. П. Николаева. – М.: К. Т. Солдатенков, 1891. Т. 1. [4], IV. 451 с.
11. Информационный бюллетень социологической лаборатории / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенок, О. В. Леонова, И. В. Михалев. Орел : Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021. 136 с.

12. Информационный бюллетень социологической лаборатории / А. А. Алексеенко, Т. В. Ряжская, К. С. Нилаева, Я. А. Цуканов. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021. 154 с.

Ключникова Татьяна Николаевна, канд. психол. наук, доц., t.clyuchnikova@yandex.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

Волкова Оксана Викторовна, аспирант, oks93.kurakova@mail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

Поляков Алексей Алексеевич, аспирант, polykovaa75@gmail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

**THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF
SOCIOLOGY OF EDUCATION**

T.N. Klyuchnikova, O.V. Volkova, A.A. Polyakov

This work is devoted to the formation and development of the sociology of education as an independent branch of scientific knowledge. The article defines and classifies the main approaches to the study of the sociology of education and highlights the areas of study of this branch of scientific knowledge. Special attention is paid to the works of such scientists as E. Durkheim, L. Ward, J. Dewey, R. Merton, J. Payne, whose sociological concepts have had a significant impact on the development of both foreign and domestic sociology of education. The analysis of the stated problems carried out by the authors allows us to conclude about the actualization of methodological issues in sociology, and, in particular, the sociology of education

Keywords: society, social institutions, education, sociological science, sociology of education, social progress.

Klyuchnikova Tatyana Nikolaevna, candidate of psychological sciences, associate professor, t.clyuchnikova@yandex.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration,

Volkova Oksana Viktorovna, postgraduate, oks93.kurakova@mail.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration,

Polyakov Aleksey Alekseevich, postgraduate, polykovaa75@gmail.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТОЛЕРАНТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

М.С. Комарова, К.С. Нилаева

Проведен социологический анализ толерантности современной студенческой молодежи, под которой авторы понимают проявление терпимости к субъектам с отличным от основной массы людей социальным поведением. Именно толерантность раскрывает гармоничное взаимодействие между социальными группами, различными по своим культурам, внешнему виду, языку, верованиям и убеждениям. Основу работы составили результаты эмпирического социологического исследования, посвященного данной проблематике, проведенного на кафедре «Социологии и социальные технологии». В ходе проведенной работы были проанализированы отношения студенческой молодежи к представителям других национальностей, религиозных конфессий, людям с ограниченными возможностями здоровья. Авторы пришли к выводу, что именно молодежь является главным субъектом проявления толерантности, в связи с тем, что именно в этот возрастной период социализации человека, ему посредством социальных институтов закладывают те основы мировоззрения, которыми он будет руководствоваться в своей последующей жизнедеятельности. Резюмировано, что толерантность рассматривается как знание, которое приходит к человеку и накапливается в процессе его жизненного опыта и воспитания.

Ключевые слова: толерантность, эмпирическое социологическое исследование, социологический анализ, студенческая молодежь, религиозные конфессии, люди с ограниченными возможностями здоровья.

Толерантность – это терпимость человека к другим людям, отличным по тем или иным параметрам от большинства. Так же данное понятие закладывает в себе возможность для человека быть различным, особенным в гражданском обществе, в котором он ведет свою жизнедеятельность. Проблема толерантности была актуально всегда, а в настоящее время она только набирает еще большие обороты, особенно для российского общества, в силу его многонационального состава [4].

Именно толерантность раскрывает гармоничное взаимодействие между социальными группами, различными по своим культурам, внешнему виду, языку, верованиям и убеждениям. Именно это и дало ученым возможность рассматривать толерантность как знание, которое приходит к человеку и накапливается в процессе его жизненного опыта и воспитания.

В современном обществе стоит острая необходимость в изучении и анализе социальных и культурных предпосылок толерантности, это связано с интенсивной интеграцией российского общества в мировое сообщество и снижением согласия в социальной жизни [1]. Поэтому справедливо полагать, что прогресс современного общества зависит и от уровня толерантности его индивидов.

Толерантное отношение, как правило, формируется еще в дошкольном возрасте, и в наибольшей степени зависит от правильного воспитания. В студенческом возрасте молодежь продолжает формировать толерант-

ность, однако, уже в большей степени, самостоятельно. Зачастую у студенческой молодежи отсутствуют сдерживающие ценности, такие как семья, работа, и данная категория наиболее подвержена заражению радикальными настроениями, а уровень образования позволяет сформировать грамотные обоснования такому поведению [11].

Толерантный человек отличается пониманием, сочувствием и доброжелательностью по отношению к людям, в чем-то не похожим на него самого. Толерантность – это многоаспектное понятие, однако не все эти аспекты разработаны в достаточной мере полно.

Актуальность изучения толерантности так же объясняется ростом нетерпимости, вызванным резким расслоением мирового сообщества в экономической, политической, социальной и других сферах нашей жизнедеятельности; острой ситуацией в межнациональных отношениях. Молодое поколение является одной из наиболее важных возрастных социальных групп, так как, постепенно вливаясь в деятельность общественных процессов, данная группа принимает активное участие в их регулировании, а также интегрирует накопленные знания и умения в формирование новых социальных категорий. От данной возрастной группы зависит дальнейшее развитие государства и общества в целом [3]. Следует заметить, что именно молодёжь является главным субъектом проявления толерантности. Так как именно в этот период социализации человека ему посредством социальных институтов закладываются те нормы мировоззрения, с которыми он будет вести дальнейшую жизнь в обществе.

В современной социологической науке исследованием молодежной проблематики в целом и толерантности в частности занимаются такие ученые как Горшков М.К., Шереги Ф.Э., Зубок Ю.А., Чупров В.И., Меркулов П.А., Батанина И.А., Алексеенок А.А., Леонова О.В., Михалев И.В., Каира Ю.В., Игнатова Т.В. и др. [3,6,7,2,1,4,9,]

В данной связи особо актуальными становятся вопросы, связанные с выявлением уровня толерантности молодых людей на современном этапе развития общества, которые были заданы респондентам в рамках социологического исследования «Социологический анализ толерантности современной студенческой молодёжи». Метод исследования – массовый опрос населения с использованием сервиса Google Forms. Исследование проводилось в мае 2021 г. Общий объем выборки – 389 человек, обучающихся в вузах г. Орла. Выборка многоступенчатая, случайная, неповторная, по половозрастной структуре молодёжи г. Орла [2].

По данным проведенного исследования, было выявлено, что около половины студентов определяют «толерантность» как терпимость и снисходительность – 47 %, четверть студентов связывает данное понятие с уважением – 23 %, и 15 % студентов считают, что толерантность связана с воспитанием, а каждый десятый респондент определяет толерантность как «принятие». Среди тех, кто выбрал «другое» наблюдались такие варианты ответов как, уступчивость, солидарность и равное отношение. Исходя из

предложенных данных, можно сделать вывод, о том, что студенты вкладывают в данное понятие исключительно положительный смысл (табл. 1).

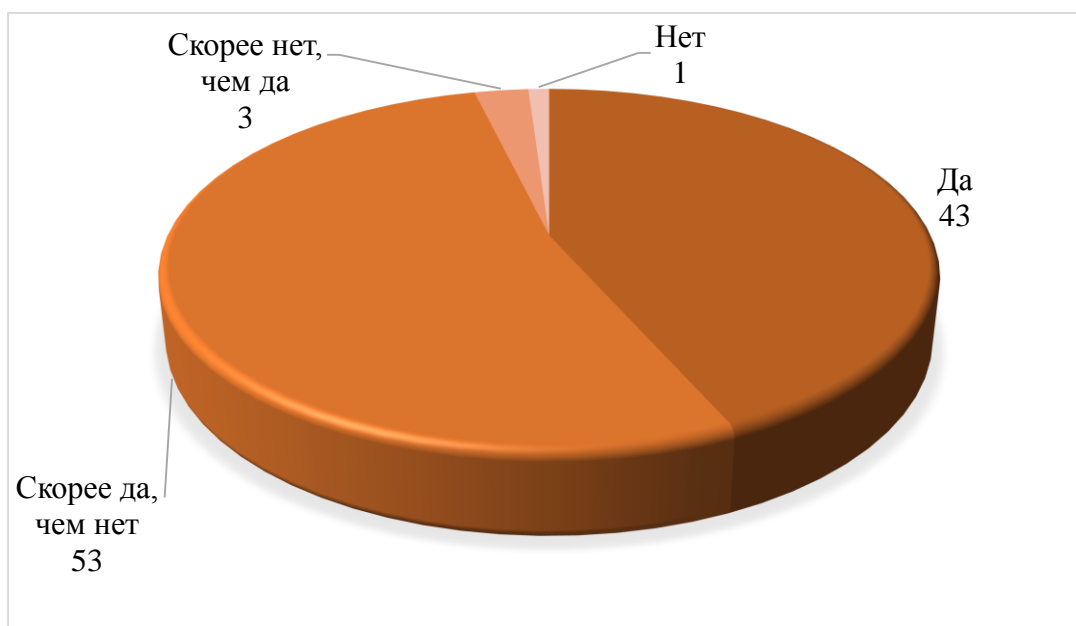
Таблица 1

**Понятие толерантности
(в % общего числа опрошенных)**

Понятие толерантности	%
Терпимость, снисходительность	47
Уважение	23
Воспитание	15
Принятие	10
Другое	5

В то же время понятие толерантность не является тождественным понятию терпимость. Анализ понятия «терпимость», определяемого мыслителями античности, Средневековья, эпохи Просвещения, Новейшей истории показывает, что основными компонентами ее понимания являются способность преодоления личных страданий, устойчивость к земным наслаждениям, беспристрастность, сдержанность, противостояние импульсивности, насилию в обществе; саморефлексия, уважение, благожелательность, сочувствие (симпатия), готовность к сотрудничеству и к поиску компромиссов с действительностью для достижения своих потребностей и желаний. Все это сочетается с пониманием идеи о самосохранении, всеобщем равновесии лишь на основе терпимости [9].

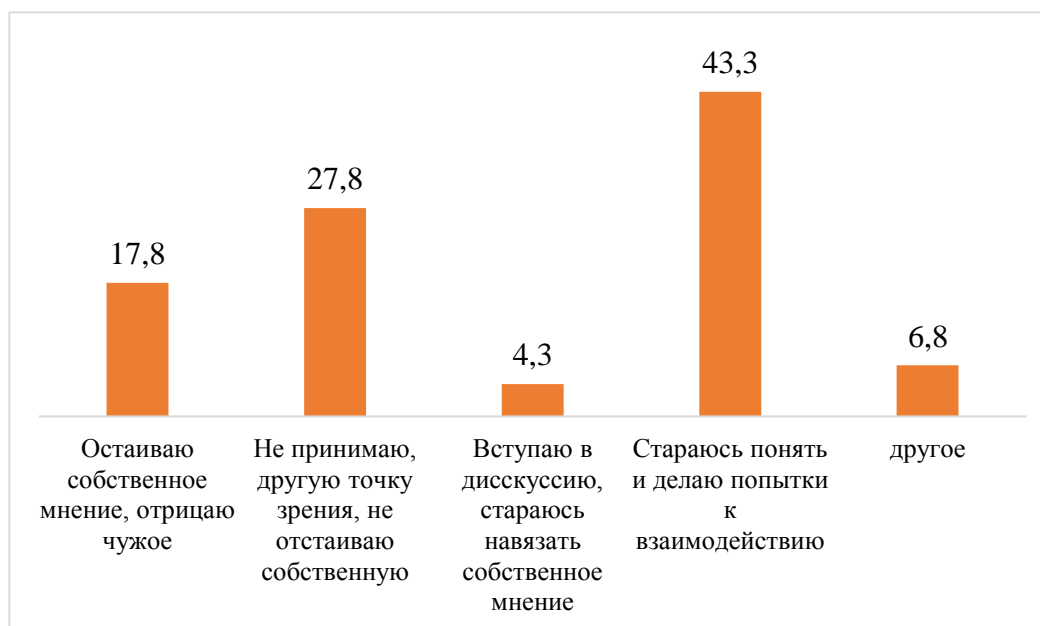
Следующий вопрос касался самоопределения толерантности (рис. 1).

**Рис. 1. Самооценка толерантности
(в % от общего числа опрошенных)**

Было установлено, что абсолютное большинство респондентов – 92,7 %, считают себя толерантными в той или иной степени, противоположное мнение выразили лишь 4 % студентов. Из этого можно сделать вывод, что студенческая молодежь является одной из наиболее толерантных социальных групп.

Для того, чтобы определить уровень толерантного воспитания студенческой молодёжи, был задан вопрос о том, как они поведут себя, если столкнуться с мнением, с которым не согласны (рис. 2).

Рис. 2. Реакция на противоположное мнение (в % от общего числа опрошенных)

Результаты получились следующие: большинство студентов (43,3 %) в данной ситуации пытаются понять и делают попытки к взаимодействию, тем самым показывая свое высокое толерантное воспитание, 27,8 % респондентов принимают позицию нейтралитета, не отстаивая собственное мнение и не принимая чужое. В то же время пятая часть респондентов готова активно отстаивать собственную точку зрения (17,8 % студентов не принимают чужое мнение, отстаивая собственное, а 4,3 % вступают в дискуссию, стараясь навязать собственное мнение).

Однако можно сделать вывод о том, что степень толерантности студентов является относительно высокой, поскольку большая часть опрошенных лояльно относится к противоположной точке зрения.

В современной науке принято выделять несколько видов толерантности:

- этническая (межнациональная) толерантность;
- религиозная толерантность;

- толерантное отношение к людям с ОВЗ.
- толерантное отношение к представителям нетрадиционной ориентации.

Именно данные аспекты будут проанализированы в настоящем исследовании.

В современном обществе ярко выделяется проблема отношений между различными национальными группами. В особенности актуален данный вопрос в регионах с большой плотностью различных народностей. Ведь находясь на единой территории, люди обязаны уживаться с различными традициями и обычаями, порой совершенно противоречащими друг другу. Различия менталитетов и мировоззренческих установок национальных групп часто приводят к разнообразным противоречиям и конфликтам. Данные явления не только разрушают микроклимат определенного общества, негативно влияют на социальное единство населения, но и грозят появлением в социуме этноцентричных и даже националистических взглядов [5]. Поэтому существует необходимость в анализе межнациональных отношений, в особенности среди молодых людей. Это можно объяснить тем, что именно молодое поколение склонно к проявлению наибольшей степени агрессии в сторону людей иной национальности в силу собственного максималистского мышления, не до конца сформировавшейся гражданской позиции и, возможно, стереотипизации, присутствующей в молодежной среде [10].

В связи с вышесказанным, следует констатировать, что проблема межэтнической толерантности является одной из самых актуальных в многонациональной России и, несмотря на то, что абсолютное большинство опрошенных считают себя толерантными людьми, она касается, прежде всего, студенческой молодежи (табл. 2).

Таблица 2

**Толерантность к представителям других национальностей
(в % от общего числа опрошенных)**

Мнения	%
Нет плохих национальностей, есть плохие люди	40
Не делю людей на национальности	23,9
Да, есть такие национальности	18,9
В отдельных национальностях процент опасных людей выше	17,2

В ходе исследования было установлено, что почти две трети студентов проявляют толерантное отношение к представителям других национальностей. Так, для чуть менее половины респондентов «не существует плохих национальностей, а есть плохие люди». Данный вариант ответа

поддержали 40 % респондентов. Так же 23,9 % студентов ответили, что не делят людей по национальному признаку. В то же время тот факт, что чуть более трети студентов (36,1 %) не являются толерантными к представителям других национальностей, является достаточно тревожным.

Еще одним важным аспектом проявления толерантности студенческой молодёжи является отношение к различным религиозным конфессиям, поскольку религия является составной частью отношений между представителями различных народов. Для того, чтобы выявить отношение студентов к самой религии, был задан вопрос: «Каково Ваше отношение к религии?» (рис. 3).

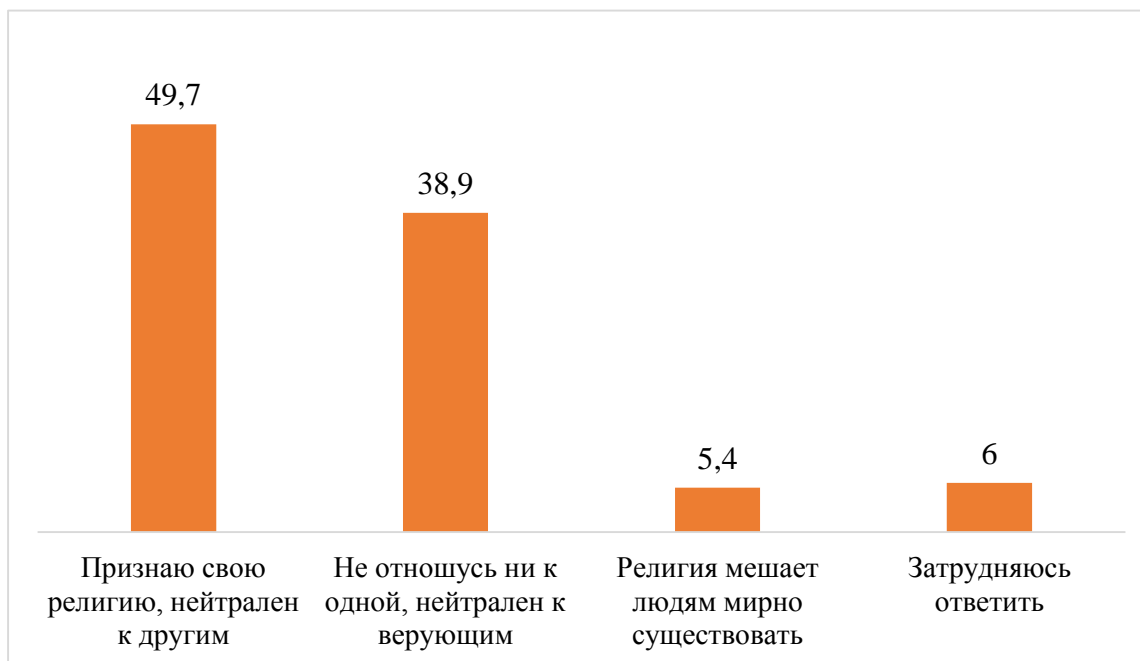

**Рис. 3. Отношение к религии
(в % от общего числа опрошенных)**

На рисунке продемонстрировано, что студенческую молодежь нельзя отнести к верующей прослойке населения. Лишь немногим более половины респондентов считают себя верующими людьми согласными с основными религиозными догмами (58,2 %). Остальные считают себя агностиками и атеистами (23,6 % и 12,7 % соответственно). Каждый пятый представитель студенческой молодежи не может высказать определенного мнения поданному вопросу.

Религиозный вопрос, как и национальный, является одним из наиболее остро стоящих на сегодняшний день. Проблема религиозной толерантности является весьма актуальной, поскольку она связана с изменениями в современном мире, характеризующимися быстрым перемещением религиозных меньшинств, миграций на региональном и локальном уровнях, а также различными межконфессиональными отношениями [7-8]. Для вы-

явления степени религиозной толерантности молодого населения России, респондентам был задан вопрос об их отношении к другим религиям (рис. 4).

Рис. 4. Отношение к религиозным конфессиям (в % от общего числа опрошенных)

Результаты, представленные на рис. 4 во многом коррелируют с предыдущими данными. Несмотря на то, что сами студенты верующими не являются, они достаточно толерантны к конфессиональным принадлежностям населения. Лишь каждый пятый респондент считает, что религия может служить причиной конфликтов и разногласий (5,4 %).

Еще одна составляющая толерантного отношения в обществе – толерантность по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Отношение респондентов к лицам с ограниченными возможностями здоровья представлен в таблице 3.

Таблица 3

Отношение к людям с ОВЗ (в % от общего числа опрошенных)

Тип отношения	%
С жалостью	45,5
Как к равным	34,5
С пренебрежением	10,9
С раздражением	1,8
Другое	7,3

Ответы респондентов на данный вопрос распределились следующим образом. Третья часть респондентов относится к данной категории населения как к равным (34,5 %). Данное отношение наиболее оптимально для лиц с ОВЗ и позволяет им почувствовать себя равноправными членами социума несмотря на определенные ограничения, связанные со здоровьем и физическими возможностями. Около половины студенческой молодежи (45,5 %) проявляют сочувствие к данным людям. В то же время достаточно негативно выглядит тот факт, что с пренебрежением к ним относится 10,9 % респондентов, а с раздражением 1,8 %.

Помимо толерантного отношения к другим национальностям и религиозным предпочтениям человека, а также толерантности к людям с ограниченными возможностями здоровья, существует также толерантность по отношению к людям нетрадиционной ориентации. Исходя из того, что пропаганда нетрадиционных отношений набирает все большую популярность во всем мире особенно среди молодежи, целью следующего вопроса было определить отношение студентов к представителям нетрадиционной ориентации.

Результаты исследования показали, что россияне не готовы жить рядом с представителями нетрадиционной ориентации. Даже среди такой толерантной группы как студенческая молодежь данный тип отклоняющегося поведения поддержали менее пятой части респондентов (18,2 %). В то время как отрицательно к ним относятся чуть менее половины респондентов – 39,9 %.

Анализируя полученные данные, можно сделать вывод о том, что межэтническая толерантность, религиозная толерантность и толерантность по отношению к людям с ограниченными возможностями здоровья находится на достаточно высоком уровне, а вот нетрадиционные меньшинства не находят поддержки и одобрения среди студенческой молодежи.

Толерантность студенческая молодежь определяет для себя как терпимость и солидарность. Степень толерантности студентов является относительно высокой, поскольку большая часть опрошенных лояльно относится к противоположной точке зрения. Этническая принадлежность для студенческой молодежи не является причиной плохих отношений между людьми, а межэтнические браки большинство студентов считают приемлемой и частой практикой [6].

Религиозная толерантность студенческой молодежи находится на достаточно высоком уровне, это подтверждается непредвзятым отношением студентов к различным религиям, и уважением собственной религии.

Студенческая молодежь в большей степени положительно относится к людям с ограниченными возможностями здоровья и полагает, что к таким людям нужно относиться как к равным, а обучение таких людей должно проходить совместно с обычными людьми.

Из сказанного выше следует, что толерантность в России находится на достаточно высоком уровне, однако толерантность к представителям нетрадиционной ориентации не сформирована до конца, следовательно,

необходимо констатировать, что толерантность современной студенческой молодежи находится на достаточно высоком уровне, однако требует формирования системы терпимого отношения современной молодежи к иным социальным группам.

Список литературы

1. Развитие гражданского общества в регионах России. Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е., Старостин А.М., Понеделков А.В., Швец Л.Г., Алексеёнок А.А., Киняшева Ю.Б., Гурова И.Г., Муращенко С.В., Есина Т.А., Бочарова О.Е., Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Ваховский А.М., Павлютенкова М.Ю., Баранова Г.В., Каира Ю.В., Гоголева Е.Н. и др. Тула, 2019.

2. Молодежь региона в 2020-2021 гг. : научное издание. Информационно-социологический бюллетень. / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенок, О. В. Леонова, И. В. Михалев. Орел : Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2021. 148 с.

3. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. Москва, 2020.

4. Меркулов П.А., Елисеев А.Л., Цыбаков Д.Л. Патриотическое воспитание в контексте реализации государственной молодежной политики в современной России: проблемы и современные приоритеты // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. №3 (44). С. 106–110.

5. Информационный бюллетень социологической лаборатории / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенок, О. В. Леонова, И. В. Михалев. Орел: Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС, 2021. 136 с.

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И., Любутов А.С., Сорокин О.В. Жизненные позиции молодёжи: смысловые основания формирования // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 3. С. 79–98.

7. Зубок Ю.А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №3(157). С. 4–12.

8. Батанина И.А., Константинова Л.А. Социальная дистанция через призму религиозных установок молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 223–229.

9. Каира Ю.В., Колмогоров Е.В. Социальная напряженность в молодежной среде: социологический анализ // В сборнике: Социологический альманах. материалы XIII Орловских социологических чтений. Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС; Орловское отделение Российского общества социологов. Орел, 2021. С. 191–197.

10. Меркулов П.А., Социальное самочувствие молодежи Орловской области // Трансформация ценностных ориентаций в современном обществе. В 2 т. Орел., 2015. С. 60–73

11. Информационный бюллетень социологической лаборатории / А. А. Алексеенко, Т. В. Ряжская, К. С. Нилаева, Я. А. Цуканов. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021. 154 с.

12. Каира Ю.В., Михалев И.В., Путилина Ю.Ю. Влияние рекламы на формирование мировоззрения студенческой молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 112–126.

Комарова Марина Сергеевна, соискатель, komarova-marina87@mail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы.

Нилаева Ксения Сергеевна, аспирант, nilaeva98@mail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Алексеенко Анна Алексеевна, научный руководитель, д-р социол. наук, проф., alekseenok-aa@yandex.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF TOLERANCE OF MODERN STUDENTS

M.S. Komarova, K.S. Nilaeva

This article provides a sociological analysis of the level of tolerance of young people in modern society. The basis of the work was the results of an empirical sociological study devoted to this problem, conducted at the Department of Sociology and Social Technologies. In the course of the work carried out, it was revealed that it is the youth who is the main subject of the manifestation of tolerance, due to the fact that it is during this age period of human socialization that the norms of the worldview with which he will conduct his further life in society are laid under the means of social institutions. In accordance with the above, it was summarized that in modern society, the need to study and analyze the social and cultural prerequisites of tolerance increases every year, in this regard, the younger generation has the greatest influence on this process.

Keywords: empirical sociological research, sociological analysis, tolerance, modern society, youth.

Komarova Marina Sergeevna, applicant, komarova-marina87@mail.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration,

Nelaeva Ksenia Sergeevna, postgraduate, nilaeva98@mail.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration

Alekseyenok Anna Alekseevna, scientific supervisor, doctor of sociological sciences, professor, alekseenok-aa@yandex.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration

ФОРМИРОВАНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

П.А. Митасов, К.В. Наливайко

Рассматривается процесс формирования массового сознания в современном информационном обществе. Основу работы составили результаты эмпирического социологического исследования, посвященного данной проблематике, проведенного на кафедре «Социологии и социальные технологии». В ходе исследования были проанализированы такие источники формирования массового сознания как: телевидение, Интернет, новостные сайты, личные блоги, печатные издания, личное общение и т.д. Резюмировано, что в зависимости от сферы воздействия на массовое сознание выбирается технология его формирования. Для более успешного результата происходит интегрирование способов и методов оказания воздействия.

Ключевые слова: эмпирическое социологическое исследование, социологический анализ, информационное общество, массовое сознание, процессы коммуникаций.

Степень и масштабы использования манипулятивных приемов в процессе формирования массового сознания является важным индикатором качественного состояния коммуникативного пространства – его зрелости или слабости, оцениваемого с точки зрения наличия равносильных рациональных альтернатив, способных поддерживать дискурсивный баланс. Недостаточность зрелых, аргументированных критических позиций в обществе приводит к активизации манипуляционных технологий, к проявлению широкого эклектического спектра риторических и метариторических форм для обеспечения влияния на аудиторию различных социальных и политических сил. Наличие в обществе конструктивных критических сил заставляет разработчиков манипуляционных технологий думать не только о способах произведения эффекта, но и о том, чтобы нивелировать ощущение навязывания идеи или продукта, которое довольно быстро и легко распознается искушенным «клиентом».

В социологической науке исследованием формирования массового сознания в современном информационном обществе занимаются такие ученые как Горшков М.К., Грачев Г.В., Меркулов П.А., Батанина И.А., Алексеенок А.А., Михалев И.В., Каира Ю.В. и др. [3,4,7,8].

В современном информационном обществе выработка стратегий формирования массового сознания становится тщательно подготавливаемой. Возникновение целой области профессиональной деятельности – PR-агентов в социальной и маркетинговой сфере и специфических «информационных отделов» в политической сфере, нацелено на изобретение все новых способов формирования массового сознания и продвижения, определенного социального или политического продукта [1].

К рациональным причинам, которые могут влиять на формирование массового сознания, можно отнести необходимость в мобилизации групп

индивидов и отдельных людей для достижения их активности, а, следовательно, и эффективности поставленных целей; а также необходимость в изменении сознания и поведения людей. Наиболее часто манипуляцией пользуются СМИ [2].

Характеризуя технологии формирования массового сознания в современном информационном обществе, исследователи утверждают, что:

– объективная информация, в том случае, если имеется противоречия популярным стереотипам, будет обладать направленностью к угасанию, а, действительно, негативная информация – к полному стиранию из памяти;

– при формировании массового сознания необходимо затрагивать массовые чувства, эмоции, представления, ожидания;

– массовое сознание имеет «нелогичную» логику, так как опирающиеся на нее индивиды прибегают к идентифицированному мышлению [3].

Технология формирования массового сознания в современном информационном обществе включает следующие приемы.

– «Приклеивание или навешивание ярлыков» – такая технология осуществляется следующим образом: манипулятор, оказывая влияние на оппонента использует всевозможные термины, которые можно назвать «ярлыками». Так Г.В. Грачев говорит: ...«ярлыки» вызывают эмоционально негативное отношение окружающих, ассоциируются у них с низкими поступками и, таким образом, используются для того, чтобы опорочить личность, высказываемые идеи и предложения, организацию, социальную группу или предмет обсуждения в глазах аудитории».

– «Сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность» – данный прием характеризуется заменой понятий, используемых манипулятором. Для того чтобы оказать давление на объект манипулирования необходимо использовать названия, которые вызывают у него приятные ассоциации. Г.В. Грачев по этому поводу говорит: «такого рода слова, несущие позитивное психоэмоциональное воздействие, применяются для принятия решений и взглядов, оценок и действий, которые принесут выгоду конкретному лицу».

– ««Перенос» или «трансфер»» – суть данной технологии заключается в том, чтобы сделать акцент на тех положениях и вещах, которые ценятся оппонентом и сместить их на ту информацию, которая предоставляется актором манипуляции. Как правило, перенос приоритетов происходит на латентном уровне. В негативном значении «перенос» используется для дискредитации конкретных лиц, идей, ситуаций, социальных групп и организаций.

– «Ссылка на авторитеты» – такая технология активно применяется маркетологами при продвижении товара на рынок. Ее специфика состоит в том, чтобы вызвать доверие у населения с помощью личности, которая обладает авторитетом. В случае, когда нужно вызвать обратную реакцию, то есть спровоцировать отрицательное отношение к тому или иному объекту, находится личность, которая вызывает негативные эмоции у группы людей на которых направляется манипулятивное влияние.

– «Свои ребята» – этому приему характерно установление доверительных отношений между оратором и аудиторией. Его предложения, мысли, идеи становятся близкими для публики, однако, данный прием используется в основном для коммуникации людей равного социального статуса и положения.

– «Перетасовка» – сущность указанной методики заключается в определении ситуации и результата, который нужен в итоге. Для этого производится отбор и трансляция либо только позитивных, либо негативных фактов, в то же время замалчивая противоположные. То есть в данном случае только выгодная актору информация доходит до слушателя и выдается частями. Основной целью данного метода будет являться применение однонаправленных фактов, предложений, доводов, чтобы продемонстрировать их необходимость или же напротив, показать их непригодность.

– «Общий вагон» – Г.В. Грачев говорит: «при использовании данного приема осуществляется подбор суждений, высказываний, фраз, требующих единообразия в поведении, создающих впечатление, будто так делают все» [4].

Эмпирическую основу данной работы составили результаты социологического исследования «Формирование массового сознания в современном информационном обществе», проведенного на кафедре социологии и информационных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ в октябре 2021 г. в форме массового опроса населения Орловской области с использованием платформы Google Forms (опрошено 1018 респондентов) [5].

Исходя из данных исследования была выявлена осведомленность респондентов о феномене массового сознания. Анализируя полученные результаты, можно сделать вывод, что массовое сознание в новых информационных условиях находится под влиянием технологий манипулирования, используемых посредством цифровых и информационных технологий современными СМИ.

Для того чтобы узнать, что же люди подразумевают под массовым сознанием в рамках исследования был задан вопрос: «По вашему мнению, массовое сознание это?» (табл. 1).

Таблица 1

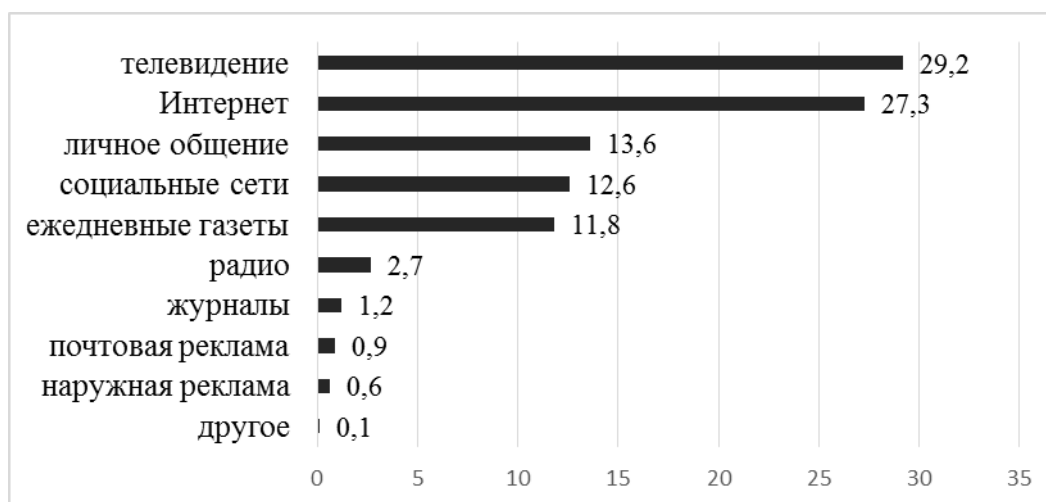
**Определение понятия «массовое сознание»
(в % от общего числа опрошенных)**

Определения	%
Сознание «общества в целом»	37,5
Идеи, взгляды, представления, разделяемые большими социальными общностями	30,8
То, с помощью чего выражаются и отражаются общественные изменения	17,9
Особый вид общественного сознания, свойственный «массам»	13,8

Из результатов, приведенных в таблице, можно сделать вывод, что более трети респондентов, а именно 38 % отмечают, что массовое сознание представляет собой сознание «общества в целом», чуть менее трети (31%) тех, кто считает, что массовое сознание – это идеи, взгляды, представления, разделяемые большими социальными общностями. Также респондентами были выбраны и другие позиции: это то, с помощью чего выражаются и отражаются общественные изменения – 18 % и это особый вид общественного сознания, свойственный «массам» – 14 %.

Социологическое исследование было направлено также на глубокое рассмотрение термина «массовое сознание» в новых информационных условиях. Повышенное внимание к данному вопросу обусловлено быстрым развитием информационно-цифровых технологий, которые качественно меняют траекторию структурирования и развития массового сознания. Интерпретация понятия о новых информационных условиях каждым человеком трактуется по-разному, что ставит необходимость в четком толковании данного термина и понимании каким образом происходит трансформация массового сознания под влиянием данного аспекта.

Для правильного представления о том, какие источники информации обладают наибольшей популярностью и какие из них в большинстве случаев выступают в качестве информирования о происходящих событиях, опрошенным был задан следующий вопрос: «Из каких источников вы чаще всего узнаете новости, информацию?» (рис. 1).

**Рис. 1. Источники получения информации
(в % от общего числа опрошенных)**

Большинство респондентов в качестве источника получения информации отмечают телевидение (29,2 %), более одной четвертой опрошенных отдают предпочтение Интернету. По убывающей следуют такие источники как: личное общение, социальные сети и ежедневные газеты с процентным соотношением 13,6 %, 12,6 % и 11,8 % соответственно.

Следует констатировать, что самыми популярными источниками получения информации являются телевидение и Интернет. Третью позицию занимает личное общение.

В ходе исследования был выявлен уровень доверия информации из различных источников (табл. 2).

Таблица 2

**Степень доверия источникам информации
(в % от общего числа опрошенных)**

№ п/п	Источник информации	Уровень доверия				
		Доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Не доверяю	Затрудняюсь ответить
1	Личное общение	28,8	51,6	9,8	3,5	6,3
2	Телевидение	26	50	12,7	7,1	4,3
3	Ежедневные газеты	29,3	39,7	11,5	7,9	11,5
4	Радио	12,2	41,8	13,1	11,2	21,6
5	Интернет	13,6	38,8	24,7	11,1	11,9
6	Социальные сети	9,8	33,5	23,6	17,3	15,9
7	Журналы	12,7	22,4	20,8	17,5	26,6
8	Почтовая реклама	8,2	13,1	24,7	38,1	15,9
9	Наружная реклама	5,1	14,9	33	37,7	9,3

Несмотря на то, что личное общение как источник получения информации занимает третье место, именно личному общению доверяют больше всего (80,4 %). Высок уровень доверия и к телевидению 76 %. Также респонденты доверяют информации в ежедневных газетах, а именно 69 % опрошенных. Каждый второй выражает доверие информации по радио и в Интернете. С меньшим доверием респонденты относятся к информации из наружной рекламы (70,7 %), почтовой рекламы (62,8 %), журналов (38,3 %).

Таким образом, следует сделать вывод, что несмотря на то, что в современном обществе, широко распространены цифровые и информационные технологии, личное общение как способ получения информации играет важную роль в жизни каждого человека. Именно об этом свидетельствуют результаты исследования. Несмотря на широкий спектр возможностей, которые предоставляет телевидение и Интернет в качестве источника информации, личное общение не отходит на второй план, хотя и уступает первым двум источникам.

В современном обществе активно в жизнь человека проникают все новые и новые информационные возможности, которые во многом диктуют правила, которым необходимо следовать. Появление и развитие Интернета дало качественно новое развитие сфер деятельности человека. Однако такое развитие повлекло и отрицательные события. Примером может служить рост числа воздействий на массовое сознание посредством СМИ, Интернета.

В настоящее время, новости о произошедших событиях распространяются быстро. Они транслируются по телеканалам, в новостных блоках социальных сетей и так далее. Но насколько происходящие события освещаются средствами массовой информации, остается вопросом.

В исследовании была затронута тема объективности и необъективности, освещаемых событий российскими СМИ (табл. 3).

Таблица 3

**Объективность информации освещаемой СМИ
(в % от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	%
объективно	57
необъективно	29
затрудняюсь ответить	14

Большая часть респондентов (57 %) высказывают мнение, что российские СМИ, как правило, доносят до зрителя, происходящие в стране события объективно, 29 % придерживаются противоположной точки зрения и считают, что события освещают необъективно, оставшая часть респондентов (14 %) затруднились ответить на данный вопрос.

Стоит отметить, что высоким психологическим воздействием на формирование массового сознания обладает пропаганда в средствах массовой информации, так как затрагивает эмоциональную составляющую личности. Следует различать позитивную и негативную пропаганду. Первая направлена на создание благоприятной информационной среды, воспитание в обществе общепринятых норм и ценностей, без жесткой манипуляции. Негативная же, напротив, создает и переворачивает систему принятых взглядов и убеждений, преследуя цель манипулирования сознанием социума в своих интересах [6].

Для понимания как респондентами воспринимается термин «пропаганда» был задан следующий вопрос: «Какие ассоциации у вас возникают, когда вы слышите слово «пропаганда»? (табл. 4).

Таблица 4

**Ассоциации возникающие при слове «пропаганда»
(в % от общего числа опрошенных)**

Варианты ответов	%
Навязывание, внушение, воздействие на сознание	26,6
Отрицательные эмоции	20,8
Информирование	19,4
Продвижение чьих-то интересов	17,3
Ложь, дезинформация, пустые слова	14,6
Другое	1,3

В рамках исследования было выявлено, что слово «пропаганда» ассоциируется у людей с навязыванием, внушением, воздействием на сознание (26,6 %). У каждого четвертого респондента слово пропаганда вызывает отрицательные эмоции. Также каждый четвертый опрошенный считает, что пропаганда служит для информирования. Несмотря на это у подавляющего большинства «пропаганда» вызывает негативное отношение и эмоции.

По мнению многих исследователей общественное сознание обладает непосредственной связью с общественным мнением, которое формирует массовое сознание разных общностей, групп людей к тем или иным процессам и событиям, которые напрямую касаются их интересов и потребностей.

Так как человек живет в социуме, он ежедневно контактирует с большим количеством людей. Велика вероятность того, что социальное окружение оказывает влияние на человека. Для того, чтобы выяснить степень влияния общественного мнения на индивида, был задан следующий: «По вашему мнению, подвержены ли вы лично влиянию общественного мнения?» (рис. 3).

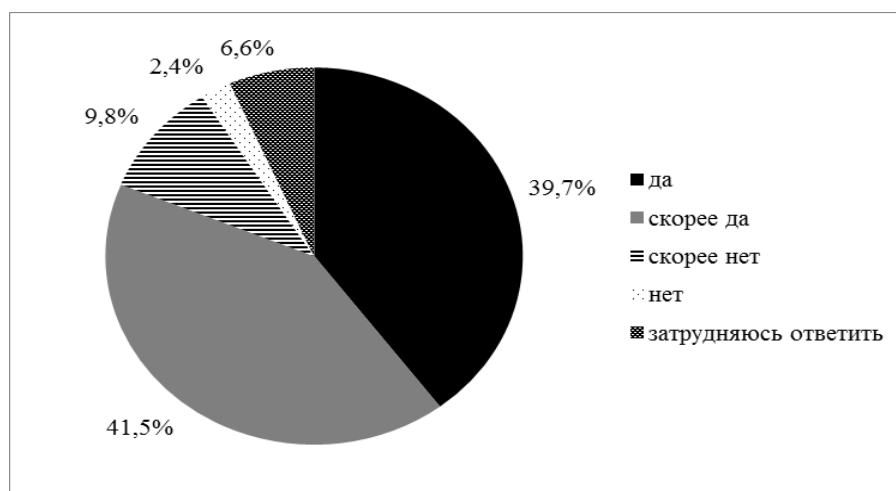

**Рис. 3. Подверженность влиянию общественного мнения
(в % от общего числа опрошенных)**

Мнения респондентов при ответе на данный вопрос разделились практически поровну. 51 % опрошенных считают, что они подвержены влиянию общественного мнения, 49 % придерживаются противоположной точки зрения и считают, что общественное мнение не оказывает на них никакого воздействия.

Собирающим понятием влияния, воздействия может выступать термин «манипулирование». Существует множество определений манипулирования. Каждый интерпретирует манипулирование по-своему. Например, манипулирование – это: вид психологического воздействия; достижение своих целей с помощью других; навязывание своей точки зрения как единственно верной; сознательное воздействие на кого-то в собственных интересах; стремление изменить восприятие информации в определенном направлении; умышленное воздействие на человека в собственных целях; управление кем-то в своих целях и т. д. Обобщая все определения, можно отметить схожие черты. Как правило, под манипулированием подразумеваются различные вариации воздействия, чтобы достичь поставленной цели. Влияние может носить как латентный характер, так и открытый [7]. Каждая сфера жизнедеятельности наполнена механизмами манипулирования. Несмотря на различные исторические периоды общественного развития, всегда существовали источники формирования и влияния на массовое сознание. В зависимости от области, в которой предполагается совершить манипуляцию, выбираются технологии ее осуществления. Как правило, для более успешного результата происходит интегрирование способов и методов оказания воздействия [8].

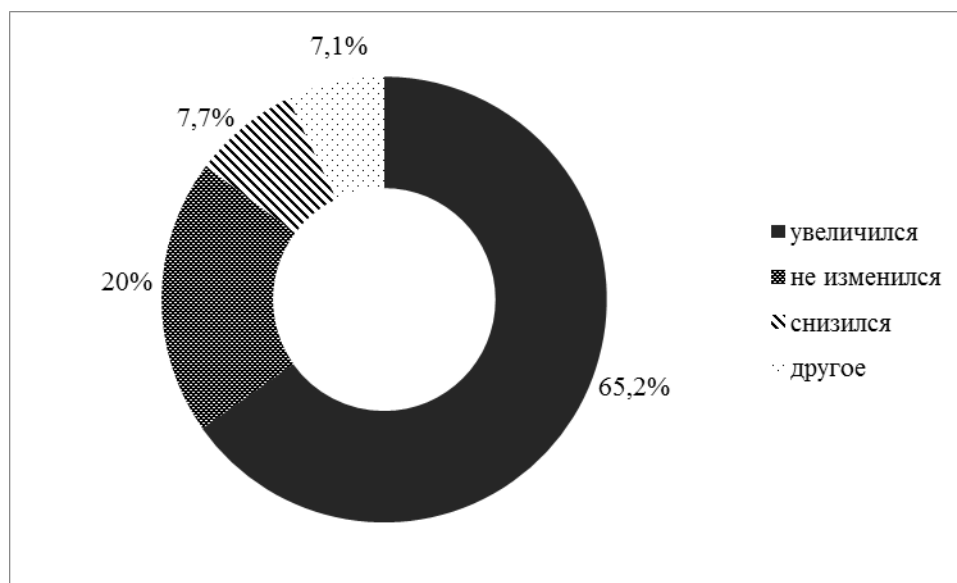
Благодаря большому объему доступной информации большая часть может являться недостоверной, но из-за ее обилия, сложно сделать подобного рода разграничения самостоятельно. Данное положение выгодно для манипуляторов, так как они могут делать акцент на той составляющей, которая выгодна им. Процесс манипулирования был известен давно, а в новых информационных условиях получил масштабное распространение. Об этом свидетельствуют результаты опроса, представленные на рисунке 4.

Рис. 4. Манипулирование сознанием в новых информационных условиях (в % от общего числа опрошенных)

С мнением о том, что в новых информационных условиях происходит процесс манипулирования согласны 81 % респондентов. Каждый десятый думает по этому поводу иначе. Примечательным является то, что лишь 2 % однозначно отрицательно дали ответ на вопрос. Это говорит, о том, что массы подвержены влиянию со стороны манипуляторов.

Говоря о развитии и распространении Интернета, можно отметить черты, которые носят негативный характер, а именно развитие процесса манипулирования. С появлением новых технологий данный процесс стал прост для реализации. Для того чтобы определить, как изменился процесс манипулирования в связи с глобальным развитием Интернета, был задан соответствующий вопрос. Результаты представлены на рисунке 5.

Рис. 5. Изменение процесса манипулирования (в % от общего числа опрошенных)

Из данных диаграммы видно, что больше всего респондентов (65 %), которые считают, что с развитием Интернета процесс манипулирования увеличился. Каждый пятый отмечает, что манипулирование происходило в обществе и что развитие Интернета никак не повлияло на данный процесс. Около 8 % респондентов ответили, что процесс манипулирования с глобальным развитием Интернета снизился.

Манипулирование осуществляется различными структурами с определенными целями. Например, в период выборов осуществляется ознакомление людей с лидерами партии, их планами, в текстах которых заложены механизмы влияния на мнение, сознание людей. Происходит информирование о том, в какой день и время начнутся выборы, что на сайте госуслуг можно оформить «открепительные» и проголосовать в удобном месте. Все это свидетельствует о новых информационных условиях.

Мобильная связь, IP телефония, Skype, IP телевидение, социальные сети существенно стали влиять на все стороны деятельности человека [9]. Процесс управления и воздействия осуществляется посредством манипу-

лятивных технологий, которые активно проникают во все сферы жизнедеятельности человека.

Результаты проведенного социологического исследования показывают, что под манипулированием респонденты понимают способ воздействия на человека, оказание влияния на психологическую составляющую. Как правило, данный процесс осуществляется латентно и приносит выгоду лишь одному актору.

С помощью информационных возможностей оказывать влияние на большое количество людей стало проще. Активно технологиями манипулирования пользуются средства массовой информации. Как отмечают респонденты, оно осуществляется путем сообщения ограниченного количества информации. Такие результаты подтверждают гипотезу о том, что массовое сознание в новых информационных условиях находится под влиянием технологий манипулирования, используемых посредством цифровых и информационных технологий современными СМИ [10].

Из сказанного выше следует, что формирование массового сознания представляет собой процесс целенаправленного влияния на адресата различными способами и методами. Данный феномен имеет множество определений, в которых авторы сходятся во мнениях о том, что формирование массового сознания необходимо рассматривать как специфический способ управления адресатом, который носит скрытый характер и имеет одностороннюю выгоду.

Каждая сфера жизнедеятельности наполнена механизмами манипулирования. Несмотря на различные исторические периоды общественного развития, всегда существовали источники формирования и влияния на массовое сознание. В зависимости от сферы воздействия на массовое сознание выбирается технология его формирования, а для более успешного результата происходит интегрирование способов и методов оказания воздействия.

Список литературы

1. Воронкова О. А. Массовое сознание в новых информационных условиях: возможности манипуляции и ресурсы противодействия // Дискуссионные проблемы социальной психологии: коллективная монография / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра. 2018. С. 47–60.
2. Кузина С.В. Информационное воздействие в процессе формирования массового сознания молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 4 (5). С.64–67.
3. Батанина И. А., Лаврикова А.А. Влияние цифровизации на конфигурацию поведенческих стратегий политической активности граждан: к проблеме исследования рисков // Политические риски развития государства и общества в современном мире: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 21 мая 2021 года / Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Саратов: Издательство "Саратовский источник", 2021. С. 8–15.

4. Грачев Г. В., Мельник И.К. Манипулирование личностью. М.: Эксмо, 2003. 112 с.
5. Информационный бюллетень социологической лаборатории / П. А. Меркулов, А. А. Алексеенок, О. В. Леонова, И. В. Михалев. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021. 136 с.
6. Анхимова Р.В. Психологические особенности влияния СМИ на личность // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3 (ч. 3). С. 359–365.
7. Информационный бюллетень социологической лаборатории / А. А. Алексеенок, Т. В. Рязская, К. С. Нилаева, Я. А. Цуканов. Орел: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС, 2021. 154 с.
8. Каира Ю.В. Пути повышения эффективности информационно-аналитических технологий деятельности органов государственной власти // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. № 2. С. 38–48.
9. Медиапотребление и активность в Интернете. 23.09.2021 // ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-i-aktivnost-v-internete> (дата обращения: 20.04.2022).
10. Алексеенок А.А., Каира Ю.В., Хатнюк Н.Н. Виртуальная среда как новая форма социальной реальности современной молодежи // В сборнике: Информационное развитие России: состояние, тенденции и перспективы. сборник статей XII всероссийской научно-практической конференции. Среднерусский институт управления - филиал РАНХиГС. Орел, 2022. С. 104–112.

Митасов Павел Александрович, аспирант, pashokmitasov@mail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Наливайко Ксения Валерьевна, соискатель, kseniya-nalivaiko@mail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Алексеенок Анна Алексеевна, научный руководитель, д-р социол. наук, проф., alekseenok-aa@yandex.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

**FORMATION OF MASS CONSCIOUSNESS IN THE MODERN INFORMATION SOCIETY:
SOCIOLOGICAL ANALYSIS**

P.A. Mitasov, K.V. Nalivaiko

This article examines the process of formation of mass consciousness in the modern information society. The basis of the work was the results of an empirical sociological study devoted to this problem, conducted at the Department of Sociology and Social Technologies. In the course of the work carried out, such sources of mass consciousness formation as television, the Internet, news sites, personal blogs, printed publications, personal communication, etc. were analyzed. It is summarized that depending on the sphere of influence on the mass

consciousness, the technology of its formation is chosen. For a more successful result, methods and methods of influencing are integrated.

Keywords: empirical sociological research, sociological analysis, information society, mass consciousness, communication processes.

Mitasov Pavel Alexandrovich, PhD student, pashokmitasov@mail.ru Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration.

Nalivayko Ksenia Valeryevna, applicant, kseniya-nalivaiko@mail.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration.

Alekseyenok Anna Alekseevna, scientific supervisor, doctor of sociological sciences, professor, alekseenok-aa@yandex.ru, Russia, Orel, Russian Academy of National Economy and Public Administration

УДК 316.334.3

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-119-127

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНОВ В ОБЛАСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА: СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Д.В. Иванов

Рассматриваются различные аспекты функционирования профессиональных спортивных клубов, прослеживается история их становления в России. Автор разграничивает понятия «профессиональный спорт» и «профессиональный спортивный клуб», анализирует источники финансирования спортивных клубов. Особое внимание уделено развитию профессионального спорта в субъектах федерации как социально значимого для регионов проекта. Также намечены пути оптимизации профессиональных спортивных клубов и даны рекомендации по их реализации.

Ключевые слова: профессиональный спорт, профессиональный спортивный клуб, региональная политика, государственно-частное партнерство.

В современном мире профессиональный спорт – это самостоятельный и весьма значимый сектор экономики, объем его оценивается миллиардами долларов США. Капитализация отдельных клубов исчисляется сотнями миллионов долларов США и до пандемии COVID-19 эта сфера бизнеса динамично росла. Однако в России профессиональные спортивные клубы и спорт в целом так и не стали самостоятельным бизнесом в классическом понимании этого слова. Несмотря на проявляющуюся в последнее время позитивную динамику, спорт в России скорее является социальным

обязательством и политическим проектом. В последнее время актуализировался вопрос об источниках финансирования профессионального спорта, соразмерности трат на него и его социальной значимости, существует общественный и государственный запрос на эффективное расходование средств, при этом также можно отметить тенденцию активного участия политиков и первых лиц регионов в жизни профессиональных спортивных команд.

Сфера исследований в области профессионального спорта достаточно обширна. Среди рассматриваемых вопросов следует выделить экономическо-организационные аспекты функционирования профессиональных спортивных клубов, правовые вопросы [1], историю становления данной сферы в России [2] и некоторые иные вопросы [3]. В то же время данная проблема не столь часто рассматривалась с точки зрения социально-политических аспектов, тем более в контексте взаимоотношений представителей спорта и региональных органов исполнительной власти. В связи с этим представляется важным описать взаимодействие профессиональных спортивных клубов и региональных органов властей, определить в чем заинтересованность государственных органов поддерживать спортивные команды, проследить историю становления российского профессионального спорта и его отличие от иностранных моделей функционирования, понять, как сложилась существующая система взаимоотношений с государством.

Изначально стоит дать определения понятиям «профессиональный спорт» и «профессиональный спортивный клуб», они закреплены в ФЗ №329 от 04.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [4]. Так, профессиональный спорт – часть спорта, направленная на организацию и проведение профессиональных спортивных соревнований, участие в которых направлено на получение дохода. В командных игровых видах спорта одним из условий допуска спортсмена является наличие у него трудовых отношений с соответствующим профессиональным спортивным клубом. В иных видах спорта профессиональными спортивными соревнованиями являются спортивные соревнования, участие в которых направлено на получение дохода и которые определены в качестве таковых их организаторами в соответствии с положениями (регламентами) спортивных соревнований. Профессиональный спортивный клуб – юридическое лицо, которое является участником профессионального спортивного соревнования или которое заявило в установленном организатором профессионального спортивного соревнования порядке об участии в таком соревновании. Соответственно профессиональный спортивный клуб будет являться базовой единицей профессионального спорта.

При этом данные организации не походят на ведущие европейские и североамериканские клубы. Во многом из-за того, что индустрия профессионального спорта в России только формируется, большинство клубов не принадлежат частным лицам, а находятся в тесной связи с государственными компаниями или финансируются из бюджетных средств. Такое

положение дел в России исторически обусловлено, и для понимания происходящего необходимо рассмотреть историю становления клубов, проследить их взаимосвязи с различными государственными органами.

Выделим три основных модели появления спортивных клубов.

1. Традиционная. В середине – второй половине XIX века, во многих европейских странах стали возникать сообщества для совместного занятия спортом, нередко при каких-либо социальных институтах (церквях, университетах и др.), постепенно эти команды преобразовались в клубы, организационно усложнились и органически росли по мере развития индустрии профессионального спорта. В ходе роста трансформировались в коммерческие предприятия, однако сохранили социальный уклон.

2. Государственная. Данная модель присуща странам, которые имели опыт сильной командно-административной экономики, где спортивные объединения учреждались государственными органами и создавались при ведомствах и предприятиях, которые их курировали и спонсировали. Во многом это создавалось для развития спорта высших достижений, представления государства на международной арене, нередко номинально клуб зачастую оставался любительским. При этом активно поддерживается массовый спорт в различных частях страны, который позволяет рекрутировать наиболее талантливых спортсменов в профессиональные клубы, затем в более сильные и выводить на уровень национальных сборных. Такая модель зародилась в первой половине XX века и практикуется и по сей день.

3. Коммерческая. Клубы создаются как бизнес-проекты для извлечения прибыли. Наиболее показательный пример – это американские профессиональные спортивные лиги (NFL, NBA, NHL и др.), где новые организации создаются с учетом потенциала рынка и последующего роста доходов, как самого клуба, так и всей лиги.

Отчасти Россия сумела совместить все три модели, но все же с явным доминированием государственной, которая до сих пор оказывает существенное влияние. К традиционной модели можно отнести немногочисленные примеры спортивных обществ, организованных до революции 1917 г., либо отдельные примеры клубов, созданных в последние десятилетия, перешедших из любительского спорта и выступающих на низших этапах спортивной пирамиды.

Основной импульс в развитие спорта и спортивных клубов в нашей стране был дан при советской власти и большинство клубов и школ организовались в то время. Данная модель оказывает серьезное влияние по сей день и стала базовой во многом потому, что сохраняется привычка полагаться на государство, а также потому, что на функционирование команд требуются значительные финансовые средства, которые проще найти у крупного бизнеса, который часто является государственным или тесно связанным с государством. При этом отметим, что значительное бюджетное финансирование профессионального спорта препятствует формированию самоокупаемости клубов.

Коммерческая модель финансирования спорта в чистом виде не реализована, но отдельные элементы и изменения в этом направлении присутствуют. Во-первых, постепенно появляются частные клубы, в небольшом количестве, достаточно часто убыточные, но при этом стремящиеся существовать в рыночных условиях, и, возможно, в очень далеком будущем у них есть перспективы выйти на минимальную прибыль. На данный момент такие структуры выполняют в большей степени социальную функцию и по характеру происхождения могут отличаться: в первом случае традиционно существующий клуб постепенно «уходит» к частному лицу, обычно к представителю крупного бизнеса (например, хоккейные клубы «Северсталь» и «Металлург» (Магнитогорск)), во втором клуб изначально оформился как частный, основанный по инициативе владельцев (например, футбольные клубы «Краснодар», «Акрон», «Велес» и др.). Во-вторых, федерации и спортивные лиги стремятся осваивать новые рынки и совместно с местными или федеральными властями инициируют создание новых команд и включение их в высший дивизион. Таким образом происходило становление хоккея на Дальнем Востоке и создание в 2013 году ХК «Адмирал» (Владивосток) или использование олимпийского наследия в Сочи и организацию одноименного хоккейного клуба.

Недостаточное развитие коммерческой составляющей можно объяснить историческими предпосылками: российские профессиональные спортивные клубы ещё с советских времен полагались на своих кураторов во властных структурах, но это верно лишь отчасти. Во многих посткоммунистических странах Восточной Европы уже отошли от такой практики, и клубы стали значительно более самостоятельны и независимы.

К числу факторов сохранения тесной связи представителей спортивных клубов и властных структур является то, что российские спортивные клубы живут не по средствам: низкая покупательная способность россиян, невысокий интерес к профессиональному спорту в целом, низкая заинтересованность местного бизнеса не дают возможности сформировать полноценную и постоянную доходную часть бюджета, и спонсорская поддержка крупных федеральных компаний или непосредственно поддержка из бюджетов разного уровня может решить обозначенную проблему.

В свою очередь региональные органы власти также заинтересованы в сохранении этой связи. Поддержка профессионального спорта обусловлена его вкладом в региональное развитие. Так, содействие местному профессиональному спорту в рамках реализации государственной политики в области физкультуры и спорта на региональном уровне способствует включению представителей субъекта РФ в состав национальных сборных на Чемпионатах мира, Олимпийских играх и прочих международных соревнованиях, в контексте данного аспекта важнее поддержка для спортсменов циклических и индивидуальных видов спорта, а не командных. Наличие успешных профессиональных спортивных команд также обеспечивает культивирование и поддержание развития массового спорта на региональ-

ном уровне, повышает интерес к занятию спортом, а сами клубы становятся центром развития определенных видов спорта в регионе, постепенно образовывая детско-юношеские школы, академии и т.д.

Кроме того, профессиональный коммерческий спорт также нередко рассматривают как социальный проект и воспринимают профессиональный спорт как сферу развлечений, возможность человека отвлечься от трудностей и неудовлетворенности жизни, найти в этом интерес и определенное хобби. В целом такое понимание профессионального спорта близко к общемировому пониманию этой индустрии, так данная сфера уже давно составляет не только спортивные состязания и результаты, а постепенно становится (а в некоторых сферах уже стала) частью шоу-бизнеса. Региональные власти готовы покрывать расходы и создавать благоприятные условия для того, чтобы эта «развлекательная корпорация» выступала на территории субъекта федерации, даря разнообразный спектр эмоций населению.

Профессиональный спортивный клуб выступает и как элемент идентификации региона. Ориентация на эту функцию характерна для национальных республик, где в названии, логотипе, экипировке может присутствовать национальная специфика и элементы орнамента. При этом и в «не национальных регионах» спортивные команды зачастую отражают спецификацию региона или географические привязки. Также профессиональный коммерческий спорт становится своего рода «витриной», которая презентует успехи региона. Обычно в повседневной жизни люди нечасто сталкиваются с информацией о других регионах, его специфике, поэтому профессиональный спорт – это возможность заявить о себе. Участие регионального клуба в высшем дивизионе символически считается достаточно престижным. В связи с его выступлениями увеличивается упоминание в федеральных и международных СМИ о городе и регионе, что может рассматриваться как элемент в создании позитивного имиджа региона и его руководства. В целом, серьезный профессиональный клуб – признак относительно «здорового» города/региона, повышающий инвестиционную, туристическую и трудовую привлекательность региона, а развитый профессиональный спорт выступает как показатель развитости городской агломерации и региона.

Значительное влияние на развитие профессионального спорта оказывает личный интерес руководителя к определенному виду спорту и/или амбиции его развития на территории региона. С одной стороны, персональное внимание со стороны первых лиц региона благотворно сказывается на профессиональном спорте в определённом моменте, с другой – рискованно с точки зрения долгосрочной устойчивости спортивных клубов. В связи с тем, что финансирование может быть завязано на одно конкретное лицо, в случае кадровой ротации клуб может оказаться в затруднительном положении. Реализуя таким образом политические амбиции руководства, в советские времена главы союзных республик проявляли аппаратный вес

(более успешные команды из УССР, ГССР и менее из Средней Азии или, допустим, малое число команд из региональных центров РСФСР), в настоящее время это скорее проявление лоббистских способностей глав регионов на федеральном уровне.

Кроме того, значительные бюджеты профессиональных спортивных клубов, а также слабая подконтрольность эффективности расходования средств, дает возможность появления коррупционной составляющей в деятельности клубов. Например, с регулярной частотой в России региональные футбольные клубы, как правило, финансируемые и поддерживаемые из регионального бюджета, накапливая значительные долги, банкротятся, спустя некоторое время в этом же городе появляется новый клуб (ФК «Нижний Новгород», ФК «Новосибирск»). Иногда все заканчивается не только ликвидацией клуба, но и уголовным преследованием против руководителей (ФК «Тамбов»).

Таким образом, мы видим тесную связь политических акторов в регионах РФ и спорта. Заинтересованность региональных органов власти в развитии профессионального спорта является частью реализации государственной политики в области физической культуры и спорта. Согласно, ФЗ №329 от 04.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» к основным полномочиям субъектов РФ в данной сфере относятся [4]:

- определение основных задач и направлений развития физической культуры и спорта в регионе, в частности, принятия и реализация региональных и межмуниципальных программ развития физической культуры и спорта;
- утверждение программ развития видов спорта в субъектах Российской Федерации и участие в их реализации;
- организация и проведение региональных официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий и межмуниципальных официальных физкультурных мероприятий и спортивных мероприятий;
- утверждение порядка формирования и обеспечение спортивных сборных команд субъектов РФ;
- развитие детско-юношеского спорта в целях создания условий для подготовки спортивных сборных команд субъектов Российской Федерации и спортивного резерва для спортивных сборных команд субъектов Российской Федерации;
- содействие развитию массового спорта, спорта высших достижений;
- содействие развитию профессионального спорта путем предоставления государственной поддержки физкультурно-спортивным организациям, основным видом деятельности которых является развитие профессионального спорта.

В свете этих положений особое внимание обращает на себя пункт о «содействии в развитии спорта высших достижений», в рамках которого это «содействие» можно трактовать достаточно широко. Например, с точки зрения поддержки профессиональных спортивных клубов со стороны органов исполнительной власти региона можно выделить три подхода:

- отсутствие поддержки или минимальная поддержка, ввиду слабостью развитости профессионального спорта или незаинтересованности, отсутствие возможностей и т.д.;
- прямое бюджетное финансирование, то есть расходы на клуб напрямую закладываются в региональный бюджет;
- создание условий для полноценного функционирования профессиональных спортивных команд (региональные власти развивают массовый и детский спорт, спортивную инфраструктуру, а для финансирования спортивных клубов помогают с поиском частных средств и привлечением государственных компаний).

Как видим, пул полномочий достаточно обширен, но ввиду ограниченности ресурсов многим регионам приходится выбирать какое из направлений для них более приоритетно. Обычно стремятся в первую очередь бюджетные средства направить на обеспечение детско-юношеского спорта и развитие массового. При этом сохраняется ряд проблем в российском профессиональном спорте, среди них основной выступает сокращение общего числа клубов (особенно представляющих недостаточно обеспеченные регионы) из-за отсутствия возможностей соответствовать высокому уровню соревнований. С одной стороны, данный курс повышает уровень соревнований, так как остаются только клубы, обладающие определенным уровнем финансов (хотя данный тезис может оспариваться, ведь в сравнении с иностранными лигами большинство российских спортивных лиг последние годы стагнирует либо плавно регрессирует). С другой – нарушается спортивный принцип, подменяемый финансово-денежными возможностями, а не результатами, а также сокращается охват территорий, участвующих в развитии спорта путем поддержки профессионального спорта (во многих регионах ведущий клуб является флагманом всего спорта региона).

В научном и профессиональном сообществе предлагаются различные меры по повышению финансовой устойчивости спортивных клубов [7]. В качестве основных предложений обычно приводят рекомендации к более прозрачной системе финансирования клубов, стимулирование финансовой независимости, отмена лимитных ограничений и прочие меры, направленные на повышение конкурентной борьбы и оздоровления экономики профессионального спорта в России.

Принимая во внимание, что в целом развитие профессионального спорта в России на текущем этапе и его взаимоотношения с региональными органами власти хорошо вписывается в концепцию межсекторного партнерства, развиваемую многими отечественными исследователями [5],

то и в качестве путей оптимизации социальной политики в данной области предлагается в обеспечении конструктивного взаимодействия организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, выгодном населению территории и каждой из сторон, обеспечивающем синергетический эффект от сложения разных ресурсов [6].

В заключение необходимо отметить, что для нашей страны развитие спорта в целом, а профессиональных клубов в частности, является и, вероятно, в будущем останется важным направлением. Деятельность профессиональных спортивных клубов привлекает серьезное общественное и политическое внимание; исторически сложившиеся особенности функционирования данных организаций зачастую сохраняют зависимость от государственных органов и политиков, что, вкуче с экономическими факторами, не дает полноценно перейти российскому профессиональному спорту к рыночной модели. Высвободившиеся большие объемы бюджетных средств, которые тратятся на данную отрасль, целесообразнее было бы использовать в развитии массового спорта или других сферах. Для финансирования профессионально-коммерческого спорта и спорта высоких достижений целесообразно было бы привлекать спонсорское участие и стимулировать более эффективное управление. Опыт многих восточноевропейских спортивных клубов показывает, что это вполне реально: постепенный отход от государственной модели финансирования и переход к более рыночной с крупными частными инвесторами. Однако, данный процесс будет в первую очередь зависеть от соотношения частного и государственного сектора в целом в российской экономике.

Список литературы

1. Рябышкин С.В., Семенихин А.Л. Правовая деятельность спортивных клубов // В сборнике: Менеджмент XXI века. Драйверы социально-экономического развития. Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: В. Г. Зарубин; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт экономики и управления. 2016. С. 287–290.
2. Починкин А.В. Становление и развитие профессионального коммерческого спорта в России. М.: Изд-во «Советский спорт». 2006. 215 с.
3. Бабанов И.В., Гришина Е.А. Современный спорт - проблемы и противоречия // Социологические исследования. 2018. № 6 (410). С. 116–124.
4. Федеральный закон № 329 от 04.12.2007 «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73038/ (дата обращения: 06.06.2022).

5. Якимец В.Н., Никовская Л.И. Механизмы и принципы межсекторного социального партнерства как основа развития общественно-государственного управления // Власть. 2018. С. 15–25.

6. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство (государство — бизнес — некоммерческие организации). М.: ГУУ, 2002. 80 с.

7. Солнцев И.В. Повышение финансовой устойчивости российских футбольных клубов // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 24. № 1. С. 117–145.

8. Ваторопин А.С., Аристов Л.С. Массовый и «большой» спорт: модели взаимодействия и развития // Дискуссия. 2015. № 10 (62). С. 95–102.

9. Перькова Е.Ю. Оценка развития массового спорта в регионах ЦФО // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 3 (20). С. 365–368.

10. Степыко Д.Г., Грачева Д.В., Александров Д.С., Фарзалиев Д.А., Голова А.А. Диверсификация финансирования профессионального спорта в России (на примере футбола) // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 2 (180). С. 375–381.

Иванов Дмитрий Владимирович, аспирант, Draid74@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Лаврикова Анастасия Александровна, научный руководитель, д-р полит. наук, проф., elav@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

*SOCIAL POLICY OF THE REGIONS IN THE FIELD OF PROFESSIONAL SPORTS:
STATUS AND DEVELOPMENT TRENDS*

D.V. Ivanov

This article discusses various aspects of the functioning of sports clubs, traces the history of their formation in Russia. The author distinguishes between the concepts of "professional sports" and "professional sports club", analyzes the sources of financing of sports clubs. Particular attention is paid to the development of professional sports in the subjects of the federation as a socially significant project for the regions. The article also outlines ways to improve the health of professional sports clubs and gives recommendations for their implementation.

Key words: professional sport, professional sports club, regional policy, public-private partnership.

Ivanov Dmitry Vladimirovich, postgraduate, Draid74@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Lavrikova Anastasiya Alexandrovna, scientific supervisor, doctor of political sciences, professor, elav@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

**ОБРАЗ РОССИИ
В ХОРВАТСКИХ, ЧЕРНОГОРСКИХ И СЕРБСКИХ СМИ
В ПЕРИОД С 24 ФЕВРАЛЯ ПО 24 АВГУСТА 2022 ГОДА**

М. Шундич

Анализируется образ России в ведущих СМИ Сербии, Черногории и Хорватии по отношению в контексте первых 6 месяцев с момента начала специальной военной операции России на Украине. Использование метода когнитивного картирования позволило получить удельный вес негативных и нейтральных мнений относительно действий России, отследить динамику, а также выявить ключевые медийные контексты. В работе дополнительно исследуются причины подобной реакции балканских СМИ, а также проводятся параллели российско-украинских и сербо-черногорских отношений.

Ключевые слова: специальная военная операция на Украине, Россия, Украина, Балканы, медиа, когнитивное картирование, Сербия, Черногория, Хорватия, СМИ.

Введение

Решение о проведении специальной военной операции на Украине (далее – СВО) стало поворотным в новейшей истории взаимоотношений России и стран Запада. Данное событие является очередным этапом российско-украинского конфликта, точкой отсчета которого можно считать события второго «евромайдана» 2013-2014 гг., результатом которого стала «крымская весна», хотя в действительности контуры конфронтации были обозначены еще в период событий первого «евромайдана» 2003 г.

Наиболее примечательной особенностью реакции общественности за пределами России в первые недели после начала СВО стало формирование консолидированной позиции коллективного Запада в отношении действий России, выражающееся в решительном осуждении, поддержке территориальной целостности Украины, усилении санкционного давления, использовании политики экономической, культурной и научной изоляции России, а также эпизодическими проявлениями русофобии по отношению к лицам российского происхождения.

Однако с начала лета 2022 г. всплеск первоначальной истерии натолкнулся на очевидные экономические проблемы европейских стран, вызванные взрывным ростом цен на энергоносители, и прежде всего – природный газ, основным поставщиком которого для европейских потребителей являлась именно Российская Федерация. Ценовой шок вкупе со снижением поставок трубопроводного газа резко ухудшил экономическое положение не только европейских (в особенности немецких) компаний, но и домохозяйств.

Исторически подобные события всегда приводят к переключению внимания с внешней на внутриевропейскую повестку, а в особо острых случаях становятся причиной политических кризисов, что мы успели видеть на примере Великобритании и Италии.

Таким образом, первое полугодие после начала СВО показало, что основная масса жителей Европы готова посвящать все свободное время обсуждению и осуждению российской «агрессии» в отношении Украины ровно до тех пор, пока внутренняя повестка не начинает превалировать, а последствия конфронтации Запада и России не касаются лично самих европейцев. Как только происходит последнее, голоса наиболее радикальных представителей западного истеблишмента, требующие многократного усиления давления на Россию и скорейшего принятия новых санкционных пакетов разбиваются о более трезвые голоса, требующие решения текущих проблем энергетической и производственной безопасности. В этих условиях принятие согласованной позиции становится все более и более сложным процессом.

При этом важно понимать, что российско-украинский конфликт не является первым со времен Второй мировой войны вооруженным противостоянием на территории Европы. События 1999 г., когда силы НАТО осуществили бомбардировку Югославии по сути стали «водоразделом между позитивной и негативной тенденциями в развитии международных отношений после завершения «холодной войны» [1] и подорвали авторитет ООН как органа, отвечающего за организацию мира.

В этой ситуации крайне важным является анализ отношения к сложившейся ситуации со стороны балканских стран. Балканы, названные в начале XX в. «пороховой бочкой Европы» до сих пор остаются зоной, где встречаются интересы России, стран Запада и Турции. Небольшие по территории, но пестрые в этническом и конфессиональном плане, Балканы всегда были разделены по сферам влияния.

Традиционно страны и регионы с преимущественно православным населением высказывали поддержку России. К таким образованиям относится так называемая «малая Югославия», представленная Сербией и Черногорией. Словения и Хорватия, ранее относившиеся к «большой Югославии», традиционно больше тяготели к культурной интеграции с западно- и южно-европейскими странами.

Неудивительно, что после подписания В.В. Путиным указа о признании Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики 21 февраля 2022 г. президент Сербии Александар Вучич заявил, что «это решение разрушает всю мировую архитектуру безопасности», а саму ситуацию он оценил как самую сложную и тяжелую в предстоящие 10–20 лет [2]. При этом Вучич также посетовал на то, что его желание сотрудничать с Европой вступает в противоречие с поддержкой России 85 % населения Сербии.

В этой связи можно сделать вывод о том, что происходит формирование той же самой коалиции, которая вступила в конфронтацию с НАТО в 1999 году, с той лишь разницей, что тогда на стороне Югославии выступила Россия, ограничившись лишь демонстративным разворотом самолета тогдашнего премьер-министра России Евгения Примакова над Атлантикой.

Сегодняшняя Сербия не сумела продемонстрировать и такой поддержки, на официальном уровне присоединившись на первоначальном этапе к осуждению действий России. Объясняется это тем, что не будучи членом НАТО, Сербия почти со всех сторон окружена странами-членами Североатлантического альянса и давно находится с ними в тесном сотрудничестве.

Позиция Сербии по данному вопросу осложнена и вопросом Косово. С одной стороны, сербские власти должны применять аргументацию об уважении территориальной целостности и суверенитета каждого государства и оказать поддержку Украине, с другой стороны отдавать дань уважения поддержке российских властей, оказавшихся на одной стороне с Сербией в отношении признания Косова как независимого государства.

Основные предпосылки и результаты исследования

Основной вопрос исследования состоял в выявлении образа России в первое полугодие после начала СВО со стороны медиа Сербии, Черногории и Хорватии, а также выявление изменения ключевых дискурсов, отражающих позицию наиболее влиятельных СМИ в вышеперечисленных странах по поводу действий России.

Основным методом сбора информации выступило когнитивное картирование сербских, черногорских и хорватских медиа, отобранных по критериям обсуждения предмета исследования и значимости влияния СМИ. Когнитивное картирование давно используется для исследования социальных откликов на значимые политические и общественные события. Среди таких работ можем отметить статьи Ю.А. Вина и Д.Е. Кондратьева [3], О.В. Жилиевой [4], Е.В. Бродовской и А.Ю. Домбровской [5, 6]. Всего в выборку попало 30 медиа из Сербии, Черногории и Хорватии.

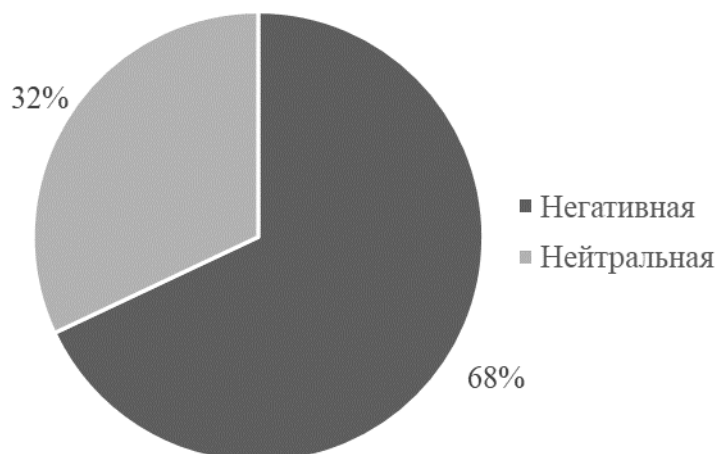
Базовая гипотеза исследования состоит в предположении о том, что сербские медиа будут сдержанно относиться к специальной военной операции ВС России на территории Украины, в то время как медиа Черногории и Хорватии, наоборот, будут осуждать её.

Ещё одна гипотеза заключается в том, что в течение первых 6 месяцев момента начала СВО количество негативных материалов в балканских СМИ снизится, а место эмоциональной стереотипизации будет все чаще занимать рациональная стереотипизация.

Исследование контента СМИ основывалось на следующих параметрах:

- местоположение источника: Сербия, Черногория или Хорватия;
- происхождение источника относительно его местоположения: внутренний (принадлежащий бенефициарам на территории той страны, в которой осуществляется деятельность) или внешний (принадлежащий бенефициарам из других стран);
- позиция по отношению к событиям;
- прием ценностного воздействия;
- прием формирования дискурса.

В процессе исследования было выявлено, что в первые три месяца после начала СВО в отобранных балканских СМИ отсутствовало одобрение российских действий на Украине. В тех же случаях, где речь не шла о негативном отношении к СВО, транслировалась скорее нейтральная позиция.

Рис. 1. Долевое распределение позиции отобранных балканских СМИ по отношению к СВО в первые три месяца после начала

На рисунке 1 показано, что больше двух третей источников негативно относятся к проведению Россией специальной военной операции на территории Украины. При этом как нейтральная, так и осуждающая позиции отмечены во всех исследованных государствах.

Примечательно, что в изученных медиа-источниках преобладал рациональный прием ценностного воздействия (56 %), в то время как аффективный и смешанный приемы использовались в 24 % и 20 % соответственно. Это свидетельствует о том, что даже в первые месяцы после начала СВО, несмотря на очевидную обеспокоенность по поводу конфликта в соседних странах, обе стороны стараются прибегать к трезвой оценке причин, обстоятельств и возможных последствий российско-украинского конфликта.

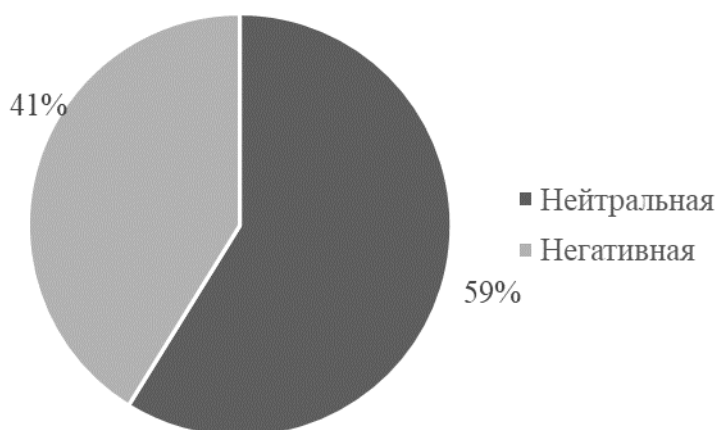
Исследование позволило выделить ключевые контексты медийных потоков балканских СМИ в первый триместр после начала СВО:

- осуждение действий России на Украине;
- обеспокоенность по поводу ситуации на Балканах;
- критика действующего руководства Сербии;
- акцент на анализе сложившейся ситуации;
- транслирование позиции третьей стороны.

Рис. 2. Частота проявления медийных контекстов в балканских СМИ по вопросу действий России в отношении Украины в первый триместр

На рисунке 2 показано, что частота осуждения действий России на Украине совпадает с долей негативных позиций в отобранных СМИ. Второе место занимает транслирование позиции третьей стороны: как негативной, так и позитивной. При этом в случае с транслированием позитивной позиции медиа источники не выражают напрямую свою солидарность, следуя логике, что любой вооруженный конфликт отрицательно сказывается на мировом сообществе в целом.

Рис. 3. Долевое распределение позиции отобранных балканских СМИ по отношению к СВО во вторые три месяца после начала

Ситуация трансформировалась во второй половине первых 6 месяцев с начала СВО. В балканских СМИ по-прежнему отсутствует открытое одобрение действий России на Украине, однако, количество негативных оценок существенно снизилось.

На рисунке 3 показано, что больше половины (59 %) источников стали выражать нейтральную позицию по отношению к России. Нейтральная и негативная позиции, как и ранее, встречаются во всех странах. При этом почти в полтора раза выросло применение рационального приёма ценностного воздействия (76 %), в то время как аффективный и смешанный используются в совокупности менее чем в четверти случаев.

Рис. 4. Частота проявления медийных контекстов в балканских СМИ по вопросу действий России в отношении Украины во второй триместр

При этом контексты также претерпели изменения: произошло смещение в сторону анализа сложившихся обстоятельств и попыток взвешенно разобраться в сложившейся ситуации (подобный контекст встречается в 59 % материалов (см. рис. 4). Открыто осуждать действия России при этом стали в два раза реже (35 %), в то время как обеспокоенность по поводу ситуации на Балканах лишь усилилась, хотя и не так значительно, как могла ввиду обострения ситуации в Косово.

Рассмотрим подробнее, каким образом каждая из указанных тематик и позиций транслируется в медиа Сербии, Черногории и Хорватии.

Анализ контекста в балканских СМИ

Материалы нейтрального характера, как правило, либо ограничиваются сухим перечислением фактов и событий без дополнительной субъективной аналитики [7, 8], либо транслируют позицию России и её стран-союзников по отношению к конфликту [9, 10]. Например, приводятся сло-

ва президента Сирийской Республики Башара Асада о том, что *«Россия защищает не только себя, но и весь мир, принципы справедливости и гуманизма»* [9].

Диаметрально противоположную стратегию выбирают СМИ, негативно высказывающиеся о действиях России на Украине. Они, в свою очередь, транслируют исключительно позицию украинского руководства и западных политиков, пренебрегая официальной позицией России [11, 12].

Позиция балканских СМИ, нейтрально относящихся к событиям на Украине, по существу отражают позицию президента Сербии Александра Вучича по отношению к этому вооруженному конфликту, который заявил, что *«Сербия присоединится ко всем решениям Генассамблеи ООН о нарушении территориальной целостности Украины в конфликте с Россией, но отвергнет все те, которые касаются санкций против России»* [13].

Аналогичной позиции, по мнению балканских СМИ, придерживается Сербская Православная Церковь как в Сербии, так и в Черногории, которая *«восхваляет Путина и российское вторжение в Украину»* под предлогом *«защиты Православия от атаки западного врага, то есть Европейского Союза и США»* [14].

В ряде статей, носивших сдержанную позицию относительно проведения Россией специальной военной операции на территории Украины, отмечалась критика давления западного сообщества на президента Сербии Вучича. В частности, в статьях использовались такие выражения, как: *«Сербия под давлением опустилась на колени и проголосовала “за”»; «речь идет об утрате статуса кандидата в члены в ЕС»* [15].

В статьях со сдержанной позицией также можно встретить отсылки к тому, что решение сербских властей о поддержке осуждения «российской агрессии против Украины» принимаются вынуждено и не вызваны их личными соображениями. Например, в них упоминается, что *«Сербия не хочет национализировать российские компании, но в случае ухудшения ситуации может выкупить свою долю и найти общий язык и справедливую цену»* [15].

Критика действующего президента Сербии Александра Вучича присуща сербским СМИ даже применительно к вопросу российско-украинского конфликта. Сербские журналисты критикуют Вучича за длительную попытку «усидеть на двух стульях», в результате которой *«вы теряете доверие с обеих сторон, когда вам никто не доверяет, и вы не являетесь надежным партнером»* [16].

В виду последних событий, связанных с обострением ситуации в Косово, сербские СМИ все чаще выражают обеспокоенность по поводу того, что Сербии удастся сохранить свою позицию по отношению к антиросийским санкциями, а также открыто показывают разочарование в действиях ЕС, который не сумел способствовать нормализации отношений между Сербией и Косово [17]. При этом ряд сербских экспертов отмечает, что Россия на фоне СВО не заинтересована в разрешении косовского кон-

фликта, так как он способствует оттягиванию внимания с СВО на другое событие [18].

Как правило, сам заголовок статьи уже дает понимание об отношении автора к данному событию. В статьях с негативной окраской напрямую говорится о «нападении» России на Украину: *«Нападение России на Украине меняет все в Европе»*, *«Кто такой Владимир Путин – человек, отдавший приказ о нападении на Украину»*, *«Решительное осуждение нападения России на Украину»* [12, 19, 20].

Статьи, дающие негативную окраску действий России, часто используют прием эмоциональной стереотипизации о возможном начале Третьей мировой войны, а также об «аппетитах» Российской Федерации в лице её президента в отношении Грузии, Молдавии и прибалтийских республик, а также об использовании Сербией поддержки России для дестабилизации ситуации на Западных Балканах [21].

В сербских СМИ, критикующих действия В.В. Путина на Украине практически не наблюдается рациональной оценки этих действий и их последствий для самих россиян, а делается акцент на эмоциональной стереотипизации и выражении крайней озабоченности в связи с нарушением норм международного права и территориальной целостности соседнего государства. При этом стоит отметить, что подобные СМИ с большой натяжкой могут быть названы сербскими, так как в подавляющем большинстве случаев имеют непосредственное отношение к крупным медиахолдингам стран Запада: ВВС, Deutsche Welle, Радио Свобода и т. п.

Как уже отмечалось ранее, официальная позиция Белграда смешана по своей природе: с одной стороны, Вучич не поддерживает введение санкций, но, с другой стороны, заявляет о том, что *«важно осудить нарушение территориальной целостности любого члена ООН»* [22].

В целом, исследование четко показало, что в первые три месяца после начала СВО 100 % отобранных внешних медиа негативно относились к проведению Россией специальной военной операции, в то время как внутренние источники в 50 % случаев относятся к действиям Кремля нейтрально. Ближе к концу первого полугодия после начала СВО баланс выровнялся, и теперь даже во внешних СМИ часто встречаются статьи нейтрального содержания.

При этом во второй половине первых 6 месяцев с момента начала СВО сербские СМИ, негативно относившиеся к действиям России, все чаще стали выбирать более взвешенную позицию, нацеленную на анализ обстоятельств и выбранной сербским руководством позиции по отказу от поддержки антироссийских санкций [23].

Отметим, что несмотря на достаточно тесную экономическую и политическую связь с ЕС, Сербия остается одной из немногих европейских стран, в которые можно напрямую прилететь из России, и где сохраняется возможность осуществления банковских операций для россиян, хотя це-

льный ряд банков, связанных с ЕС, прекратил открывать новые счета гражданам России [24].

Некоторые эксперты, выступающие в черногорских СМИ считают, что *«Сербия – главный игрок России на Балканах»* [20], а Запад не осознает силу влияния России на неё. Для подкрепления своей позиции в подобных статьях, как правило, ссылаются на наличие на территории Сербии людей, стремящихся *«применить «копинаст» того, что Россия сделала в Крыму, когда аннексировала часть Украины»* [20]. Раскрывая эту тему, черногорские СМИ проецируют эту ситуацию на сербско-черногорские отношения, говоря о том, *«Черногория сталкивается с гибридной войной, которую поддерживают и финансируют Сербия и Россия»* [20]. В довершении всего в таких статьях часто звучат призывы к странам Запада оказывать более активную поддержку прозападным силам Черногории.

Черногорские СМИ также одобряют прекращение деятельности Russia Today и Sputnik на территории ЕС. В частности, со ссылкой на министра государственного управления, цифрового общества и медиа Черногории Тамары Срзентич, Черногория *«не должна допустить распространения дезинформации и пропаганды..., которая пытается оправдать нападение на Украину»* [25].

Однако с начала лета 2022 г. в черногорской прессе стало появляться все больше статей нейтрального содержания, где сделаны попытки дать трезвую оценку последствиям СВО и реакции мировой общественности на нее. В подобных статьях [26, 27] транслируется не только позиция проевропейских партий, но и пророссийских и просербских партий в Черногории. Возможно, причиной смены акцента являются политические проблемы внутри самой Черногории, где в 2022 г. дважды уходило в отставку правительство (последний раз – в середине августа). Начали появляться и попытки анализа роли СВО и санкций в отношении России и её граждан в провале летнего пляжного туристического сезона в Черногории. Лейтмотив подобных статей [28] – попытка ответить на вопрос: *«нужны или не нужны Черногории русские туристы?»*.

Иначе ведут себя хорватские СМИ, также критикующие действия российских властей, но акцентирующие внимание на рациональной аргументации своей позиции, а также на желании обратить внимание на отношение к этому событию самих жителей России. В частности, в статье хорватской Jutarnji List анализируются внутривнутриполитические угрозы для В.В. Путина в связи с проведением специальной военной операции, на что указывают такие фразы, как: *«элиты представляют наибольшую угрозу для авторитарных лидеров»*; *«общественный гнев по поводу войны может также усилить представление элиты, о том, что Путин больше не является эффективным защитником их интересов»*; *«война ляжет тяжёлым бременем на российскую экономику, и это самый большой удар по публичному имиджу Путина»* [29].

Также хорватские медиа стараются анализировать течение военных действий на Украине, проводя параллели с Югославской национальной армией (ЮНА) в 1991 г. [30] или доказать, что *«Украина не провоцировала вторжение России»* (как следует из названия) [31]. При этом в хорватских медиа выражается больше обеспокоенности относительно надвигающейся возможности энергетического кризиса в Европе и транслируется аффективная позиция депутата Европарламента Предрага Фреда Матича: *«в холодной квартире при 10 градусах легче терпеть, чем в окопе»* [32]. Гораздо более рациональную позицию относительно потенциальных проблем с поставками природного газа занимает экс-министр обороны Хорватии Анте Котроманович, который предупреждает Европу о том, что *«экономика все равно испытает большие проблемы»* [33].

Не обходят стороной хорватские медиа и тему возможности распространения российско-украинского конфликта на Балканы, по поводу чего П.Ф. Матич высказал опасения, что конфликт может разгореться с целью *«отвлечь внимание от украинской войны»* [32]. Тема разжигания Россией конфликта на Балканах, в частности в Боснии и Герцеговине, продолжает волновать прозападные СМИ, обвиняющие Россию в расшатывании ситуации в глубоко разделенной федеративной республике (посредством влияния в Республике Сербской) [33, 34]. Не ушел Матич и от критики действующего президента Сербии Александра Вучича, прокомментировав его нежелание вводить санкции против Кремля: *«Нас учили, что на двух стульях не усидишь. Вучич примеряет три стула. Он флиртует с русскими, китайцами и Европейским союзом»* [32]. Критика действий сербского руководства сохраняется и на сегодняшний день, а действия Вучича именуется не иначе как «лицемерием». При этом делается оговорка, что с таким же успехом в лицемерии можно обвинить и главу Еврокомиссии Урсулу фон дер Ляйен, президента Украины В. Зеленского и Президента России В. Путина [35].

Хорватские СМИ до сих пор преимущественно негативно оценивают действия России на Украине. В частности, Slobodna Dalmacija недавнее убийство дочери российского философа Александра Дугина Дарьи Дугиной *«инсценировкой российских спецслужб»* [36]. В другом хорватском СМИ был представлен анализ фейковых новостей в балканских СМИ, где был сделан вывод о том, что *«речь идет в основном о пророссийских нарративах, цель которых представить Украину как «нацистскую» страну, а Россию как страну, которая реально приходит на помощь гражданам Украины»*. При этом *«наиболее распространенным источником дезинформации являются СМИ Сербии»* [37].

Справедливости ради стоит заметить, что встречаются хорватские медиа, нейтрально относящиеся к специальной военной операции России на Украине [38]. В них детально анализируются мотивы Владимира Путина, подтолкнувшие его к началу военных действий. Не углубляясь в детали анализа, отметим обеспокоенность по поводу новой политической архи-

тектуры Европы, и делается неутешительный вывод, что *«при нынешнем положении вещей мы могли бы оплакивать Берлинскую стену»* [39]. При этом в последние месяцы ряд высших политических деятелей в Хорватии, включая президента, активно выражают сомнение в том, что санкции против России вредят ей меньше, чем самой Хорватии [40].

Заключение

Исследование подтвердило гипотезу о том, что внутренние сербские медиа испытывают меньше негатива по отношению к специальной военной операции в России. При этом среди внутренних черногорских и хорватских медиа также встречаются те, кто сдержанно относится к российско-украинскому конфликту. Также нашла подтверждение гипотеза о том, что образ России в СМИ Сербии, Черногории и Хорватии стал восприниматься менее негативно в конце первого полугодия после начала СВО, нежели в самом начале.

Позиция балканских стран очень понятна. С одной стороны, они достаточно глубоко интегрированы в экономику ЕС: Хорватия с 2013 г. является членом ЕС, Черногория использует в качестве валюты евро (без права эмиссии) и является кандидатом на вступление в ЕС, Сербия в последние годы также усиливает европейскую интеграцию, при этом сохраняя тесные отношения с Россией. С другой стороны, население в ряде балканских стран, в особенности в Сербии и Черногории, до сих пор сохраняет положительное отношение к русской культуре и России как сильному региональному игроку и важной части славянской культуры.

Наконец, нельзя забывать про многочисленные территориальные споры, начавшиеся с момента распада Социалистической республики Югославия и во многом не разрешившиеся до сих пор. Очевидно, что балканский конфликт конца 1990-х гг., вылившийся в трагедию для всех народов, проживающих на территории Югославии не был разрешен, а был лишь «законсервирован». В связи с этим опасения черногорцев и сербов относительно влияния российско-украинского конфликта на ситуацию на Балканах понятны и объяснимы.

Во взаимоотношениях между Сербией и Черногорией можно провести очень много параллелей со взаимоотношениями России и Украины. Очевидно, что для сербских властей черногорский вопрос до сих пор стоит очень остро. Многие сербские политики и большая часть населения считает, что склонение Черногории к независимости было организовано Западом с целью геополитического ослабления Сербии и, в частности, лишения её выхода к морю. Западные страны усердно пытаются на примере Черногории показать пример успешной трансформации бывшей социалистической республики в современное европейское государство с высоким уровнем жизни и социальной защиты. Целью такой политики коллективного

Запада является склонение Сербии на сторону ЕС и, как следствие, дальнейшее ослабление России в геополитическом отношении.

Подобной тактики Запад придерживался и по отношению к Украине. Не будем забывать, что еще в 1994 г. идеолог американской геополитики на восточноевропейском фронте Збигнев Бжезинский в своей статье «Преждевременное партнёрство» заявил: «...без Украины Россия перестает быть империей, с Украиной же, подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически становится империей» [41]. Неудивительно, что осуществляя под боком Сербии и России свои «проекты» страны Запада порождали реваншистские настроения по отношению к Черногории и Украине не только у политических элит, но и среди простого населения Сербии и России.

Еще одним важным лейтмотивом целого ряда медийных потоков является критика действующего руководства Сербии. Ни сторонники России, ни сторонники ЕС не одобряют попыток президента Вучича «усидеть на двух стульях». С точки зрения сторонников сближения с Россией, подобная политика чревата «растворением» Сербии в западном мире. Сторонники евроинтеграции, наоборот, грозят тем, что к текущей сербской власти будут относиться как к авторитарному режиму, соперничающему с Москвой.

Данная тема, безусловно, очень интересна с точки зрения проведения дальнейших исследований. Наиболее интересным представляется проследить, каким образом будет меняться общественное мнение и позиция ведущих балканских медиа относительно действий России на Украине: как с точки зрения потенциальной эскалации напряженности в регионе, так и с точки зрения нарастания угроз энергетической безопасности балканских стран.

Список литературы

1. Сквозников А.Н. Военная агрессия НАТО против Югославии в 1999 году // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2019. т. 1. №3. С. 76–81.
2. Решение Путина полностью меняет мировой порядок – Вучич // EurAsia Daily. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/02/21/reshenie-putina-polnostyu-menyaet-mirovoy-poryadok-vuchich> (дата обращения: 24.08.2022).
3. Вин Ю.А., Кондратьев Д.Е. Инновационные принципы анализа лексики византийского права и актов: когнитивное картирование // Информационные бюллетень ассоциации История и компьютер. 2012. №39. С. 25–56.

4. Жилиева О.В. Когнитивное картирование официальных пресс-конференций и выступлений премьер-министра Испании Марианоракса / Научный диалог: вопросы философии, социологии, истории, политологии. Сборник научных трудов по материалам VIII международной научной конференции. Международная Научно-Исследовательская Федерация «Общественная наука». 2017. С. 22–23.

5. Бродовская Е.В. Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Карзубов Д.Н. Украинские социально-медийные потоки о Крыме: результат когнитивного картирования украинских блогов и каналов новых медиа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4. С. 51–61.

6. Домбровская А.Ю. Цифровые потоки российской радикальной оппозиции: дискурсы, динамика, социальная база (2021 год) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 4. С. 79–93.

7. Počeo napad Rusije na Ukrajinu! Čuju se eksplozije širom zemlje, Putin se obratio naciji, Bajden odgovorio // Telegraf. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegraf.rs/amp/vesti/svet/3462507-poceo-napad-rusije-na-ukrajinu-cuju-se-eksplozije-sirom-zemlje-putin-se-obratio-naciji-bajden-odgovorio> (дата обращения: 24.08.2022).

8. Istorijski potez EU nakon dramatičnog poziva Zelenskog // Vijesti Online. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vijesti.me/> (дата обращения: 24.08.2022).

9. Bašar el Asad: Rusija ne brani samo sebe, već ceo svet I čovečanstvo // Princip Info. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://princip.info/> (дата обращения: 24.08.2022).

10. Rusija: Vojna infrastruktura ukrajinskih avio baza “izbačena iz stroja” // Princip Info. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://princip.info/> (дата обращения: 24.08.2022).

11. Zelenski: Potukli smo neprijatelja bez oružja, razbili im planove u sedam dana // Vijesti Online. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vijesti.me/> (дата обращения: 24.08.2022).

12. Oštre osude ruskog napada na Ukrajinu // DW. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://amp.dw.com/sr/o%25A1tre-osude-ruskog-napada-na-ukrajinu/a-60895467> (дата обращения: 24.08.2022).

13. Vučić: Srbija će se pridružiti odlukama UN o kršenju teritorijalnog integriteta Ukrajine, ali ne i sankcijama Rusiji // Pobjeda. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pobjeda.me/clanak/vucic-srbija-ce-se-pridruziti-odlukama-un-o-krsenju-teritorijalnog-integriteta-ukrajine-ali-ne-i-sankcijama-rusiji> (дата обращения: 24.08.2022).

14. Srpska crkva prati Vučićevu neutralnost o ruskoj invaziji // Pobjeda. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pobjeda.me/clanak/srpska-crkva-prati-vucicevu-neutralnost-o-ruskoj-invaziji> (дата обращения: 24.08.2022).

15. Srbija poklekla pod pristiscima i glasala za osudu ruske intervencije u UN // Princip Info. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://princip.info/> (дата обращения: 24.08.2022).

16. Velebit V. Pozicija Srbije u ratu Rusije protiv Ukrajine // Talas. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://talas.rs/2022/02/24/pozicija-srbije-u-ratu-rusije-protiv-ukrajine/> (дата обращения: 24.08.2022).

17. Ruska analitičarka: Zbog Kosova Beogradu sve teže da odbrani poziciju o sankcijama Rusiji // Danas. BBC News na srpskom. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.danas.rs/vesti/politika/ruska-analiticarka-zbog-kosova-beogradu-sve-teze-da-odbrani-poziciju-o-sankcijama-rusiji/> (дата обращения: 24.08.2022).

18. Boško Jakšić: Rusija ne želi rešenje kosovske krize jer joj to garantuje da može da parira Zapadu // Danas. BBC News na srpskom. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.danas.rs/vesti/politika/bosko-jaksic-rusija-ne-zeli-resenje-kosovske-krize-fer-joj-to-garantuje-da-moze-da-parira-zapadu/> (дата обращения: 24.08.2022).

19. Vukićević J. Ruski napad na Ukrajinu sve mijenja u Evropi // Radio Slobodna Evropa. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/amp/crna-gora-ukrajina-rusija/31721213.html> (дата обращения: 24.08.2022).

20. Rusija: Ko je Vladimir Putin – čovek koji je naredio napad na Ukrajinu // Danas. BBC News na srpskom. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.danas.rs/bbc-news-serbian/rusija-ko-je-vladimir-putin-covek-koji-je-naredio-napad-na-ukrajinu/> (дата обращения: 24.08.2022).

21. Tanović M., Vojić F. Kako je krenuo, Putin očigledno želi cijelu Ukrajinu // Aljazeera. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://balkans.aljazeera.net/> (дата обращения: 24.08.2022).

22. Zašto je ova sezona propala u Crnoj Gori? Jesu li za sve krivi braća Rusi?! // Balkan X Portal. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://ultratrijumvijesti.info/zasto-je-ova-sezona-propala-u-crnoj-gori-jesu-li-za-sve-krivi-braca-rusi/> (дата обращения: 24.08.2022).

23. Putin je napad na Ukrajinu pretvorio u svoj osobni projekt i to sada postaje najveća opasnost po njegovu vlast // Jutarnji list. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/svijet/putin-je-napad-na-ukrajinu-pretvorio-u-svoj-osobni-projekt-i-to-sada-postaje-najveca-opasnost-po-njegovu-vlast-15163599> (дата обращения: 24.08.2022).

24. Srbija, Rusija i bankarstvo: Da li banke menjaju poslovnu politiku prema ruskim državljanima // 021. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.021.rs/story/BBC/307861/Srbija-Rusija-i-bankarstvo-Da-li-banke-menjaju-poslovnu-politiku-prema-ruskim-drzavljanima.html> (дата обращения: 24.08.2022).

25. Srzetnić podržala odluku EU da obustavi distribuciju ruskih medija Russia Today i Sputnjik // Vijesti Online. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vijesti.me/> (дата обращения: 24.08.2022).

26. Vučić: Dešavanja u Ukrajini dramatično pogađaju Srbiju // Aljazeera. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://balkans.aljazeera.net/> (дата обращения: 24.08.2022).

27. Durović A. Crna Gora i Rusija: Nas i Evropljana 500 miliona // Aljazeera. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://balkans.aljazeera.net/amp/opinions/2022/6/12/crna-gora-i-rusija-nas-i-evropljana-500-miliona> (дата обращения: 24.08.2022).

28. Durović A. Rezolucija osude ruske agresije u Skupštini Crne Gore // Radio Slobodna Evropa. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/amp/crna-gora-rusija-ukrajina-rezolucija/31962501.html> (дата обращения: 24.08.2022).

29. Redžepović G. Analitičar i bivši pilot: moćna Rusija očito je pribjela taktici koju je 1991. Koristila JNA // Telegram. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.telegram.hr/politika-kriminal/analiticar-i-bivsi-pilot-mocna-rusija-ocito-je-pribjela-taktici-koju-je-1991-koristila-jna/> (дата обращения: 24.08.2022).

30. Benačić A., Vidov P. Ukrajina nije isprovocirala rusku invaziju // Faktograf. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://faktograf.hr/2022/03/01/ukrajina-nije-isprovocirala-rusku-invaziju/> (дата обращения: 24.08.2022).

31. Fred Matic: Razmišljam o scenariju u kojem se pažnja Europe s Ukrajine skreće na BiH // Index. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.index.hr/vijesti/clanak/fred-matic-razmisljam-o-scenariju-u-kojem-se-paznja-europe-s-ukrajine-skrece-na-bih/2346036.aspx> (дата обращения: 24.08.2022).

32. Krstić J. Proveravamo: Koliko su čvrsti argumenti Srbije za neuvođenje sankcija Rusiji? // Radio Slobodna Evropa. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/amp/srbija-rusija-eu-sankcije/31960273.html> (дата обращения: 24.08.2022).

33. AFP: Rusija raspiruje podjele u BiH usred rata u Ukrajini // Aljazeera. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://balkans.aljazeera.net/news/2022/4/30/afp-rusija-raspiruje-podjele-u-bih-usred-rata-u-ukrajini> (дата обращения: 24.08.2022).

34. Sankcije nedovoljne za suzbijanje ruskog uticaja u BiH // Radio Slobodna Evropa. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/bih-sankcije-ruski-uticaj/31827339.html> (дата обращения: 24.08.2022).

35. Kovačević L. 'Postoje dvije opcije što bi se moglo dogoditi, a Hrvatska se s opskrobom mora pripremiti I za najcrnji scenarij' // Vecernji list. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://m.vecernji.hr/vijesti/postoje-dvije-opcije-sto-bi-se-moglo-dogoditi-a-hrvatska-se-s-opskrobom-mora-pripremiti-i-za-najcrnji-scenarij-1569812> (дата обращения: 24.08.2022).

36. Telesković A. Energetski rat Rusije i Evrope i Srbija u njemu: Između tri vatre // RTS. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rts.rs/page/oko/sr/story/3229/ekonomija/4822315/sesti-paket-sankcija-rusiji-i-srbija.html> (дата обращения: 24.08.2022).

37. Pilić D. Velika analiza: Rusija prekida sa Zapadom i okreće se svome Dalekom istoku i Kini, no pitanje je zašto nije samo rekla 'adio' i otišla bez krvi? // Slobodna Dalmacija. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://slobodnadalmacija.hr/vijesti/svijet/velika-analiza-rusija-prekida-sa-zapadom-i-okrece-se-svome-dalekom-istoku-i-kini-no-pitanje-je-zasto-nije-samo-rekla-adio-i-otisla-bez-krvi-1172887> (дата обращения: 24.08.2022).

38. Geopolitički stručnjak: 'Mislim da je atentat na Darju Duginu lažiran. Ne bi bio prvi put da ruske tajne službe tako nešto naprave' // Slobodna Dalmacija. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://slobodnadalmacija.hr/vijesti/politika/geopoliticki-strucnjak-mislim-da-je-atentat-na-darju-duginu-laziran-ne-bi-bio-prvi-put-da-ruske-tajne-sluzbe-tako-nesto-naprave-1218657> (дата обращения: 24.08.2022).

39. SEE Checkov regionalni Live blog: Dezinformacije o ratu u Ukrajini na jednom mjestu // Factograf. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://faktograf.hr/2022/08/24/see-checkov-regionalni-live-blog-dezinformacije-o-ratu-u-ukrajini-na-jednom-mjestu/> (дата обращения: 24.08.2022).

40. Milanović: Sankcije Zapada neće naškoditi Rusiji, ali jesu Hrvatskoj // Danas. BBC News na srpskom. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.danas.rs/svet/region/milanovic-sankcije-zapada-nee-naskoditi-rusiji-ali-jesu-hrvatskoj/> (дата обращения: 24.08.2022).

41. Бжезинский З. Преждевременное партнерство // Полис. Политические исследования. 1994. № 1. С. 58.

Марияна Шундиц, аспирант, marijana.sundic9@gmail.com, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ,

Домбровская Анна Юрьевна, научный руководитель, д-р социол. наук, проф., an-doc@yandex.ru, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE CROATIAN, MONTENEGRIN AND SERBIAN PRINT MEDIA FROM FEBRUARY 24 TO AUGUST 24, 2022

M. Šundić

The article analyzes the image of Russia in the leading media of Serbia, Montenegro and Croatia in relation to the context of the first 6 months since the start of Russia's special military operation in Ukraine. The use of cognitive mapping allowed us to obtain the specific weight of negative and neutral opinions regarding Russia's actions, to trace the dynamics, and to identify key media contexts. The paper further investigates the reasons for such a reaction in the Balkan media, as well as draws parallels between Russian-Ukrainian and Serbian-Montenegrin relations.

Keywords: special military operation in Ukraine, Russia, Ukraine, the Balkans, media, cognitive mapping, Serbia, Montenegro, Croatia, media.

Marijana Šundić, postgraduate, marijana.sundic9@gmail.com, Moscow, Russia, Financial University under the Government of the Russian Federation,

Dombrovskaya Anna Yuryevna, scientific supervisor, doctor of social sciences, professor, an-doc@yandex.ru, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Т. Х. М. Оухейш

Раскрывается сущность и история развития дистанционного обучения в России и зарубежом. Отмечены преимущества и недостатки данной формы обучения, обосновывается их влияние на процесс адаптации иностранных студентов, обучающихся в России дистанционно. Определяются проблемы адаптации, с которыми сталкивается указанная группа учащихся в процессе получения услуг дистанционного образования.

Ключевые слова: адаптация, услуги дистанционного образования, иностранные студенты, дистанционное обучение, технологии дистанционного обучения, история развития дистанционного образования.

Вопрос адаптации иностранных учащихся сегодня актуален как никогда. Это обусловлено увеличением количества студентов из других стран в учебных заведениях России, которые по приезду в страну сталкиваются не только с проблемами коммуникативного, но и социокультурного и социально-бытового характера. Отдельного внимания в связи со сложившейся в последние годы в мире ситуацией пандемии заслуживает вопрос адаптации иностранных слушателей, проходящих обучение в вузах России дистанционно. В данном случае вышеперечисленные проблемы дополняются трудностями академического характера, а также связанными с перестройкой режима, с отсутствием необходимого объема личного взаимодействия, с необходимостью подбора программного обеспечения и т.д.

Таким образом, рассматривая специфику адаптации иностранных учащихся, пользующихся услугами дистанционного обучения в России, мы затронем сразу два важных вопроса: саму специфику адаптации указанной группы слушателей и особенности применения услуг дистанционного образования в стране сегодня. Последний вопрос требует тщательного изучения, поскольку распространение пандемии сделало дистанционные образовательные технологии одним из приоритетных способов организации учебного процесса.

Под дистанционными образовательными технологиями понимают «образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [7]. Ряд исследователей определяют данный тип обучения с позиции оказания услуг (А.А. Белоглазов А.А., Белоглазова и др.) и определяют дистанционное образование как комплекс образовательных услуг, предназначенных для профессиональной подготовки и переподготовки с использованием передовых информационных технологий [2]. Таким образом, рассматривая процесс дистанционного обучения мы в первую очередь подразумеваем

удаленную организацию образовательного процесса посредством информационно-коммуникационных технологий.

Услуги дистанционного образования нельзя назвать новым явлением. В Европе подобная форма обучения возникла еще в конце XVIII века. Тогда обучающиеся получали необходимые материалы по почте, таким же образом вели переписку с педагогами, высылали свои работы на проверку [4]. Распространение указанных услуг в Европе происходило постепенно и до развития интернет-технологий основывалось на открытии учебными заведениями своих филиалов в самых разных точках мира. Одним из подобных примеров является деятельность Открытого Университета Великобритании, который сегодня является крупнейшим провайдером дистанционного образования, насчитывающим 13 учебных центров в самой стране и имеющим филиалы в 30 странах мира [6]. Таким образом, в Европе дистанционное образование насчитывает более чем сотню лет существования и достаточно активно реализуется сегодня на основе интернет-технологий не только на своей территории, но и в других странах мира.

Что касается становления дистанционного образования в России, то его история здесь начинается с середины XX века и связана с развитием в стране радио и телевидения. Данный тип обучения на первых этапах опирался, как и европейская модель дистанционного образования, на средства почтовой связи, но распространялся только на территории России [8]. С развитием интернет-технологий услуги дистанционного обучения стали оказываться российскими учебными заведениями и в других странах, они стали доступны, в том числе, и иностранным студентам. Сегодня данные услуги практически исключают использование простых почтовых отправок, а их отличительной чертой является использование синхронных и асинхронных удаленных методов [4]. В первом случае обучение осуществляется на основе вебинаров, веб-конференций, образовательного и учебного телевидения, прямого спутникового вещания, Интернета и телефона. На основе указанных средств взаимодействие учащихся и педагогов происходит «в прямом эфире». Это обеспечивается также использованием роботов прокси, позволяющих посещать занятия удаленно. Асинхронное обучение, в свою очередь, не предполагает прямого взаимодействия и осуществляется путем пересылки или предоставления студентам доступа к учебным материалам в цифровом виде.

Отдельно стоит отметить формы организации дистанционного обучения. Сегодня дистанционный образовательный процесс может быть построен в форме пошаговой программы обучения или программы самоподготовки. Пошаговое обучение – это строгая организация учебного процесса, подразумевающая распределение нагрузки педагогов, наличие расписания и постоянное проведение административной работы образовательным учреждением, в том числе в рамках контроля за учебной деятельностью студентов. Программы самоподготовки предполагают иной подход. В них ответственность за построение процесса обучения почти полностью возлагается на учащегося. Графики обучения и сдачи экзаменов в этом случае

гибкие, время окончания обучения строго не определено и зависит от готовности слушателя проходить проверку знаний.

Как видно услуги дистанционного обучения носят достаточно вариативный характер и позволяют учащимся выбирать удобную для них форму обучения и типы передачи учебной информации. Такой подход к организации образовательного процесса, как показала практика последних лет, имеет массу преимуществ. В первую очередь к ним можно отнести возможность учиться практически в любом уголке мира. Вторым несомненным преимуществом является наличие возможности получения высшего и дополнительного образования учащимися различных культур и социальных слоев удаленно [2]. Кроме того, на базе дистанционного обучения реализуется масса международных образовательных проектов, а также решается проблема предоставления соответствующих услуг лицам с ограниченными возможностями здоровья.

Еще одним преимуществом дистанционного обучения является его сравнительная дешевизна, связанная с отсутствием большинства трат, которые подразумевает традиционная форма получения образования. В частности, у студента нет необходимости тратить средства на оплату проживания, питания и иных бытовых нужд в другой стране. Для преподавателей такая форма обучения означает экономию их времени, а для учебных заведений – экономию на содержании лекционных залов, общежитий и пр.

Но, несмотря на очевидные преимущества, обучение дистанционно имеет и ряд недостатков, которые оказывают негативное влияние на процесс адаптации иностранных студентов. Существующие в указанной области проблемы в немалой степени обусловлены тем фактом, что развитие платформ для предоставления услуг дистанционного обучения в России произошло значительно позже, чем в Европе, и сегодня подобная форма обучения еще требует доработки и имеет ряд несовершенств. Ввиду этого факта, услуги дистанционного образования являются непривычными для российских педагогов и учащихся, и только начинают активно применяться среди иностранных слушателей.

В целом, как отмечено О.В. Шугаевой, до 2020 года дистанционное обучение не имело широкого распространения в России, хотя и практиковалось в некоторых учебных заведениях [8]. С распространением пандемии перед образовательными учреждениями возникла необходимость активно осваивать дистанционные образовательные технологии, в ходе чего выяснилось, что в данном направлении отсутствуют адекватные ситуации методические и технологические разработки, позволяющие активно вести обучение онлайн с большим количеством учащихся, в том числе проживающих за рубежом.

На этом фоне в российских учебных заведениях начали активно разрабатывать новые технологии дистанционного обучения, ставящие перед собой, в том числе, цель сопровождение адаптации иностранных слушателей. Примером тому является русский лингвистический клуб, в рамках которого проводится лингвокультурная адаптация данной группы учащихся.

Е.М. Милосердова, как педагог, активно участвующий в жизни данного клуба и описывающий результаты его деятельности, отмечает, что проблема адаптации иностранных студентов, в том числе дистанционно получающих образование в России, состоит в отсутствии самостоятельной дисциплины, направленной на интеграцию слушателей в новую для них культурную и коммуникативную среду [5]. Лингвокультурная адаптация входит в курс русского языка, как иностранного, который в качестве первоочередных ставит перед собой иные цели и задачи, решение которых попутно позволяет облегчить процесс вхождения слушателей в чужой для них социум, но не решает множество мелких, но от этого не менее значимых, аспектов.

Кроме того, часть иностранных слушателей пренебрегают такой необходимостью, как прохождение курса русского языка как иностранного, что обусловлено самыми разными причинами (наличие базовых знаний языка, которые студент считает достаточными для получения высшего образования; наличие близких и друзей, давно проживающих в России и готовых оказать помощь с освоением языка и пр.), но по итогу почти всегда приводит к одному результату – учащийся оказывается неспособным успешно осваивать учебный материал и достигать необходимых образовательных результатов, поскольку его языковых знаний оказывается недостаточно.

А.А. Белоглазов, Л.Б. Белоглазова и др. к преимуществам дистанционного обучения иностранных слушателей относят отсутствие необходимости психологической и языковой адаптации [2]. По нашему мнению, это не совсем так. В частности, привыкание к новой среде все равно имеет место быть, поскольку студенту приходится психологически привыкать к удаленному общению с чужими для него людьми, к тому же говорящими на иностранном языке. Опосредованность взаимодействия в данном случае, как нам кажется, напротив повышает уровень психологического стресса, особенно если общение происходит по видеосвязи, не всегда отличающейся качеством.

Еще одним преимуществом дистанционного образования А.А. Белоглазов, Л.Б. Белоглазова и др. считают отсутствие языкового барьера, поскольку обе стороны (педагог и учащиеся) имеют возможность использования синхронного перевода [2]. Однако современные технологии развиты не настолько хорошо и программный перевод с одного языка на другой достаточно часто имеет массу погрешностей и неточностей. Упускаются определенные речевые обороты, какие-то свойственные конкретному языку сочетания слов и пр. ввиду чего часть важной информации может просто не дойти до участников общения.

Кроме того, программный перевод лишает общение живости, не позволяет точно передавать мысли и чувства, что достаточно важно при изучении определенного ряда дисциплин и может сказаться на качестве обучения. На это обращает внимание и Е.В. Вознесенская, которая отмечает, что отсутствие живого общения у многих студентов, в том числе прожи-

вающих за рубежом, вызывает беспокойство, поскольку оно не позволяет передать истинное отношение к какому-либо вопросу и быть более понятным собеседнику [4].

Кроме коммуникативного и учебного барьера иностранные студенты сталкиваются с проблемами отсутствия необходимого и подходящего по своим параметрам для активного общения онлайн программного обеспечения. Также подобная форма обучения всегда зависит от наличия интернет-соединения и его качества. Отсутствие интернет-соединения не позволяет присоединиться к занятиям или участвовать в них в полной мере, быстро выполнять необходимые задания, вовремя консультироваться с преподавателями, активно взаимодействовать с сокурсниками, получать нужные учебные материалы.

Также, по мнению Е.В. Вознесенской, посещение занятия делает учащихся более ответственными и организованными, чего не наблюдается при дистанционном обучении [4]. Это подводит нас к еще одной проблеме данной формы получения образования, которая хоть и касается не только иностранных студентов, но и местных слушателей, все же имеет ключевое значение для адаптации первых. Этой проблемой является отсутствие необходимого уровня контроля над действиями студентов. При дистанционном обучении не стоит острой необходимости посещения лекций, реже проводится промежуточный срез знаний, нет нужды тщательно готовиться к занятиям. Независимо от того, какую форму предоставления услуг дистанционного обучения практикует конкретное учебное заведение, ответственность за качество образования в этом случае по большей части перекладывается на учащихся. Для иностранных студентов это означает, что к проблемам культурной и коммуникативной адаптации, добавляются трудности, связанные с необходимостью развития самодисциплины, повышения уровня самостоятельности, а также развития навыков самообучения, которыми современные учащиеся обладают редко.

При этом, согласно исследованию Ю.В. Виноградовой, С.Л. Рябковой и Ю.И. Скопиной, успешность академической адаптации иностранных студентов определяется сформированностью у них мотивации к обучению и самоорганизации [3]. Под академической адаптацией в данном случае понимается процесс вхождения в образовательную среду российского вуза, привыкание к новому режиму и содержанию обучения, а для иностранных слушателей еще и привыкание к ведению учебной деятельности на иностранном языке. При отсутствии должных мотивации и уровня самоорганизации академическая адаптация иностранных студентов, учащихся дистанционно, будет проходить с существенными трудностями и создаст предпосылки для возникновения проблем в направлениях коммуникативной и психологической адаптации.

Отдельное внимание стоит уделить такому моменту как разница в часовых поясах. Естественно, она вполне решаема, если обе стороны (учебное заведение и учащиеся) готовы к осуществлению асинхронного обучения и к индивидуальному, а не групповому взаимодействию по пово-

ду учебных вопросов. Между тем, мало кто из студентов готов учиться асинхронно, ведь при указанной форме обучения слушателю приходится с большей частью учебного материала работать самостоятельно без оказания помощи со стороны педагога. К подобному не всегда готовы и сами педагоги, для которых отсутствие постоянного и систематического общения со студентами оборачивается низким уровнем знаний у последних, особенно в том, что касается практической области применения освоенных в теории навыков и умений. В результате многим иностранным слушателям приходится подключаться к занятиям поздно вечером или даже ночью, что снижает их академическую успеваемость и в целом вызывает сильный физический и психологический дискомфорт.

Кроме того, дистанционное обучение – это всегда длительное пребывание за компьютером, чего не наблюдается при живом общении педагогов и учащихся. На этом фоне у многих возникает ряд проблем, влекущих не только снижение учебных результатов, но и отказ от продолжения обучения в целом. Некоторые из иностранных слушателей на фоне распространения пандемии и перехода на дистанционное обучение, как показало исследование, проведенное образовательной платформой Lectera.com, предпочли взять академический отпуск до следующего семестра, в надежде, что к тому времени откроется возможность традиционного получения образования [1].

Подводя итог, можно сказать, что технологии дистанционного обучения, несомненно, являются одной из важнейших и необходимых инноваций в образовательной сфере, которые позволяют решать массу проблем. Однако и при такой форме обучения иностранные учащиеся сталкиваются с трудностями адаптации, поскольку возникает необходимость решения дополнительных вопросов, связанных с технологическим и программным обеспечением, подбором формы организации образовательного процесса, с перестройкой режима дня, с привыканием к общению на чужом языке в сети, с необходимостью повышения уровня самоконтроля. Все это говорит о важности разработки российскими учебными заведениями отдельных дисциплин или программ, направленных на сопровождение адаптации иностранных студентов, обучающихся дистанционно.

Список литературы

1. Адаптация и режим иностранных студентов в эпоху пандемии и дистанционного обучения // Lectera.com. 2021. URL: <https://magazine.lectera.com/ru/articles/adaptaciya-i-rezhim-inostrannykh-studentov-v-epokhu-pandemii-i-distancionnogo-obucheniya> (дата обращения: 15.08.2022).

2. Дистанционное обучение как один из способов эффективного обучения иностранных студентов / А.А. Белоглазов, Л.Б. Белоглазова, В.В. Мокашов, П.А. Копылова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2018. Т. 15. № 5. С. 38–45.

3. Виноградова Ю.В., Рябкова С.Л., Скопина Ю.И. Академическая адаптация иностранных студентов (на примере ННГАСУ) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12 (54). С. 11–13.

4. Вознесенская Е.В. Дистанционное обучение – история развития и современные тенденции в образовательном пространстве // Наука и школа. 2017. № 1. С. 116–123.

5. Милосердова Е.М. Русский клуб как лингвокультурная адаптация иностранных студентов в условиях дистанционного обучения // Вестник педагогических наук. 2021. № 4. С. 165–168.

6. Пацукевич О.В. Из истории зарубежного опыта дистанционного образования (на примере США и Западной Европы) // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 3. С. 187–190.

7. Федеральный закон РФ «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка. 2022. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.08.2022).

8. Шугаева О.В. Дистанционное обучение. История развития и проблемы в современной России // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 3. С. 61–68.

Оухейш Таха Х М, аспирант, tahaouheish1994@yahoo.com, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Батанина Ирина Александровна, научный руководитель, д-р полит. наук, проф., директор, зав. кафедрой, batanina@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS IN THE CONDITIONS OF DISTANCE EDUCATION

Taha H M Ouheish

The essence and history of the development of distance learning in Russia and abroad are revealed. The advantages and disadvantages of this form of education are noted, their influence on the process of adaptation of foreign students studying in Russia remotely is substantiated. The problems of adaptation faced by this group of students in the process of obtaining distance education services are determined.

Keywords: adaptation, distance education services, foreign students, distance learning, distance learning technologies, history of distance education development.

Ouheish Taha H M, postgraduate, tahaouheish1994@yahoo.com, Russia, Tula, Tula State University,

Batanina Irina Aleksandrovna, scientific supervisor, doctor of political sciences, professor, director, head of chair, batanina@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University

ПОВЫШЕНИЕ АТТРАКТИВНОСТИ МАЛЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ОБЪЕКТОВ ТУРИЗМА

И. Ю. Пономарева, Т.А. Танкиева, А. О. Слемзина

Проведено исследование, посвященное проблеме туристической привлекательности малых исторических городов и направленное на поиск путей повышения их аттрактивности для молодежи. Объектом исследования были малые исторические города Тульской области: Белев, Богородицк, Венев, Епифань, Крапивна, Одоев и Чекалин. Предмет исследования – состояние развития туризма в малых исторических городах, туристические аттракторы и возможные направления повышения их привлекательности для молодежи. Исследование проводилось на основе данных, полученных в ходе анализа предложений туроператорских компаний, информации о посещаемости музеев, ТИЦ и событийных мероприятий. Выявление направлений повышения аттрактивности исторических поселений проводилось на основе изучения мнения фокус-группы молодежи в возрасте от 18 до 25 лет. Проведенное исследование показало, что из-за отсутствия внятного видения турпродукта, формируемого территорией, реализуемые в малых исторических поселениях инфраструктурные проекты и созданные новые объекты пока не оказывают существенного влияния на повышение их привлекательности для туриста. Молодежь, считая наиболее привлекательными в качестве турпродукта событийные мероприятия, отмечает, что основой мотивации для путешествия является «уникальность места и наличие развлечений».

Ключевые слова: малые исторические города, аттрактивность, Тульская область, туристические легенды, конструирование аттракторов, фокус-группа, молодежь, потребительские предпочтения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке правительства Тульской области в рамках научного проекта «Повышение аттрактивности малых городов Тульской области как объектов туризма».

Введение. Современное состояние РФ характеризует существенная асинхронность пространственного развития территорий. В России насчитывается около 1117 городов, из которых 794 относятся к малым городам. Еще 1346 населенных пунктов являются поселками городского типа, а 16332 объекта – сельскими поселениями. Малые населенные пункты в настоящее время сталкиваются с рядом острых проблем [1 – 3, 6]: старением населения, оттоком молодежи, снижением сфер трудовой занятости, экологическими и инфраструктурными проблемами и т.д. Кроме того, такие муниципальные образования по сравнению с крупными городами обладают ограниченными ресурсами и особенно уязвимы в современных условиях. Одним из возможных направлений их социально-экономического развития может стать туризм. Значительная часть таких малых городов, поселков и сельских поселений обладают богатым культурно-историческим наследием, которое необходимо сохранить и передать следующему поколению. Однако это наследие не всегда оказывается востребованным у массового туриста и молодежи, поэтому поиск путей по-

вышения аттрактивности малых исторических поселений является актуальной задачей.

Исследование проведено на примере малых исторических поселений Тульской области.

Анализ публикаций по проблематике исследования. Под термином «малый исторический город» в отечественных научных источниках чаще всего понимают населенный пункт с численностью населения менее 50 тыс. жителей, который имеет (или ранее имел) статус города и входит в список Приказа Министерства культуры РФ и Министерства регионального развития РФ от 29 июля 2010 г. N 418/339 «Об утверждении перечня исторических поселений» или входил в «Список исторических поселений», утвержденный Постановлением Госкомстроя и коллегии Минкультуры РСФСР в 1970 г., в «Список исторических населенных мест РСФСР», утвержденный в 1990 г., или в перечень исторических поселений в приложении к Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002 – 2010 годы)» [4].

В настоящее время Министерство культуры Российской Федерации для включения населенного пункта в перечень исторических поселений руководствуется критериями, учитывающими роль исторического поселения в отечественной истории; сохранность исторической планировки; наличие исторических зданий и сооружений, формирующих архитектурный облик и пространственную композицию в увязке с природным ландшафтом и естественным рельефом; наличие нематериального наследия (исторических ярмарок, традиционных ремесел и народных художественных промыслов)¹.

Планировка и архитектура центров исторических поселений чаще всего является наследием градостроительной реформы Екатерины II (указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов, по каждой губернии особо»). Реформа затронула 416 городов (поселений) из 497 существовавших в то время. Для населенных пунктов были составлены планы застройки (как правило, линейной или лучевой, в зависимости от рельефа), регламентировано наличие административных, религиозных и общественных строений в городском центре, утверждены типовые проекты жилых и общественных зданий, фасады и виды отделки [5]. Реформа, помимо преимуществ от благоустройства поселений, привела и к утрате их индивидуальной архитектурной самобытности. В дальнейшем большую часть таких городов затронула и типовая застройка советского времени, в результате чего малые исторические поселения, как правило, имеют схожие внешний облик и набор архитектурных достопримечательностей. Поэтому усилий, направленных только на восстановление исторических центров и реставрацию культурных памятников малых городов, недостаточно

---

¹ Приложение к письму Минкультуры России от 24.10.2019 «Критерии, рекомендуемые для руководства при оформлении предложений о включении населенного пункта или его части в перечень исторических поселений»

для повышения туристической привлекательности и формирования уникального архитектурного образа населенных пунктов, что является непременным условием их устойчивого развития [3].

Авторами статьи ранее в исследовании, проведенного с привлечением экспертов-практиков (предпринимателей и энтузиастов, задействованных в развитии туризма) и экспертов-теоретиков, представляющих научное сообщество, был выделен ряд факторов, влияющих на выбор туристов и посещаемость малых населенных пунктов [6]:

- *транспортная доступность*: удаленность от основного потребителя, близость федеральных и региональных трасс;

- *инфраструктура размещения*: наличие гостиниц, хостелов, кемпингов и рынка предложений об индивидуальных средствах размещения;

- *инфраструктура питания*: количество предприятий питания, их ассортимент и наличие аутентичной кухни;

- *внешний вид населенного пункта*: путешественники хотят видеть красивые и уютные города;

- *уникальность места, ключевые аттракторы, объекты показа*: эксперты сошлись во мнении, что аттракторы можно конструировать, используя для «легендирования» культурно-историческое наследие местности;

- *фактор, связанный с безопасностью туристов, отзывы о местности и достопримечательностях, включая публикацию в соцсетях и доступность информации*: для планирования путешествия туристу важно знать, что можно посмотреть, как доехать, где и что поесть, где разместиться, как провести досуг.

Проблема поиска направлений повышений аттрактивности населенных пунктов связана с задачами продвижения и брендинга территории. Научные публикации, посвященные продвижению малых населенных пунктов, показывают, что в качестве аттракторов и основы для создания бренда территории чаще всего используются территориальные бренды (при наличии) [7; 8].

В своей работе Новичков Н.В. обозначил 12 ошибок брендинга территории [8], среди которых выделил:

- *непонимание своего рынка*: не учитывается «товар», который продает территория, и отсутствует понимание, на каком рынке он реализуется;

- *ориентация на то «чем мы известны»*: турист путешествует ради впечатлений; значимые для местного населения ассоциации ничего не говорят или неизвестны потенциальному потребителю: «нужна не текущая, а заново сформированная и упакованная, часто неожиданная известность региона для туриста»;

- *банальность в выборе брендов, выбор слабых или «плоских» брендов*: однообразие подходов к брендингу территории, например, представление ее как края «... с прекрасной природой и удивительной историей

и культурой» и родиной таких-то деятелей; отсутствие оригинальности, которая бы могла повлиять на выбор туриста.

Щегольков Ю.Ю., Пронина А. и Метелкина П. в своей работе говорят о том, что «большинство городов практически неизвестно на федеральном уровне». Там же отмечается, что нехватка финансовых средств у малых исторических городов может быть компенсирована за счет ярких идей по продвижению территории и реализации новых креативных проектов [1].

В работах Афанасьева О.Е., Афанасьевой А.В. указывается, что туристические легенды в условиях экономики впечатлений являются мощным аттрактором и туристическим ресурсом территории: легенды, при грамотном использовании, легче распространяются и запоминаются, чем реальная информация [9; 10].

Таким образом, для повышения аттрактивности малых населенных пунктов важно понимать, какой продукт может поставлять дестинация в настоящее время или в будущем, какие легенды или другие аттракторы можно «изобрести», как придать уникальность и оригинальность территориям, которые могли бы выделить исторический город из подобных, запомниться и привлечь туристов.

Методы и методология исследования. Объектом исследования были малые исторические города Тульской области: Белев, Богородицк, Венев, Епифань, Крапивна, Одоев и Чекалин.

Предмет исследования – состояние развития туризма в малых исторических городах, туристические аттракторы и возможные направления повышения их привлекательности для молодежи.

Исследование проводилось на основе данных, полученных в ходе анализа предложений туроператорских компаний, информации о посещаемости музеев, ТИЦ и событийных мероприятий, а также данных других открытых источников. Выявление направлений повышения аттрактивности исторических поселений проводилось на основе изучения мнения фокус-группы и в ходе мозгового штурма. Такая методика с успехом используется в маркетинговых исследованиях, направленных на поиск бренда территории или на разработку турпродукта [7; 11 – 13].

Фокус-группу составила молодежь в возрасте от 18 до 25 лет в количестве 52 чел. Выбор молодежи в качестве фокус-группы обоснован тем, что в настоящее время усилия региона и страны направлены на увеличение данного сегмента потребителей туристического рынка. Работа велась в малых группах численностью от 10 до 18 чел. В качестве основных вопросов дискуссии были вопросы, связанные с привлекательностью малых населенных пунктов, а также с мотивацией и формой участия молодежи в туристической деятельности. Участникам было предложено на основе представленных сведений о малых населенных пунктах Тульской области и информации, полученной в ходе дискуссии, разработать предложения,

направленные на повышения туристической привлекательности малых городов региона.

Анализ основных аттракторов и состояния развития туризма в малых населенных пунктах Тульской области. К «малым историческим городам» Тульской области в настоящее время относят: Белев, Богородицк, Венев, Епифань, Крапивну, Одоев и Чекалин. Эти населенные пункты в разные годы входили в списки исторических поселений Тульской области (табл. 1). Село Сергиевское, переименованное в 1926 г. в город Плавск, как населенный пункт стал развиваться только после прокладки ветки Тула-Курск Московско-Курской железной дороги в 1868 г., поэтому чаще всего не рассматривается как малый исторический город, несмотря на вхождение в списки исторических поселений 1990 и 2002 гг. Кроме Белева, Богородицка, Венева, Епифани, Крапивны, Одоева и Чекалина (Лихвина) к малым городам тульского края нередко относят Ефремов и Чернь; все перечисленные населенные пункты имели в XVIII в. статус города, а их исторические центры являются наследием градостроительной реформы Екатерины II.

Таблица 1

Исторические поселения Тульской области

№	Населенный пункт	Тип	Год основания	Список исторических поселений, год			
				1970	1990	2002	2010
1	Тула	Крупный город	1146	Да	Да	Да	-
2	Алексин	Средний город	1236	-	Да	Да	-
3	Белев	Малый город	1147	Да	Да	Да	Да (с 2014 г.)
4	Богородицк	Малый город	1663 (1777)	Да	Да	Да	-
5	Венев	Малый город	1371 (1400)	-	Да	Да	-
6	Епифань	Рабочий поселок, поселок городского типа	1566 (1672)	-	Да	Да	-
7	Крапивна	Село	1389 (1568)	-	Да	-	Да
8	Одоев	Рабочий поселок, поселок городского типа	1380	-	Да	Да	-

Окончание табл.1

9	Плавск	Малый город	1540	-	Да	Да	-
10	Чекалин	Малый город	1565	-	Да	Да	-

Белёв славится рядом брендов: белёвской пастилой, кружевом и пряником с яблочной начинкой. Из них наиболее известна белевская пастила, которая входила в Национальный рейтинг туристических брендов 2017 г. и Национальный рейтинг туристических брендов 2018 г., а также входит в список «ТОП-1000 локальных культурных туристических брендов России». Белевские кружева все еще изготавливаются отдельными местными мастерицами, однако этот факт скорее свидетельствует о передаче и сохранении традиции, чем о наличии промысла. В городе работают художественно-краеведческий музей им. Жуковского, фабрика-музей «Дом традиций», где можно поучаствовать в приготовлении белевской пастилы и познакомиться с процессом создания белевских кружев. В Белеве проживал Василий Алексеевич Левшин, чьи произведения по гастрономии, ведению хозяйства, исторические записки, сказки и былины оказали большое влияние на формирование русской культуры в конце XVIII и начале XIX веков. Кроме того, Белёвский район известен старинными православными монастырями, а также большим количеством военно-исторических памятников. Наиболее яркими фестивалями района являются: гастрономический фестиваль «Яблочное чудо», межприходской фестиваль колокольного звона «Белёвский перезвон», фольклорно-музыкальный фестиваль «Троицкие гуляния» и литературно-музыкальный праздник, посвящённый В.А. Жуковскому, «Поэт мистической души».

Аттракторами Одоева являются филимоновская игрушка, одоевское кружево, а также ряд объектов религиозного значения. Интересные объекты показа – музей филимоновской игрушки, музей советской игрушки «В Детство», Одоевская крепость (городище XII в.), отреставрированная усадьба генерала Мирковича и др. Местными «изобретенными» брендами можно считать памятник «Кузя и мама» и «одоевских слоников». Помимо Одоевского фестиваля гончарного искусства и глиняной игрушки «Сказки Деда Филимона», событийные мероприятия района представлены фестивалем народного творчества «Поляна», региональным фестивалем-выставкой «Золотая ярмарка» и рок-фестивалем «Свои».

В Венёве разрабатывается бренд местного значения «булочка-венёвка». Наиболее популярным объектом показа города являются Каменные палаты и колокольня Никольской церкви, отреставрированная в 2022 г. В городе есть несколько музеев, религиозные объекты и различные памятники. Город претендует на родину прототипа поручика Ржевского: в местном краеведческом музее хранится рукопись мемуаров Надежды Петровны Ржевской о походе её отца Петра Семёновича и дяди Сергея Семёновича Ржевских. Их усадьба в селе Мильшино (разрушена после 1918 г.)

представляла копию Зимнего дворца в Санкт-Петербурге. Надо отметить, что в окрестностях Венева имеется значительное количество заброшенных дворянских усадеб различной степени сохранности. В 10 км от Венева находятся самые крупные подземные каменоломни в ЦФО, перемежающиеся с природными карстовыми пещерами (Гурьевские пещеры или Бяковские каменоломни), которые вызывают интерес самостоятельных путешественников. Гурьевские пещеры имеют высокий потенциал для привлечения туристов, однако их так и не удалось превратить в туробъект из-за сложностей взаимодействия с возможными стейкхолдерами, а также затруднений в разработке проекта и поиске инвестора. В районе есть пример создания аттрактивного объекта, не имеющего связи с культурно-историческим прошлым региона, – отель и ресторан «Золотой город», стилизованные под китайский дворец. Основными событийными мероприятиями Венёва считаются: международный фестиваль фольклора и ремёсел «Двенадцать ключей», музыкальный фестиваль «Среднерусская возвышенность», фестиваль народного творчества «Венёвские баранки».

Чекалин известен как самый маленький город России, что в дальнейшем может использоваться в качестве бренда. В городе открыт Мемориальный музей имени Чекалина. На территории города около р. Оки находится Лихвинское городище «Дуна». Кроме того, в городе расположены Свято-Введенский храм, Братская могила, ряд памятников и Тюремный замок. На территории города организуются фестиваль «Окский плёс» и выставка «Передвижение».

Епифань – посёлок, который больше известен как ярмарочный городок. Населённый пункт славится оборонительными сооружениями и близостью к Куликову полю. Интересным объектом показа является усадьба купца Байбакова, в которой разместились этнографический музей. В поселке существует несколько объектов религиозного показа и природно-исторические памятники. Епифань считается местом зарождения казачества: в XVI в. звание детей боярских было пожаловано 289 епифанским казакам. Недалеко от Епифани проходил Ивановский канал, построенный Петром I. Событийные мероприятия территории представлены фестивалем «Большой тур «Куликово поле»», межрегиональной военно-спортивной игрой «Марш-бросок «Куликово поле»», весенней епифанской ярмаркой-фестивалем «Сад-палисад», православным фестивалем «На родину Матроны», фестивалем народных традиций «Былина», фестивалем авторской песни «Куликово поле», епифанской ярмаркой-фестивалем «На Дону стоим, Дон славим!», международным военно-историческим фестивалем «Поле Куликово», а также всероссийской акцией «Зеленая дубрава».

Богородицк известен в первую очередь сохранившимся дворцово-парковым ансамблем усадьбы графов Бобринских (входит в список «ТОП-1000 локальных культурных туристических брендов России»). Екатерина II купила земли, где некогда размещалась крепость засечной черты, для своего сына от Григория Орлова. Архитектором дворца был Иван Егорович Старов, а в создании и благоустройстве первого пейзажного парка в

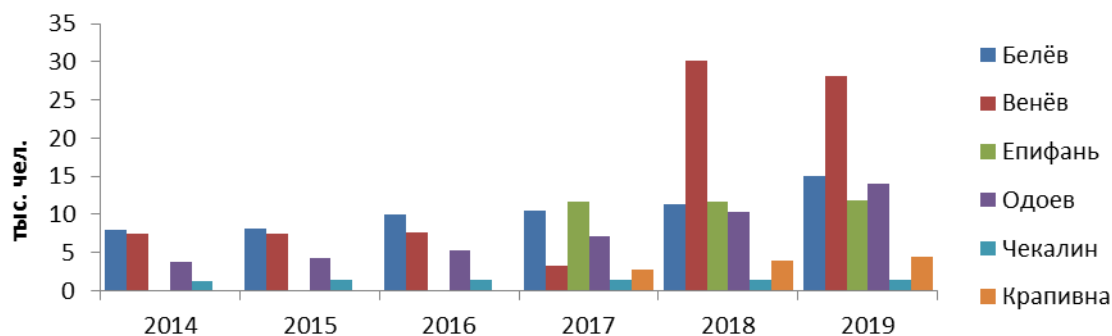
России принимал участие Андрей Тимофеевич Болотов. Благодаря парку с шутихами, водопадами, мосточками, гротами, город называли «Тульским Петергофом». Ландшафтное убранство парка и подлинная обстановка дворца не дошли до нас, но великолепная перспектива на парк и дворец, отражающихся в глади запруды речки Уперты, является и сейчас украшением города. Восстановительные работы и благоустройство Богородицка проводятся на средства программы «Народный бюджет». В усадьбе при Бобринских был создан первый детский театр, и Богородицк зачастую неофициально называют «город-театр».

Крапивна, как и Белев, является историческим поселением федерального значения. Некогда уездный купеческий город за полтора века практически не изменился: его не затронула урбанизация XIX в., обусловленная строительством железных дорог, и советская массовая застройка. В селе имеются ТИЦ и 3 музея: Крапивенский музей (отдел музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»), Музей Земства и градостроительной истории (отдел музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»), Музей русского и современного искусства. Самым значительным событием села является фестиваль Крапивы, проводимый в начале лета.

Белев, Венев и Одоев участвовали в проекте «Бренды малых городов Тульской области» [7], но существенного распространения логотипы, выбранные в ходе проекта, не получили. В Белеве и Веневе имеются музефицированные железнодорожные станции. Во всех малых населенных пунктах проводится благоустройство городской среды, реставрация памятников архитектуры, создание и открытие новых объектов показа, в том числе и музеев. Большая часть работ была проведена в рамках подготовки к празднованию 500-летия Тульского кремля и Большой засечной черты в 2020 г. Наиболее существенные изменения в таких населенных пунктах как Одоев, Венев, Крапивна и Чекалин произошли благодаря деятельности сподвижников: Сергея Васильевича Кузнецова, оказавшего сильное влияние на сохранение промысла филимоновской игрушки, создателя ряда музеев в Одоеве, организатора фестиваля гончарного искусства и глиняной игрушки «Сказки Деда Филимона»; Дениса Александровича Махеля, хранителя и популяризатора культурно-исторического наследия Венева, организатора веневского ТИЦ, идейного вдохновителя и соорганизатора проектов по благоустройству города и восстановлению исторических памятников; Ольги Сергеевны Веневцевой, заведующей Крапивенским отделом музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» и Геннадия Викторовича Сорокина, главы Суворовского района, внесшего неоценимый вклад в популяризацию и развитие г. Чекалин.

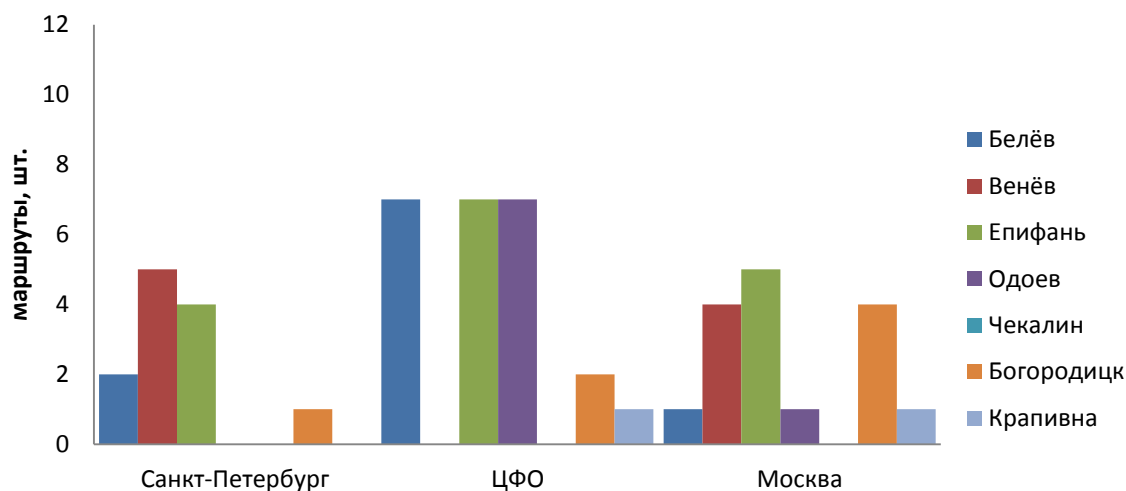
До пандемии в Белеве, Веневе, Епифани, Крапивне, Одоеве и Чекалине наблюдался рост туристического потока (рис.1). Однако такая оценка производилась на основе данных о посещаемости местных краеведческих музеев, значительную часть которой составляют местные школьники. Так, по данным владельцев частных музеев в Одоеве и Белеве, реальная посещаемость составляет порядка 5 тыс. чел. в год. Турпоток в Богородицке

оценивается в интервале от 25 до 40 тыс. чел. в год. Посещаемость событийных мероприятий в малых городах составляет порядка 2 тыс. чел.

Рис. 1. Объём туристического потока в Белёв, Венёв, Епифань, Крапивну, Одоев и Чекалин в 2014-2019 гг.

Территории рассматриваемых малых исторических поселений включены в несколько туристических маршрутов, организуемых туроператорами Санкт-Петербурга, Москвы и ЦФО (Белгородская, Брянская, Калужская, Курская, Московская, Тульская области) (рис.2).

Рис. 2. Туры и маршруты, включающие посещение малых исторических городов Тульской области

На формирование и наличие маршрутов, включающих посещение малых исторических поселений Тульской области, существенное влияние оказывает транспортная логистика. Чаще всего комбинируется посещение Венева и Богородицка: оба находятся вдоль трассы М4 [14]. Могут быть комбинации Богородицка и Епифани; Богородицка и Новомосковска, Епифани и Куликова Поля; Епифани, Куликова Поля, Богородицка и ООПТ «Кондуки» (антропогенно-природный ландшафт). Транспортной логисти-

кой связаны Одоев и Белев. Богородицк и Белев предложено включить в Императорский маршрут. Посещение Крапивны комбинируют с поездкой в Дубну. Богородицк, благодаря наличию дворца и паркового ансамбля, является привлекательным местом для проведения свадебных фотосессий и церемоний. Восстановление богородицкого парка на основе сохранившихся акварелей и литографий могло бы на порядок увеличить привлекательность города, т.к. в на территории Центрального федерального округа наблюдается дефицит уникальных пейзажных парков. Однако такой проект потребует значительных финансовых вложений и грамотного проведения садово-парковых работ. В 2019 – 2021 гг. для московских туроператоров и блогеров территориальными органами власти были организованы промотуры по Тульской области, которые включали, в том числе, и посещение малых исторических городов. К сожалению, туроператоры согласились «продавать» только Тулу: по их оценке малые города обладают пока невысокой привлекательностью для туристов, а территория региона – низкой плотностью объектов показа. Наибольшие сложности связаны с туристической привлекательностью Крапивны и Чекалина: транспортная логистика делает их неудобными как для включения в туристические маршруты, так и для самостоятельного посещения, а местные достопримечательности не настолько привлекательны для массового туриста, чтобы поселения были интересны сами по себе. В тульском регионе в настоящее время отсутствуют тематические парки. Такие объекты, помимо привлечения семейных и корпоративных туристов, могли бы встраиваться в маршруты, связанные с малыми городами, тем самым увеличивая привлекательность туристического предложения.

Результаты фокус-группы. В ходе сессий с фокус-группой молодежи было предложено обсудить вопросы, связанные с повышением attractiveness малых населенных пунктов для их целевого сегмента. Работа проводилась независимо в четырех малых группах численностью от 10 до 18 чел.

На вопрос «Что влияет на Ваш выбор, и является привлекательным для посещения малых населенных пунктов?» все четыре группы ответили, что в первую и вторую очередь их привлекает «уникальность места и наличие развлечений», причем понятие «уникальность» респонденты не связывают с исторической достоверностью, идентичностью и подлинностью. В третью очередь все группы отметили возможность попробовать новые блюда и местную кухню. В четвертую очередь для молодежи привлекательны легенды, мифы, загадочность. Пятый фактор, который может привлечь, – уединенность и размеренность жизни (фактор, важный для жителей больших городов). Сопутствующими важными факторами являются: транспортная логистика (наличие прямого транспортного сообщения с областным центром хотя бы на время фестивалей) и плотность объектов показа (не более 35-40 минут езды от одного объекта показа до другого). На вопросы «Что было бы Вам интересно при знакомстве с малым населен-

ным пунктом? Какая форма знакомства с населенным пунктом Вас привлекает?» участники назвали фестиваль или «другое яркое событие, развлечения», а также отметили, что хотели бы принять участие в подготовке такого события или фестиваля. Направленность фестивалей – театральные (карнавальные), музыкальные или спортивные. В качестве приобщения к туристической деятельности назвали участие в грантах под руководством более опытных наставников из молодежи, или участие в совместных «школах».

В настоящее время, несмотря на значительные изменения в малых исторических городах Тульской области, молодые люди не видят привлекательного для них турпродукта. Кроме того, участниками сессий было отмечено, что на выбор малых исторических городов для путешествий и отдыха могла бы оказать влияние «культура посещения исторических поселений, если бы она была им привита в детстве». Для малых исторических городов региона молодежью было предложено несколько направлений повышения их аттрактивности (табл. 2).

Таблица 2

Направления повышения аттрактивности малых исторических поселений Тульской области, предложенные молодежной фокус-группой

Населенный пункт	Предложения по объектам показа	Предложения по событийным мероприятиям/экскурсиям
Белев	- выполнить стрит-арт фасадов и создать архитектурные элементы с использованием «кружевных мотивов»; - создать Музей кружева; - создать арт-объект «Белые львы» и парк белых львов (по созвучию с названием города).	Провести гастрономические фестивали: - белевское чаепитие; - белевская окрошка.
Одоев	Провести реконструкцию Одоевской крепости.	- дополнить фестиваль филимоновской игрушки новой аттракцией, интересной для молодежи; - провести фестиваль воздушных шаров, змеев; - провести фестиваль слонов.
Богородицк	Восстановить парковый ансамбль.	- провести детский театральный фестиваль (фестиваль детских театральных коллективов); - провести фестиваль «Ночной просмотр»; - разработать экскурсии с элементами мистики.

Окончание табл. 2

Венев	- создать музей «Поручик Ржевский»; - создать винотеку и сыроварню; - создать тематические объекты «Венев – столица вело- и пешеходного туризма»; - провести реставрацию усадьбы фон Мекк; - выполнить обустройство Бяковской каменоломни (с элементами мистики и загадочности).	- провести Фестиваль Хлеба с пшеничными лабиринтами и фигурами из соломы, с возможностью смолоть муку; - провести фестиваль древнегреческого (античного) театра.
Епифань	-	Провести фестиваль казачества.
Крапивна	- создать кафе «Крапивна»; - использовать в Крапивне и Дубне современные биотехнологии для создания объектов в стиле «историческая современность», «новая экологичность».	- провести праздник Ивана Купалы с изготовлением веников, венков, с прыжками через костер, с проведением хоккея в валенках; - разработать экскурсий с элементами мистики.
Чекалин	Создать Музей миниатюр.	Провести фестиваль «Мал да удал».

Таким образом, большая часть предложений молодежи касается организации событийных мероприятий, что коррелируется с их ответом на вопросы: «Что было бы вам интересно для знакомства с малым населенным пунктом?» и «Какая форма знакомства с населенным пунктом вас привлекает?»

Выводы. Несмотря на предпринимаемые в последнее время усилия по развитию малых исторических городов Тульской области (благоустройство их центров, открытие новых музеев и ТИЦ, реставрацию объектов культурно-исторического наследия и пр.), населенные пункты не обрели свой уникальный образ, привлекательный для туриста. Инфраструктурные изменения повышают качество жизни местных жителей, но не направлены на формирования местной идентичности и узнаваемости. Зачастую даже развитие туристической инфраструктуры и создание объектов показа ведется хаотично: отсутствует внятное видение турпродукта, формируемого территорией, его позиционирования для целевых аудиторий, рынка и механизмов сбыта. В настоящее время необходима разработка стратегии развития туристических дестинаций, включающих малые исторические населенные пункты, как кластеров, ориентированных на конкретные турпродукты с учетом позиционирования на туристическом рынке. Для молодежи привлекательным турпродуктом могут быть событийные мероприятия, проводимые в населенном пункте, но в целом потребность в таких путешествиях у этой категории туристов не сформирована.

Список литературы

1. Щегольков Ю.Ю., Пронина А., Метелкина П. Последний шанс... Или может ли туризм спасти малые исторические города России? Опыт участников проекта «Настоящая Россия» в исследовании туристского потенциала городов ЦФО // *Современные проблемы сервиса и туризма*, 2017. Т. 11. № 2. С. 125 – 130.
2. Шерешева М.Ю., Оборин М.С., Костянян А.А. Оценка потенциала развития малых городов и направлений его эффективного использования // *Государственное управление. Электронный вестник*, 2017. №65. С. 162 – 175.
3. Вавулин К.Е., Малая Е.В. Концепция устойчивого развития малых исторических городов // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Строительство и архитектура*. 2020. Т. 20. № 4. С. 5 – 12. DOI 10.14529/build200401.
4. Пономарева И.Ю., Танкиева Т.А., Слемзина А.О. Вовлечение местных жителей малых исторических городов в туристическую деятельность // *Сервис в России и за рубежом*. 2022. Т. 16. № 3 (100). С. 76 – 88.
5. Белов А.В. Реформа города Екатерины II: замысел, процесс реализации и результаты (по материалам губерний Центральной России) // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2018. №3(1). С. 29 – 45.
6. Ponomareva I.Yu., Dzhandzhugazova E.A., Tankieva T.A., Kabelkaite-Vaitkiene Yu.A., Buryanova A.A. The sustainable development of small towns: characteristics of the main factors of influence (with the example of the Tula Region) // *Eurasian Journal of Biosciences*. 2020. Т.14. №2. С. 5317 – 5321.
7. Пономарева И.Ю., Танкиева Т.А. Брендинг территорий с участием стейкхолдеров // *Сервис в России и за рубежом*. 2020. Т. 14. № 3(90). С. 97 – 114.
8. Новичков Н.В. 12 ошибок туристического брендинга территорий // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2018. Т.12. № 4. С.35-40. DOI: 10.24411/1995-0411-2018-10403.
9. Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Туристские легенды как составляющая экономики впечатлений и процесса формирования опыта путешествий // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2019. Т.13. №2. С. 7-20. DOI: 10.24411/1995-0411-2019-10201.
10. Afanasiev O.E., Afanasieva A.V. Museums of dark mythologies in the tourist place / In book: *Virtual Traumascape and Exploring the Roots of Dark Tourism* / Korstanje M., George B. (Ed.). Series «Advances in Hospitality, Tourism, and the Services Industry». Hershey, Pennsylvania: IGI Global, 2017. P. 26 – 49.
11. Яницкий Л.С. Имидж Кузбасса в восприятии студенческой молодежи региона // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2020. №3(39). С.99 – 106.
12. Мокерова Ю.В., Рыбакова О.В. Глобальные тенденции и российские практики туристической активности в международном сегменте (на примере жителей г. Екатеринбург) // *Социодинамика*. 2019. №2. С.1 – 9.

13. Кормягина Н.Н. Анализ и моделирование потребительского и коммуникативного поведения молодежи в сфере туризма // Вестник евразийской науки. 2015. №1(26). С 12.

14. Пономарева И.Ю., Фатуева А.А. Туризм в малых исторических городах Тульской области: концепция создания кластера Богородицк-Венёв-Епифань // Управление устойчивым развитием. 2021. № 1(32). С. 28 – 39.

Пономарева Ирина Юрьевна, канд. техн. наук, доц., зав. кафедрой, iup05@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Танкиева Тамара Ахметовна, канд. техн. наук, доц., tankieva.tamara@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Слемзина Арина Олеговна, аспирант, arina.slemzina@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

INCREASING THE ATTRACTION OF SMALL HISTORICAL SETTLEMENTS IN THE TULA REGION AS TOURISM OBJECTS

I. Yu. Ponomareva, T. A. Tankieva, A.O. Slemzina

The article contains a study devoted to the problem of tourist attractiveness of small historical towns and aimed at finding ways to increase their attractiveness for young people. The object of the study was the small historical towns of the Tula region: Belev, Bogoroditsk, Venev, Epifan, Krapivna, Odoev and Chekalin. The subject of the study is the state of tourism development in small historical towns, tourist attractors and possible ways to increase their attractiveness for young people. The study was conducted on the basis of data obtained during the analysis of the proposals of tour operators, information on the attendance of museums, TIC and event events. Identification of ways to increase the attractiveness of historical settlements was carried out on the basis of studying the opinions of a focus group of young people aged 18 to 25 years. The study showed that due to the lack of a clear vision of the tourism product formed by the territory, infrastructure projects implemented in small historical settlements and new display facilities created do not have a significant impact on increasing their attractiveness for tourists. Young people, considering events as the most attractive tourist product, note that the basis of motivation for their travel is «the uniqueness of the place and the availability of entertainment».

Keywords: small historical towns, attractiveness, Tula region, tourist legends, construction of attractors, focus group, youth, consumer preferences

The study was financially supported by the Government of the Tula region within the scientific project «Increasing the attractiveness of small towns in the Tula region as objects of tourism».

Ponomareva Irina Yuryevna, candidate of technical science, docent, manager of kathedra, iup05@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Tankieva Tamara Akhmetovna, candidate of technical science, docent, tankieva.tamara@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Slemzina Arina Olegovna, postgraduate, arina.slemzina@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 130.11

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-165-174

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САМОСОЗНАНИЯ

Н.Н. Емельянова

Анализируется сущность философской рефлексии как феномена самосознания с присущим ему критическим мышлением. Исследуются смысловые грани рефлексии, направленной на поиски основ бытия и смысложизненных ориентиров. Изучается метафизическая мысль, захватывающая экзистенцию и обеспечивающая рефлексивно-переживательную интенцию философствования. Делается вывод, что именно в экзистенциализме философская рефлексия становится основой личностного самоопределения.

Ключевые слова: философская рефлексия, метафизика, самосознание, человек, экзистенция.

Жизнедеятельность человека представляет собой единство природного и духовно-практического бытия. Своеобразной «молекулой» жизнедеятельности является деяние, включающее в себя такие фазы, как идея, практика, рефлексия (замысел, промысел, помысел). Любое деяние начинается с замысла: прежде чем что-то сделать, надо подумать, *что* и *как* сделать. Далее осуществляется действие, имеющее целью чего-то добиться или избежать. После этого начинается процесс осмысления содеянного. Психологически данная фаза деяния сопровождается ощущением удовлетворенности либо неудовлетворенности. Высшей степенью удовлетворенности является наслаждение, высшей степенью неудовлетворенности – страдание. Неслучайно рефлексия в переводе означает «обращение назад»: субъект деятельности оценивает результаты своего действия, в результате чего происходит погружение опыта в память. Таким образом, любой акт жизнедеятельности, в том числе на уровне обыденного сознания, включает в себя стадию рефлексии. Если же мы обратимся к теоретическому сознанию, то здесь демонстрируется более высокий уровень рефлексии, построенный на оперировании логическими категориями и научными понятиями. Философская рефлексия, построенная на критическом мышлении, тоже непрерывно обращается «назад», но уже в масштабах всего накопленного человечеством знания. Ее основу составляют поиски универсальных законов и основ бытия, размышления о возможностях познания и самопознания, стремление к постижению вечных ценностей и смысложизненных ориентиров. Несомненно, философская рефлексия как феномен самосознания содержит в себе множество смысловых граней и продолжает оставаться важнейшим предметом научного исследования.

Каждая эпоха имеет свои потребности и ставит перед мыслителями соответствующие задачи, но философия всегда осмысливает сущность универсума и место в нем человека. Проблемы, актуализирующие человеческий опыт, как позитивный, так и негативный, концентрируются в многоплановый тип философского дискурса, аккумулирующего реалии общечеловеческого бытия. Философская мысль, основанная на инвариантных возможностях рефлексии, является неотъемлемой константой развивающейся мировой культуры.

Проблема рефлексии была и остается предметом осмысления в истории философской мысли от древности до наших дней. Сократ, Аристотель, Фома Аквинский, Р. Декарт, Г. Лейбниц, И. Кант, Г. Гегель, С. Кьеркегор, К. Маркс, М. Хайдеггер, Д. Дьюи, К. Поппер, Р. Холланд – далеко не полный перечень известнейших имен, с которыми связано понятие рефлексии. Анализ данной проблемы был предпринят многими отечественными исследователями, в числе которых – М. Мамардашвили, П. Копнин, Т. Ойзерман, Н. Мотрошилова, В. Бажанов, В. Подорога, Ф. Лазарев и многие другие. Ведутся научные споры о типах и формах рефлексии, о ее свойствах и аспектах, целях и перспективах.

В этой связи представляется интересным понятие «мыследеятельности», предложенное Г. Щедровицким, проследившим органическую связь всякого действия и всякой деятельности в содержательной цепочке «мышление-понимание-рефлексия». Согласно его концепции, всякая мыслительная форма снимает и свертывает в себе сложно организованный процесс последовательных мыслительных, рефлексивных и метамыслительных фиксаций, а понимание этой мыслительной формы предполагает обратный процесс развертывания, декодирования сложной последовательности данных преобразований. То, что по традиции принято называть мышлением, разделяется на две принципиально разные составляющие: «мысль-коммуникацию» и «чистое мышление», каждая из которых имеет свои особые механизмы. «Эти составляющие существуют реально, как правило, вместе и в сложных переплетениях с другими составляющими мыследеятельности – процессами понимания, рефлексии и мыследействования и в структуре целостной мыследеятельности. Поэтому любой из этих процессов должен рассматриваться прежде всего по своим функциям в мыследеятельности и относительно всех других процессов» [1, с. 782].

Постижение философской рефлексии относится к разряду метафизических проблем, в которых основа сущего укоренена в человеческом бытии: метафизика становится возможной с точки зрения существования. Вопрошая Бытие, человек сомневается, рефлектирует и философствует. Осознание возможностей разума расширяет границы присвоения познанного, и творческое мышление субъекта изменяет как личностную самооценку, так и картину мира в целом. Именно рефлексия делает возможным осмысление бытия с позиции скептического и нигилистического мышления. По словам Э. Мунье, любая радикальная рефлексия начинается «псев-

донигилизмом», который, по существу, является переходным периодом: Декарт, но и Сократ; Кант, но и Паскаль [2, с. 109].

С сомнением и скептицизмом связано развитие всякой философской мысли. «Скептицизм играет в философии двойную роль: с одной стороны, он является тем воззрением, к которому, как к последнему логическому выводу из своих собственных предпосылок, неотвратимо приходят известные философские направления, какую бы уверенность в своей истине ни были проникнуты они в начале, он есть, таким образом, конец и разложение. Но зато другие философские направления только в борьбе против скептицизма и в преодолении этого последнего обретают свою задачу, свою цель и самую жизнь; он есть поэтому начало и зарождение» [3, с. 13].

Традиции скептицизма были заложены философскими школами софистов и скептиков, хотя подобные идеи звучали уже у досократиков. В связи с этим А.Ф. Лосев отмечал, что софистика лишь осознала нигилизм и скептицизм предшествующих философских систем [4, с. 794]. Скептицизм выявляет деструктивные моменты в процессе познания, а нигилизм продуцирует негативность как рефлексивную способность противостоять пустоте бытия. Совершая обратное движение от отрицания к утверждению, он приходит к своему собственному преодолению. Нигилизм знаменует не только закрытость бытия, но и его обещание, не только удаленность от него, но и возврат к нему.

Бытие как первичная структура появляется в абстрактном мышлении, когда в нем утверждается отличие Понятия от Бытия и Бытия от бытующего, причем последнее становится Бытием в негативной определенности. Все определенно-сущее составляет интеграционный момент вечно-го целого. В этой системе субъект становится актуально проявляющейся саморефлексией, вписанной в самоопределенность Бытия. Но философская рефлексия, апеллирующая к разуму, никогда не замыкается на логическом мышлении, требующем беспристрастного анализа и сравнения. Человеческое Я остается стержнем любого познавательного акта, поэтому гносеологические проблемы тесно смыкаются с аксиологическими.

Глубокое знание всегда, так или иначе, тяготеет к неоплатоническому ученому незнанию, которому свойственна некая раздвоенность: открытость и рефлексивная замкнутость. Метафизическая мысль, направленная на целое, захватывает экзистенцию и обеспечивает рефлексивно-переживательную интенцию философствования. Будучи языком бытия, экзистенция всегда сохраняет метафизическую сущность, но проявляет себя через самосознание субъекта. Экзистенциальное мышление обеспечивает единство категориальных форм и психологических переживаний, вписанных в эти формы.

Так, эстетическая стадия существования, описанная С. Кьеркегором, построена на иронически-рефлексивном отношении к жизни. Эстетик – это человек с отстраненной жизненной позицией, пассивный наблюдатель, находящийся вне каких-либо обязанностей и, соответственно, вне какой бы то ни было ответственности. Это не означает, что эстетик не спосо-

бен к рефлексии: постоянный поиск новых ощущений сопровождается душевным опустошением и, в конечном итоге, отчаянием. С одной стороны, дистанцированность от негативных реалий бытия приводит его к безразличию относительно ценностных приоритетов. Не-вовлеченность в жизненные драмы формирует аномическое умонастроение: налицо этическая пустота существования. С другой стороны, констатация этой пустоты провоцирует переход к экзистенциальным переживаниям: от легкой скуки – к депрессии, тоске и отчаянию.

На мучительную напряженность кьеркегоровской позиции, которая порождается в равной мере страстной вовлеченностью и рефлексивным дистанцированием, указывают норвежские ученые Г. Скирбекк и Н. Гилье. Они удачно характеризуют творчество датского философа как страсть, пронизанную иронией и присутствие без приближения: «Это – христианство экзистенциальной боли, борющееся с чувством вины и страха, но обладающее страстным и иронически-рефлексивным отношением к себе и конкретно-историческому Богу» [5, с. 565]. Гегелевское безличное господство духа С. Кьеркегор заменяет парадоксальным обособленным существованием, построенным на отказе от этики должного. Внешний мир, утверждает философ, подчиняется закону всеобщего безразличия, и отсутствие внутреннего смысла воплощается в рефлексии: «Всякая форма отсутствия внутреннего смысла – это либо активность-пассивность, либо пассивность-активность, и какой бы она ни была – первой или второй, – она пребывает в сфере само-рефлексии» [6, с. 230-231].

Если для Гегеля мышление было высшей инстанцией, призванной судить об истинности любых ценностей, в том числе религиозных, то для Кьеркегора гегелевские постулаты означали призыв отречься от самых значимых жизненных интересов и повернуться спиной к безумию и смерти. Стремление логизма подвести многообразие жизненных проявлений под единый всеобщий принцип Кьеркегор расценивает как молчание философии в ответ на вопросы, касающиеся способа подлинного существования. Отсюда – вызывающе-полемическая насыщенность кьеркегоровских текстов, его яростное отвержение всякой апологетики действительности. Отсюда же – его неустанная борьба с принципом объективности, обедняющим реальную жизнь, несовместимую со схематизмом, и противопоставление ему принципа субъективности во имя Единичного.

С одной стороны, господство пустоты, которую ничем нельзя насытить, может сделать жизнь человека беспросветным отчаянием. С другой стороны, это отчаяние находится в воле самого человека, и выход из него мыслится философами по-разному. Стремление осознавшей себя личности выйти за пределы повседневности у С. Кьеркегора выражается в порыве к пику страстного существования, основанного на вере. У М. Штирнера выход за круг обыденного ассоциируется с абсолютным самоутверждением Единственного, провозглашенного собственником человечества. Мучительная рефлексия Ф. Ницше, ставшего символом европейского нигилизма, порождает образ сверхчеловека как идеал аристократического индиви-

дуализма. Его философия отталкивается от нулевого характера сознания как основы скептицизма и перманентной нигилизации мира: «Логическое отрицание мира и нигилизация его проистекают из того, что мы принуждены противопоставлять бытие небытию и что понятие «становления» отвергается («нечто» становится)» [7, с. 326]. Рефлексия правды оказывается не правдой, а именно ее рефлексией; сама правда в этом случае хочет быть не Бытием, а Небытием. Цели предстают иллюзиями в мире, который представляет собой вечное Ничто. Последнее ассоциируется у Ф. Ницше с невинным становлением, постоянным движением случайных соединений во всеобщем хаосе. Мир как невинное становление онтологически предопределяет ценностные трансформации культуры. Демонстрируя свою несостоятельность относительно становления (Ничто), культура утрачивает возможность выражать человеческие интересы.

Продолжая рефлексивно-нигилистические идеи Ф. Ницше, экзистенциализм XX в. (главным образом в лице М. Хайдеггера) пытается проложить человеку путь к возможности быть не только часовым Ничто, но и пастухом Бытия. Слово и поступок, мысль и дело связаны настолько тесно, что бытие предстает делом мысли, находящимся ныне в забвении. Человек может реализовать себя только при условии согласия с бытием; но это согласие означает не призыв к бездеятельному мирозерцанию, а наращивание смыслового состава рефлексии. Извлечь мысль из забвения означает осуществить дело этой мысли, которая непрерывно строит самое себя в жизненном пространстве и тем самым его созидает. Воля к утверждению и созиданию дает ответ на экзистенциальные потребности человека, побуждая его к действию, синтезирующему индивидуальную активность и эффективность коммуникации. Отказ от тотальной драматизации действительности открывает возможность поиска способов бытия в отчужденном мире. Пытаясь стать хозяином ситуации, человек черпает энергию из себя, превращая усилия в новые возможности. Но в пограничной ситуации перед ним открывается Ничто, которое ужасом выталкивает его к сущему и создает возможность для идентификации с последним. Иррациональное метафизическое единство, открывающееся человеку, возвращает его к целостности со всем миром, который обращается в небытие. Приходящая вслед за этим рефлексия над воспоминанием данного единства снова редуцирует его к Ничто и подталкивает к экзистенциальному выбору, из чего вытекает возможность человеческой свободы как онтологически сущностного свойства.

Экзистенциальное понимание свободы апеллирует к рефлексии человека, погруженного в неподлинное существование. У А. Камю понятие рефлексии связано с признанием абсурда как отправной точки завоевания свободы. В свою очередь, сартровская «обреченность на свободу» уходит корнями в неоплатоническое понимание свободы как результата предопределения. В этом случае даже признание судьбы является фактором, предопределившим человека на полную личную свободу. Как правило, свобода соотносится с такими экзистенциалами, как страдание, вина, воля.

В частности, Ф. Шеллинг связывал состояние высшего освобождения с экзистенциальными мгновениями наивысшего страдания. Именно в такие мгновения воля человека побеждает силу судьбы, которая оказывается относительной величиной: «В этом заключается величайшая мысль и высшая победа свободы – добровольно нести также наказание за неизбежное преступление, чтобы самой утратой своей свободы доказать именно эту свободу и погибнуть, заявляя свою свободную волю» [8, с. 488].

Неуверенность, страх, порождающий чувство бессилия, – все эти состояния опустошенного человека являются симптомами воли к отрицанию и отчаянию. Однако страх, прежде всего, является онтологической принадлежностью конечного человеческого бытия. Примечательно, что О. Шпенглер связывает страх с чувством завершенности, сопровождающей каждый этап становления. Осознавая бренность прошлого и текучесть настоящего, человек испытывает вечный страх перед всем оконченным и, значит, непоправимым. Этот родовой страх побуждает к уклонению от мира как чего-то чуждого и осуществленного. Философ называет людей, которым нестерпимо глядеть правде в глаза, прирожденными трусами и мечтателями, нуждающимися в высоких абстракциях: «Это успокаивает страх тех, которые негодны для дерзаний, предприятий, для всего, что требует энергии, инициативы, превосходства» [9, с. 178]. Заметим, что здесь Шпенглер солидаризуется не только с Кьеркегором, полагавшим, что страх присутствует в бездуховности (там он спрятан и заглушен), но и с Сартром, связавшим понятия страха, вины и стыда в единое целое. Стыд, которой может появиться только в присутствии Другого, отождествляется с чувством изначальной вины, сопровождающей падение в «тошнотворный» мир вещей. В основе этого чувства лежат страх быть подчиненным воле Другого и упреждающее стремление самому стать его палачом. Являясь границей свободы Другого, индивид воплощает в себе первородный грех уже своим появлением в замкнутом круге существования. Таким образом, феномен стыда выявляет и зависимость индивидуального самовосприятия от Другого, и сопротивление этой зависимости. «Опыт, получивший у Сартра название «тошноты», является разновидностью «скуки» Хайдеггера – того опыта, в котором мы различаем «наличное»; в случае Сартра речь идет об опыте мира как массы неподвижных грубых фактов. Он тяжким грузом ложится на человека – в нем невозможно двигаться, трудно дышать» [10, с. 380].

Удушающее уныние делает мир, прежде ценимый, вместилищем пугающей, либо недостоверной информации, где всякое не-Я ассоциируется с глухой стеной непонимания. Страх как важнейший экзистенциал самосознания становится неизменным спутником индивида, причем формы его все более разнообразятся. К кьеркегоровскому *страху*, ницшевской *тоске* и хайдеггеровскому *ужасу* присоединяются постоянная спешка и опасение сойти с дистанции в беге наперегонки. По мнению К. Лоренца, человек при этом теряет одно из важнейших своих качеств – рефлексию: «Все возрастающая в наши дни нетерпимость к неудовольствию превра-

щает возникшие по воле природы вершины и бездны человеческой жизни в искусственно выровненную плоскость, из величественных гребней и провалов волн она делает едва ощутимую зыбь, из света и тени – однообразную серость» [11, с. 24].

Философская рефлексия экзистенциалистов XIX-XX в.в. относительно неподлинного существования, казалось бы, утрачивает актуальность в эпоху постсовременности. Отказываясь от фундаментального охватывания Бытия посредством трансцендентальной рефлексии, представители постмодернизма разрушают образ метафизического субъекта. Используя тактику трансгрессии, они демонстрируют логику опровержения, которая, в свою очередь, возвращает их к основным тезисам Ф. Ницше и его единомышленников. Разрушение традиционных ценностей модерна означает выход на иной уровень рефлексии. Претендуя на статус эксперимента «конца истории», философия М. Фуко, Ж. Делеза, Ж. Деррида предлагает риторически убедительное, условно-унифицированное видение мира, включающее в себя следы, остатки, либо изолированные элементы научных знаний. Разрабатывая новые версии усвоения познанного, французские постмодернисты обнаруживают в них парадоксы интерпретаций и осуществляют негацию смысла. Вместе с тем, в новейших формах философской рефлексии происходит новая реализация гуманности посредством тщательного пересмотра гуманизма и реабилитация субъективности посредством пересмотра понятия субъекта. Метафизические категории Бытия сохраняют философию различия с присущей ей диалогичностью.

В условиях постсовременности духовный аристократизм, не нуждающийся в оправдании, становится объектом враждебности массового человека, в свою очередь не нуждающегося в глубинах рефлексии. Опасность утраты подлинной духовной элитарности усугубляется тотальным расширением управленческой прослойки, претендующей на роль элиты. В этой ситуации удовлетворение властной потребности становится целью все той же массы, прежде всего – наиболее предприимчивой ее части. Происходит горизонтально-плоскостное расширение слоя элиты, которая напитывается чужеродными элементами. Система ценностей, продуцируемая массой, воображающей себя элитой, вырабатывается не интровертным, а экстравертным способом. Не владея интеллектуальной собственностью, массовый человек точно так же не владеет и утонченным благородством души. Способность к внутреннему саморазвитию существует в заторможенном виде; конструктивные и деструктивные функции утрачивают прозрачность. Вместо прорыва к социальности из глубин экзистенции происходит растворение личности в анонимных общностях. Позади остаются и призывы к метафизическому бунту, и страстная рефлексия по поводу катастрофического измельчания человека, и тоска по жертвенному самопреодолению. Символом цивилизации становится пустыня, в которой все конечные цели предыдущих эпох утрачивают свое содержание. На место метафизической скорби приходит равнодушие; сама связь между субъектами оказывается невосребованной: «Равнодушный человек ни к чему

не привязан, ни в чем твердо не уверен, готов ко всему, и его взгляды подвержены быстрым переменам» [12, с. 71]. Поскольку и прошлое, и будущее лишены атрибута бытийной реальности, определяющее значение для человека имеет только настоящее.

И все же постсовременное сознание маневрирует между трансцендентальным и имманентным, онтологией и рефлексией. Будучи раздвоенным (по М. Фуко – шизоидным), это сознание, играя, кочует между любыми бинарными оппозициями. Так, анализируя разные виды дискурсов, М. Фуко исследует понятие «автор» и определяет его как функцию дискурсов. Философ играет этим понятием и показывает, как функция автора сама становится видом игры. В этой игре текст любого произведения далеко не всегда выражает мысли автора, даже в том случае, если повествование ведется от первого лица. С другой стороны, нельзя утверждать и полную независимость текста от автора. Таким образом, отмечает З. Сокулер, понятие автора получает у Фуко свою определенность как функция дискурса; поэтому оно столь же исторически изменчиво, как дискурсы и модальности их существования [13, с. 10].

Действительно, с одной стороны, философы постмодерна не отрекаются от логики, которая, как известно формирует культуру мышления. С другой стороны, они демонстративно ориентируются на чувство и интуицию. В результате рационалистически организованное мышление обогащается рефлексивным переживанием; послания науки и технологии объединяются с языком искусства и этики. Смешивание и одновременно ослабление этих дискурсов разрушает не только различие технологической и эстетической культур, но и противостояние рационализма и иррационализма. Платоновское «удивление» получает алогическую интерпретацию: «Подлинным же началом самой философии является удивление, но не в том, конечно же, смысле, что предшествует философствованию так, как завтраку предшествует мытье рук. Удивление изначально. Оно всегда предшествует нам тогда, когда мы по-настоящему философствуем, сопровождая нас... Удивляться – это означает: восхищаться, быть захваченным и выхваченным, то есть вырвать себя... из статики мнимой предустановленности...» [14, с. 202-203].

Удивление, понятое таким образом, обретает экзистенциальную насыщенность и становится условием личностной самореализации. Думается, в философии постмодернизма, сознательно отстраняющейся от экзистенциальной проблематики, все же дает себя знать подобная амбивалентность. Фактически постмодернизм в данном вопросе идет по следам Г. Риккерта, для которого дефиниции играют роль маяка, указывающего дорогу в открытое море жизни: «Одна интуиция, без твердости понятия, ведет к теоретическому ничтожеству... Философия нуждается в принципах расчленения и созидания» [15, с. 325]. Как представляется, философия постмодерна исполнила завет Г. Риккерта, объединив интуицию, расчленение и созидание в теории и практике постструктурализма и деконструктивизма.

Таким образом, философская рефлексия как деятельность самосознания содержит в себе одновременно интенции отрицания и утверждения. В переходном обществе она проявляется как мироощущение, репрезентирующее необходимость переоценки ценностей. Ломка привычных стереотипов утомленного сознания встряхивает людей, примирившихся с фатальным трагизмом жизни, обреченной на профаническое прозябание. В свое время Б. Вышеславцев писал о странной диалектике трагизма, которая превращает всякий конец в начало, во всякой безвыходности предчувствует выход и заставляет человека осознать свою свободу от низших ступеней бытия; но эта свобода принадлежит только тому, кто имеет мужество пройти через трагизм [16, с. 224]. Трагическое самосознание выступает сущностным моментом той модели миропонимания, которая отказывается от однобоко-рациональной рефлексии. Экзистенциальная философия, раскрывающая сущностные возможности субъекта, заостряет проблему потенциального и актуального в человеческом бытии. Рефлексирующая личность, выбираясь из ловушек пермиссивного социума, усваивает уроки прошлого и осознанно идет на риск бесконечного самопревосхождения.

Отметим, что исследование ноуменального мира и, в частности, проблемы философской рефлексии имеет весьма серьезные перспективы. Так, немалый интерес представляет развитие идеи защиты отечественных ценностей в связи с эскалацией чуждых нам ментальных форм западного миссионерства. Требуется углубленного развития проблема возрождения духовной элиты нашего общества. Пора, наконец, вернуть позитивное содержание понятию «рефлексирующая интеллигенция», в которое зачастую вкладывался негативный, снисходительно-уничижительный смысл. Именно интеллигенция с присущей ей философской рефлексией призвана перебороть индифферентность мышления и преодолеть изоляцию индивидуального существования от целостного Бытия.

Список литературы

1. Щедровицкий Г.П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 800 с.
2. Мунье Э. Надежда отчаявшихся: Мальро. Камю. Сартр. Бернанос. М.: Искусство, 1995. 238 с.
3. Рихтер Р. Скептицизм въ философиі. СПб: Шиповник, 1910. 390 с.
4. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
5. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 798 с.
6. Кьеркегор С. Понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 115-248.
7. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.

8. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. М.: Мысль, 1999. 608 с.
9. Шпенглер О. Пессимизм ли это? // Новые идеи в философии. Ежегодник ФО СССР. 1991. Культура и религия. М.: Наука, 1991. С. 166–182.
10. Пассмор Дж. Сто лет философии. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.
11. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 493 с.
12. Липовецки Ж. Эра пустоты: Эссе о современном индивидуализме. СПб: Владимир Даль, 2001. 332 с.
13. Сокулер З.А. Мишель Фуко и его концепция «власти-знания» // Жизнь и власть в работах М. Фуко. Реферативный сборник. М.: ИНИОН РАН, 1997. С. 5-13.
14. Кондратьев В.Н. Сонеты (из цикла «Венок К.И.») // Философская и социологическая мысль. 1995. № 3-4. С. 189-203.
15. Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 512 с.
16. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.

Емельянова Наталья Николаевна, д-р. филос. наук, проф., n.iemelianova@donnu.ru, ДНР, Донецк, Донецкий национальный университет

PHILOSOPHICAL REFLECTION AS AN ACTIVITY OF SELF-CONSCIOUSNESS

N.N. Yemelyanova

The article analyzes the essence of philosophical reflection as a phenomenon of self-consciousness with its inherent critical thinking. The semantic facets of reflection aimed at finding the foundations of being and life-meaning landmarks are investigated. The metaphysical thought that captures existence and provides a reflexive and experiential intention of philosophizing is studied. It is argued that it is in existentialism that philosophical reflection becomes the basis of personal self-determination.

Keywords: philosophical reflection, metaphysics, self-consciousness, man, existence.

Yemelyanova Natalia Nikolaevna, doctor of philosophical sciences, professor, n.iemelianova@donnu.ru, Donetsk People's Republic, Donetsk, Donetsk National University

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ФРАНЦУЗСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ НАЧАЛА XIX ВЕКА

В.А. Подольский

В дискурсе политической философии рассматриваются интерпретации основных проблем социальной политики представителями французского консерватизма XIX века, ставшего реакцией на французскую революцию. Анализируются оценки ими таких ключевых вопросов политической жизни как форма правления и роль религии в государстве, противоположные взглядам радикалов. При этом по целому ряду вопросов и философских идей позиции противников либо совпадали, либо спор мог идти по поводу средств, а не целей. Французские консерваторы предлагали различные методы решения социальных проблем, многие из их предложений повторяли те, которые выдвигались радикалами, и превосходили разнообразие институциональных преобразований, ставшее отличительной чертой французской социальной политики уже в XIX веке и значимые для современного общества.

Ключевые слова: политическая философия консерватизма, социальная политика, Л. де Бональд, Ж. де Местр, Р. Шатобриан.

Анализ стратегии социальной политики в дискурсе политической философии всегда имел важное значение для решения насущных проблем общественной жизни. Тема данной статьи, в которой рассматриваются представления монархистов периода французской революции и реставрации о социальной политике, крайне актуальна и в современном мире, представляет собой одну из наиболее значимых в полемике между сторонниками правых и левых идеологий. Необходимость, предполагаемый масштаб и характер вмешательства государства в перераспределение ресурсов в обход рыночных механизмов или в дополнение к ним на протяжении многих столетий служат предметом политического торга и философского осмысления. При этом по некоторым вопросам происходит сближение тех групп, которые придерживаются контрарных или контрадикторных позиций по иным политическим проблемам.

Французский консерватизм начала XIX века достаточно хорошо известен в России, особенно работы Жозефа де Местра, который некоторое время проживал в Петербурге. Его труды продолжают привлекать внимание исследователей [1]. Российские авторы обращаются к Рене Шатобриану также с XIX века, но их привлекала не его политическая философия, а эстетические и историософские рассуждения [2]. Серьезные исследования, специально посвящённые Луи де Бональду, на русском языке вышли только в XXI веке [3], но это единственный из трёх наиболее заметных французских монархистов начала XIX века, представления которого о социальной политике анализировались в отечественных научных работах [4].

Хотя консерватизм обычно рассматривается в противопоставлении к просвещенческой философии, поскольку он отсылает к ценностям, институтам и практикам допросвещенческого периода, как политическую философию его корректно называть результатом эпохи просвещения, как и либерализм и социализм. Восприятие консерваторов как сторонников восстановления статичного «золотого века», «старого режима» было следствием политической борьбы и игнорировало как сложность и многообразие взглядов консерваторов, так и существенную меру согласия консерваторов с радикалами по многим вопросам. Если к середине XIX столетия во французском консерватизме появляются различные течения, то в начале века основной идеей французских консерваторов был монархизм и поддержка католической религии. Даже в этих вопросах могут быть обнаружены различия. Если Л. де Бональд симпатизировал галликанству, то есть автономии французской католической церкви [4], то Ж. де Местр и Р. Шатобриан были сторонниками ультрамонтанства, то есть подчинения римскому престолу [5, с. 54]. Рассуждения де Бональда о монархии перекликались с идеями Боссюэ, в то время как де Местр защищал Фенелона [6, р. 24]. Если де Бональд поддерживал восстановление административной структуры старого режима [4], то Шатобриан и де Местр были уверены, что прошлую систему не восстановить. Шатобриан предлагал переход к представительной монархии по британскому образцу [7, р. 99], де Местр – копирование государством схемы управления католической церкви [5, с. 45].

Статья 122 радикальной демократической конституции Франции 1793 года обещала всеобщее образование и государственную помощь [8, с. 227], а в более умеренной конституции 1795 года 10-я глава была целиком посвящена народному просвещению [8, с. 342]. Из всех социальных вопросов именно образованию консерваторы уделяли больше всего внимания. Де Местр, обсуждая планы французского правительства в сфере образования, проводил подробный подсчет и разбор планируемых расходов и указывал, что орден иезуитов не просто не требовал государственных денег, но к нему обращались с пожертвованиями, которые он использовал, чтобы учить всю Европу [9, р. 101-102]. Де Местр, убежденный в необходимости религиозного фундамента для общества и государства, писал, что любая система образования, которая не основана на религии, развалится молниеносно, или будет лишь наполнять государство ядом. Религия, цитирует де Местр высказывание Ф. Бэкона, не допускает обращения науки ко злу. Во всех университетах есть школы теологии, поскольку это нужно для поддержания образования и его защиты от искажения [10, р. 50-51]. Шатобриан также считал, что религия служит основанием государства, и что общественное образование должно быть в руках церковных объединений. Он писал, что клирики привнесут благотворное влияние, они исцелят раны, нанесенные революцией, успокоят душевные волнения, исправят мораль, постепенно восстановят идеи порядка и справедливости, искоренят ложные доктрины, всесторонне внедряют религию, которая цементирует человеческие учреждения, и мораль, которая дает постоянство политике [7, р.

92]. С начала XVI века, напоминает Шатобриан, клирики в благотворительных школах бесплатно учили низшие классы чтению, письму и арифметике. Все университеты Европы были основаны либо религиозными государями, либо епископами или священниками, и они управлялись различными христианскими орденами, главными из которых были бенедиктинцы, а также иезуиты, которые воспитывали натуралистов, химиков, ботаников, математиков, механиков, астрономов, поэтов, историков, переводчиков, антиковедов, журналистов [11, р. 633-637].

Наиболее подробно тему образования рассматривал Луи де Бональд. Во втором томе своей работы «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе» он описывает роль образования в обществе и очерчивает контуры системы образования, необходимой, по его мнению, для Франции. С одной стороны, он утверждает, что для счастья народу образование не нужно, ему необходимы религия, мораль и честный заработок [12, р. 10]. Он пишет, что в каждой профессии образование происходит по мере работы и узко специализировано [12, р. 17]. С другой стороны, он рассуждает в коллективистских категориях, и на первый план в иерархии его социальных ценностей фактически выходит общее благо, понимаемое как получение обществом пользы от деятельности человека. Общество хочет развивать ум, направлять сердце и совершенствовать чувства для своей пользы, пишет де Бональд, и именно это должно стать содержанием образования [12, р. 12-13]. Чтобы люди выполняли свое предназначение, продолжает де Бональд, обществу необходимо дать им первоначальные знания. Это цель маленьких школ, создаваемых в городах и деревнях, где учат читать, писать, основам религии и арифметики [12, р. 9]. Общество едино, пишет де Бональд, и все должны получать единообразное образование, несмотря на смену времён и местные различия. Следовательно, необходим единый учитель, который мог бы давать одинаковое образование во все времена, во всех местах и всем людям. Таким учителем, повторяет де Бональд слова де Местра и Шатобриана, должен быть религиозный орден. Де Бональд приводит пример такого ордена – «Братства христианских школ», созданного аббатом де Салле, каноником Реймса [12, р. 23-25]. Монастыри изначально были колледжами. И это одна из причин, по которой они сохранили литературные богатства античности. Наши короли были воспитаны там, напоминает де Бональд [12, р. 31]. В государственном образовании должна быть преемственность, универсальность, одинаковые одежда, еда, обучение, учителя, книги, упражнения, распределение часов работы и отдыха, единообразие во всем и для всего, во все времена и во всех местах. Министр образования только следил бы, чтобы не появлялись инновации и разночтения, а всё остальное контролировал бы религиозный орден [12, р. 23-24]. Книги, предназначенные для домашнего или социального образования, должны оцениваться правительством [12, р. 11]. По мнению де Бональда, образование не может быть социальным, не будучи религиозным и политическим [12, р. 5].

Де Бональд убеждён, что для общества будет гораздо меньше вреда, если оно понесёт расходы на обучение тысячи детей, которые не заплатят за него сами, чем если десять детей не получат надлежащего воспитания. Необходимо закладывать в расчёты, какие суммы может сберечь на издержках на уголовное правосудие и тюрьмы хорошее образование, обеспеченное молодежи [12, р. 32]. Общественное образование де Бональд описывает в основном как воспитание: по его мнению, оно должно формировать сердце, с помощью религии направлять аффекты и подавлять страсти [12, р. 55]. Если бы во Франции было хорошее образование, то не случилась бы революция, поскольку не было бы революционеров, полагает де Бональд [12, р. 32-33].

Любое общество предполагает со стороны своих членов союз усилий и работы, направленный к его целям, к объекту его общей воли, то есть сохранению общественного порядка, пишет де Бональд [12, р. 28]. Коллективная воля общества, повторяет он идеи Руссо, должна использовать все средства, чтобы обеспечить это сохранение. Поэтому общество должно предоставлять образование за государственный счёт и поддерживать тех индивидов, которые хотят получить образование сами, поскольку они также обеспечивают сохранение общества [12, р. 33].

Де Бональд, впрочем, считает, что образование должны получать только обладатели почётных профессий или те, кто намерен заниматься таковыми [12, р. 27]. Образование для женщин он считает необязательным, поскольку женщины принадлежат скорее к семье, чем к политическому обществу, их обучение может, следовательно, быть полностью домашним [12, р. 72]. Детей следует направлять в школы их округов или провинций, чтобы снизить издержки на переезды, поощрять создание союзов, и сохранить связь с семьей ученика, чтобы страх ученика перед осуждением родителей принуждал его к усердию в учебе [12, р. 42].

Рене Шатобриан называет просвещение вторым из наиболее благих дел, а первое, по его мнению, – посвятить жизнь облегчению страданий человечества [11, р. 633]. Добродетель милосердия Шатобриан считает исключительно христианской. Она отличала Иисуса Христа от остального человечества, убеждён Шатобриан, и отражала восстановление человеческой природы. Апостолы подражали своему господину в милосердии и смогли быстро распространить его учение. Шатобриан возводит традицию финансирования госпиталей к общему фонду, который создали первые христиане для помощи бедным, больным и странникам. Церковь, разбогатев, стала создавать учреждения для нуждающихся, продолжает Шатобриан. Нуждающиеся стали получать помощь, ранее невиданную и богатыми. Он указывает на роль, которую сыграли в становлении институтов социальной политики церковные ордена. Лазареты, или госпитали в честь святого Лазаря, были первыми приютами на Востоке. В них принимали отвергнутых родственниками прокажённых, за ними ухаживали монахи ордена святого Василия, пишет Шатобриан. Монахи-тринитарии экономили на еде, чтобы сберечь деньги на выкуп пленников у варваров. Некоторые

оставались сами в плену, отдав поступавшие для их выкупа деньги другим пленникам [11, р. 621]. Шатобриан указывает на то, что монахи рисковали своим здоровьем, трудясь в неблагоприятной среде – горах, шахтах, местах заключения рабов [11, р. 632], служили с самоотречением в госпиталях [11, р. 627], погибали во время эпидемий, ухаживая за больными. Их пример вдохновлял и других подражать им. Например, в Гватемале монах построил приют для больных рабов, об этом стало известно местным богачам, которые превратили приют в большой госпиталь, а затем построили госпитали и в других странах – Перу и Мексике [11, р. 623-624]. Шатобриан также напоминает о яркой благотворительной деятельности Викентия де Поля, который основал госпитали для пожилых бедных, для рабов с галер, приходские братства милосердия, орден «дочерей милосердия», которые посещали больных [11, р. 631]. Богатые раздавали свое состояние, чтобы помогать бедным, следуя христианским идеалам, пишет Шатобриан [11, р. 622].

Де Бональд повторяет утверждения о христианских идеалах помощи нуждающимся. Религия, пишет де Бональд, восхитительным образом сводит бедность и богатство вместе. Религия призывает бедного стать богатым, а богатого – бедным, первого она защищает от праздности и отчаяния, второго – от жестокосердия и гордыни. Нужно обратиться к максиме великого Господина, пишет де Бональд – бедных всегда будете иметь с собой. И важнее, чем думают, чтобы счастливые видели образы страдания человечества, а бедные – образы милосердного богатства. В обществе, где будет некому помогать, будут только эгоистичные люди, чьи сердца, бесчувственные к бедствиям других, будут вдохновляться только от вида золота и бояться только потратить его. В этих обществах мы будем знать лишь одну добродетель, богатство, и лишь один порок, бедность. Республиканские институты учредили частную власть эгоизма, вместо общей власти любви к ближним, пишет де Бональд [12, р. 197-198]. Философы оценивали экономическую сторону социальной поддержки, игнорируя нравственную, когда предлагали поместить бедных в благотворительные работные дома, чтобы показать щедрое благодеяние, не зная ни бедных, ни реальной практики управления. Де Бональд убежден, что благотворительные работные дома были опасны с моральной точки зрения. Нищие испорчены и подвержены дурному влиянию, зарабатывают в таких домах немало, а моральный вред терпят сильнейший. Просить подаяние мешает стыд, а в таких местах оно – данность. Нищие конкурировали за места в таких домах, иногда даже богатые отдавали своих слуг в такие дома. Благотворительные работные дома вредили сельскому хозяйству, поскольку бедные предпочитали их сельскохозяйственным работам – работы там было меньше, рабочий день – короче. Занятость в них непродуктивна, и развращала, потому что нищий понимал, что работу ему давали для виду и работал тоже только для виду. Благотворительные работные дома стали опасны и для общественного спокойствия, бунтовщики успешно использовали их для запуска революции. По их сигналу бедные превратились в раз-

бойников, а благотворительная помощь – в плату за преступления [12, р. 188-190].

Де Бональд пишет, что философия испортила даже то благо, которое она произвела. Эпоха, в которую государство прилагало самые большие усердия, чтобы упразднить бедность или хотя бы попрошайничество, была эпохой почти всеобщей бедности и экспроприации, и меры, которые власти Франции предприняли в этих целях, были одной из причин общей разрухи, а также они стали одним из её инструментов, уверен де Бональд [12, р. 187]. Различные собрания, которые подавляли Францию, сокрушили всех богатых, не будучи способными накормить бедных. Они не могли дать им работу и хлеб, и были вынуждены послать их погибать в армиях [12, р. 197-198].

В размышлениях де Бональда об оплате труда присутствуют аргументы, которые впоследствии приводились оппонентами социализма. Де Бональд пишет о том, что если работник получал бы плату, которая не зависела от производительности его труда, этот работник был бы вне рынка и тем самым – вне общества. На помощь от государства, по его мнению, могли претендовать только нетрудоспособные в богадельнях и приютах [4]. Первейшая обязанность человека, рассуждает де Бональд, – применять на благо общества все способности, которые природа дала ему, которые общество развило через образование, в той профессии, к которой общество его определило [12, р. 64]. Работа – то обязательство, которое природа налагает на человека. Человек, который наилучшим образом исполняет эту обязанность, то есть работает больше всего и лучше всех, заслуживает того, чтобы его выделяли. Критерий этого превосходства – его состояние. Такой человек представляет наилучшие гарантии своей способности выполнять политический долг, и заслуживает отличий и получения статуса дворянства для его семьи [12, р. 34-35]. Здесь де Бональд удаляется от позиции французских традиционалистов XVII века, которые считали, что бедствия во Франции начались из-за вытеснения богачами служилой аристократии [13, р. 29]. Более того, Бональд пишет, что с точки зрения природы и религии люди равны, а различия между ними возникают из-за их профессии [12, р. 41], выражая мнение, близкое к эгалитаризму радикалов.

Собственность – вот защита от нищеты. Собственность можно получить только через труд, который позволит приобрести землю [12, р. 191]. Человек, который живет не за счёт своей собственности, с необходимостью живет за счет собственности других. Он принуждает других работать, чтобы они обеспечивали ему средства к жизни. Следовательно, он притесняет кого-то в обществе. Сила политического общества, учрежденного для защиты свободы всех против всех видов притеснения, должна, следовательно, принуждать трудоспособного праздного человека к той работе, к которой он пригоден благодаря своим физическим и нравственным способностям. Религиозное и политическое общества должны действовать совместно. Одно должно направлять его волю, а второе – сдерживать его тело, если необходимо, поскольку оба должны сделать каждого трудоспо-

собного человека членом общества, социальным человеком, собственником. Какой бы ни была работа, к которой его призовут, и средства, которые применяются для принуждения к ней, правительство никогда не должно терять из вида достоинство морального человека, но не должно и бояться ограничить его свободу, поскольку, оно заново утверждает его в его подлинной свободе, которая состоит в соблюдении законов, и что необходимость работать, чтобы стать полезным членом общества, – это закон или необходимое отношение, происходящее из природы разумного и физического человека.

Де Бональд считает, что правительство должно заботиться о тех, кто служил ему, и не допускать того, чтобы бывшие солдаты обращались за помощью к частной благотворительности, и создавать условия, чтобы силы трудоспособных солдат были использованы на благо их семей или государства. Администрация должна давать подданным примеры всех добродетелей, и если первая социальная добродетель – это справедливость, то вторая – благотворительность, пишет он. Во Франции существовали учреждения, предназначенные для солдат-инвалидов, напоминает де Бональд. Администрация должна предотвращать бродяжничество детей, поскольку так они останутся без воспитания и столкнутся с соблазнами.

Какие ресурсы оно бы ни задействовало, правительство никогда не облегчит все частные бедствия. Более того, когда администрация помогает облегчать тяготы, она должна быть осторожна, чтобы не лишиться частную благотворительность, мощного средства сближения между разными условиями, необходимого питания. Зарплатой, выплачиваемой за полезный труд, а не щедротами, выдаваемыми праздному бедняку, богатые исполняют свое религиозное и политическое предназначение. Они, в соответствии с взглядами провидения и интересами государства, – хранители и распорядители тех плодов, которые природа дает всем людям. Вот почему в большом обществе необходимы крупные землевладельцы, которые предоставляют средства к жизни бедным, и всегда обращаются к улучшению сельского хозяйства.

Правительство не должно предоставлять бедным работу, убежден де Бональд, поскольку возникнут те же проблемы, что и в благотворительных рабочих домах, кроме тех случаев, когда речь идет об изготовлении и содержании государственной собственности. В первую очередь правительство должно создавать такие условия, чтобы бедные могли сами находить работу, управление администрации должно быть мудрым, внимательным, дальновидным и усердным. Государство должно следить за тем, чтобы мужчины полностью не забирали те профессии, к которым природа, и даже целесообразность призывает женщин.

Бедных инвалидов не следует содержать в госпиталях и тюрьмах, убежден де Бональд. Хотя бедные инвалиды могут быть назойливыми, они не опасны, а лишь неизбежная опасность для общества может позволить правительству ограничить независимость человека [12, р. 194-199]. Если человек не может стать собственником в силу природных ограничений,

политическое общество и религиозное общество, должны возместить ему недостаток его способностей, и обеспечивать его существование. В этом цель госпиталей и других благочестивых учреждений. Политическое общество направляет человека в них, а религиозное - принимает там. Правительство гарантирует нетрудоспособному подданному обеспечение, которое он не может заработать с помощью труда, а религия дает его уму уроки, полезные при невежестве, и его сердцу – драгоценное утешение в несчастях.

В этих благочестивых учреждениях, в управлении которыми участвовали, во всяком случае во Франции, все религиозные и политические властные структуры городов, где они располагались, к бедным относились с уважением. Существовали и злоупотребления, а забота была, разумеется, не такой, как в семьях. Правительству, убеждён де Бональд, следовало улучшить управление госпиталями и контролировать его, запретить их администраторам спекуляции и растраты. Бональд критиковал переход от содержания госпиталей за счёт их земель к финансированию государством. Философия радикальных кругов смогла исполнить свои разрушительные замыслы, пишет он. Имущество и здания этих учреждений были проданы или упразднены, и Франция без госпиталей сама стала огромным госпиталем [12, р. 191-193].

В структуре административной иерархии, по мнению де Бональда, всегда имеет место субординация религии и корпораций по отношению к государству, следующая из их взаимозависимости и социальных задач. Религиозные ордена необходимы для политического общества, которое даёт им социальное предназначение, позволяя им обеспечивать государственное образование, заботу о больных, помощь бедным [12, р. 73]. Корпорации, убеждён де Бональд, угасают, если правительство перестает защищать их и обеспечивать сохранение их правил [12, р. 25]. Корпорации – суть устроенного общества. Они объединяют всех людей, все семьи, все профессии. Внутренняя тайна монархии в том, что она видит человека только в семье, семью только в профессии, профессии только в корпорациях, пишет де Бональд [12, р. 27].

Внимание французских монархистов начала XIX века к социальным проблемам было неодинаковым. Наиболее подробно этот вопрос разбирал де Бональд, который указал на ряд недостатков существовавших во Франции схем поддержки и предложил свое видение организации государственной помощи нуждающимся. Шатобриан, обсуждая социальную роль христианства, приводил примеры деятельности церкви и орденов. В работах де Местра тема социальной политики находится на периферии размышлений, но он упоминает вклад иезуитов в развитие европейского образования, и, следовательно, социальное служение церкви. Внимание к образованию соответствовало общему духу просвещения и восприятие образования как ценности сближало позиции консерваторов и радикалов, несмотря на противоречия по вопросам формы правления, религии и отношения к традициям. Указания де Местра и Шатобриана на роль церкви в

образовании подтвердились в конфигурации образовательной системы Франции XIX века, когда католическая церковь содержала большинство школ в стране [14, р. 32]. Система де Бональда предвосхищала логику социального государства, которое сформировалось во Франции уже в XX веке. Оно сочетало корпоративизм и этатизм, и сложилось в виде множества параллельно сосуществующих форм и схем поддержки. Политическая философия де Бональда совместила идеи защиты собственности и элементы коллективизма, в том числе такие категории, как общая воля, моральное равенство, перекликающиеся с размышлениями радикалов, хотя де Бональд и не признавал общественный договор и защищал социальную иерархию. Уникальные особенности политической мысли французских консерваторов повлияли на своеобразие административных решений в системе французской социальной политики, сохраняющихся по настоящее время. Аргументация консерваторов начала XIX века – идеи солидарности, служения, милосердия, прочного нравственного фундамента для воспитания – могут быть востребованы в современной политической философии и в организации социальных преобразований.

Список литературы

1. Дегтярева М.И. Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России: диссертация ... доктора философских наук. Москва: Институт философии РАН, 2009. 321 с.
2. Казакова Г.Х. Романтический историзм и проблема реабилитации средневековой культуры в творческом наследии Ф.Р. де Шатобриана: диссертация ... кандидата исторических наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет 2017. 221 с.
3. Тишкова М.В. Политические взгляды Луи де Бональда у истоков французского традиционализма: диссертация ... кандидата исторических наук. Москва, 2006. 190 с.
4. Ростиславлев Д.А. Традиционалистская модель социального государства в сочинениях Л. де Бональда // Право и общество, № 2 (18) 2016. С. 129-153.
5. Фененко А.В. «Национальная идея» французских консерваторов XIX века. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. 280 с.
6. Camcastle C. More Moderate Side of Joseph de Maistre. Views on Political Liberty and Political Economy. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2005. 296 p.
7. Chateaubriand R.F. De la monarchie selon la charter. Paris: Normant, 1816. 108 p.

8. Документы истории Великой французской революции. Т.1. Отв.ред. А.В.Адо. Москва: Издательство Московского университета, 1990. 528 p.

9. Maistre, de J.-M. *Against Rousseau: On the State of Nature and On the Sovereignty of the People*. Ed. and transl. by Lebrun R.A. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1996. 248 p.

10. Maistre, de J.-M. *Essai sur les principes généraux des constitutions politiques*. Lyon: M.P. Rousand, 1833. 92 p.

11. Chateaubriand R.F. *The Genius of Christianity*. Baltimor: John Murphy, 1871. 763 p.

12. Bonald, de L.G.A. *Theorie du pouvoir politique et religieux*. En 3 t. T. 3. Paris: Imprimerie D'Adrien Le Clerc. 1843. 362 p.

13. McHugh T. *Hospital politics in Seventeenth-Century France*. Aldershot: Ashgate, 2007. 191 p.

14. Martin B.F. *Count Albert de Mun: Paladin of the Third Republic*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1978. 386 p.

Подольский Вадим Андреевич, канд. полит. наук, научн. сотрудник, deomniscibili@yandex.ru, Россия, Москва, Институт философии РАН

*INTERPRETATION OF SOCIAL POLICY IN POLITICAL PHILOSOPHY
FRENCH CONSERVATIVES OF THE EARLY XIX CENTURY*

V.A. Podolskiy

The discourse of political philosophy examines the interpretations of the main problems of social policy by representatives of French conservatism of the XIX century, which became a reaction to the French revolution. Their assessments of such key issues of political life as the form of government and the role of religion in the state, which are opposite to the views of radicals, are analyzed. At the same time, on a number of issues and philosophical ideas, the opponents' positions either coincided, or the dispute could be about means, not goals. The French conservatives proposed various methods of solving social problems, many of their proposals repeated those proposed by the radicals, and anticipated the variety of institutional transformations that became a distinctive feature of French social policy already in the XIX century and significant for modern society.

Keywords: de Bonald, de Maistre, Chateaubriand, conservatism, social policy

Podolskiy Vadim Andreevich, candidate of political sciences, research fellow, deomniscibili@yandex.ru, Russia, Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 101.1

DOI: 10.24412/2071-6141-2022-3-185-195

УМНЫЙ ГОРОД КАК ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Т. Н. Серегина

В дискурсе социальной философии рассматривается концепция умного города как феномена информационного общества. Показано ее методологическое основание и значение для осмысления процессов трансформации индивидуального и массового сознания горожан в современном мире. На основе сравнительного анализа моделей умного города выявляются основные факторы, воздействующие на формирование ценностей и норм поведения жителей современного города в условиях их вовлеченности в сферу виртуальной реальности, участия в сетевых коммуникациях. Социально-философский анализ комплекса процессов, обеспечивающих появление умного города, помогает определить перспективы его развития, отражающие возрастающую интеграцию различных сфер общественной жизни для повышения эффективности управленческой деятельности, использование достижений высокой технологии для удовлетворения потребностей граждан в эпоху урбанизации и глобализации.

Ключевые слова: философия города, умный город, идентичность горожан, коммуникация, информационные технологии.

Урбанизация наряду с индустриализацией стала ведущим трендом трансформации современного общества, темпы которой заметно ускорились в условиях информатизации. Современный город меняется коренным образом — это не только количественный рост в основном за счет миграционных процессов, но и качественные изменения под влиянием объективных факторов (экологических, геополитических, технологических, экономических, демографических) и субъективных (трансформация ценностей и интересов горожан). Таким образом, город в эпоху глобализации становится главным источником социальной динамики и пространством, в котором изменение ценностей и образа жизни людей проявляется наиболее очевидно.

В современной науке и в градостроительстве сформировались различные интерпретации сущности города, его структуры и перспектив развития в желаемом направлении, оптимизации городских поселений в интересах людей. Наряду с утопическими версиями идеального города-сада были созданы проекты адаптивного города, 15-минутного города, здорового города, самодостаточного города, города-губки, низкоуглеродного города, исторического города, глобального города, сетевого города так называемого «умного города» и т.д. Рассматривая город в философском дискурсе как квинтэссенцию общественной жизни, следует учитывать диалек-

тику единых оснований городского сообщества и их многообразных проявлений в конкретном культурно-историческом контексте. Методологический плюрализм подходов отражает единую природу различных типов городских поселений, возникших в процессе исторического развития человечества, мозаичность потребностей и интересов их жителей как носителей различных культурных традиций в соответствии с их ценностями и нормами поведения, сложившимися в определенном историческом контексте, которые еще более усложнились в условиях глобализации.

Эффективно использовать технологические достижения для социальных изменений можно только с помощью обобщения больших данных, возрастания значения компьютеризации и сетей Интернет. Открытым остается вопрос о возможностях, которые они предоставляют для развития человека, определения его идентичности, системы ценностей.

Термин *Smart city*, введенный в 1980–1990-х годах, был синонимом *intelligent, digital, cyber city* [1, с. 17]. В работе Никоса Комниноса «Умные города и интеллектуальные связи: платформы, экосистемы и сетевые эффекты» показано становление традиции разработки теорий и методов оптимального управления жизнедеятельностью города посредством интеллектуальных достижений, выраженных в высоких технологиях. В 2000-х годах концепция умных городов заинтересовала представителей крупных корпораций и политических структур. Так, IBM запустила программу «Умнеющие города», появилось европейское движение «Соглашение мэров и стратегия «Европа 2020»» [1, с.18]. Цели подобных стратегий управления схожи — это экономия ресурсов, повышение качества жизни горожан, социальные программы борьбы с бедностью и т.д. Можно сказать, что умный город – скорее метафора, устоявшийся в современных гуманитарных науках образ, чем строгое понятие.

Международный союз электросвязи (ITU) предложил следующее определение умного города: «это инновационный город, который использует ИКТ для повышения уровня жизни, более высокой эффективности любых видов деятельности и услуг в городах, конкурентоспособности в экономических, социальных, экологических и культурных аспектах» [2]. Умный город здесь выступает одновременно и как устойчивое сообщество, хотя это совсем не одно и то же с точки зрения его сущности, структуры и функций. Город функционирует как огромный механизм, обеспечивающий безопасную жизнедеятельность горожан, соответствующую экологическим стандартам природной среды. В такой модели не отражены экзистенциальные характеристики человека как особого биологического вида и его право на индивидуальные качества, которые могут быть им реализованы в условиях городского поселения. Личность понимается как винтик этого единого механизма, подчиненный ему вторичный элемент системы.

Компания CISCO рассматривает умный город как систему ряда взаимосвязанных компонентов: электронное правительство, регулируемые компьютерной сетью здравоохранение, социальное обеспечение, умные

здания, интеллектуальный транспорт, умное освещение, водоснабжение, парковки – то есть практически вся городская инфраструктура. После сбора данных предполагается построение цифровой модели города, обеспечение совместимости подключения сторонних программных продуктов («одна сеть, одна платформа, множество приложений») [3]. Таким образом, как и международный союз электросвязи, компания CISCO делает акцент в развитии умного города на цифровое согласование всех функций современного города как сложной социотехнической системы.

Британский институт стандартов определяет умный город как «интеграцию физических, цифровых и человеческих систем в искусственно созданной среде с целью обеспечить устойчивое, благополучное и всестороннее будущее для граждан и менеджмент в области здравоохранения, дорожного движения и городской логистики» [4, 5]. Умный город рассматривается как носитель функций единой системы, обеспечивающих комфорт своих жителей. В этом определении ученых из британского института не учтены духовные потребности горожан, их интеллектуальные интересы, а город изъят из природного, социального и исторического контекста. Эти недостатки в понимании сущности города и горожан можно увидеть и в определении CISCO.

Эксперты ООН понимают развитие умного города как одно из условий устойчивого развития, способствующее преодолению бедности, снижению энергопотребления, реализации социальных программ, гуманистической ориентированности глобального мира, участием граждан в управлении городами и в формировании облика своей жилой среды для создания комфортной и доступной инфраструктуры, общественных пространств [6]. В документах ООН упоминаются гуманистические компоненты программы преобразования городов, но гуманизм представлен только как защита прав и свобод человека, а не целостное преобразование всей социальной сферы, сообществ горожан, их потребностей, оптимизация способов коммуникаций горожан, возможностей общения и выстраивания диалога, понимания своей общегородской идентичности – причастности к бытию города, в котором она сформировалась.

Таким образом, главные субъекты реализации моделей умного города имеют разное понимание как его сущности, так и целей развития. CISCO акцент делает на цифровизации и технократизации городов для решения социальных проблем и безопасности жителей. ITU учитывает решение экономических и экологических проблем как главных условий обеспечения качества жизни горожан, ООН защищает права человека, равноправие и развитие социальных субъектов, интересы городских сообществ и отдельных граждан.

В результате правительства и административные органы ряда крупных городов начали осуществление программ по внедрению систем умного города, в частности, были разработаны такие проекты как «Сингапур 2025», «Нью-Йорк 2021», «Лондон 2020», «Берлин 2020», «Дубай 2021»,

«Барселона 2020». В процессе их реализации стала очевидной существенная роль горожан в жизни и развитии города. В программах были выделены новые структурные компоненты – расширение и улучшение городских сервисов, создание технологий для обеспечения возможностей умного города, инклюзия и мобильность горожан, дружественная и привлекательная среда для бизнеса, объединенные посредством сетей правительство и бизнес-структуры, универсальный доступ граждан к культуре, образованию и здравоохранению [4]. Важным стал учет гуманистических компонентов в моделях умных городов, роли горожан как участников процесса развития городских коммуникаций. Модели умного города получили распространение по всему миру как наиболее эффективные формы организации и управления жизнью горожан. Международная сеть компаний PricewaterhouseCoopers считает развитие умных городов одним из главных достижений человечества в XXI веке. Целью умных городов должно стать создание «подключенных эффективных и круглосуточных услуг для горожан» [7]. PricewaterhouseCoopers составила рейтинг готовности городов к внедрению высоких технологий, Москва стала одним из лидеров этого опроса, наряду с Лондоном, Нью-Йорком, Шанхаем и Лондоном. Москвичи приветствуют введение технологий, но не готовы их использовать по разным причинам – не хватает навыков, технических возможностей и т. д. Москва заняла 1 место по наличию многочисленных виртуальных сервисов, которые обслуживают потребности горожан. Согласно оценкам специалистов, технологическая и инфраструктурная готовность Москвы к предстоящим изменениям составляет 76 %.

В России появились пилотные проекты умных городов. В 2020 г. Министерство строительства РФ опубликовало рейтинг умных городов России, основным критерием которого стал индекс цифровизации городского хозяйства. Лидерами стали Москва, Воронеж, Казань, Белгород, Химки, Тюмень, Щелково, Екатеринбург, Уфа, Санкт-Петербург, Нижневартовск, Рязань, Ставрополь, Саратов [8]. Минстроем РФ совместно с МГУ им. М. В. Ломоносова был разработан Индекс умных городов, в котором учитывается 47 показателей. В документе выделены основные индикаторы технической и экономической эффективности умного города. При анализе используются следующие показатели: городское управление, умное ЖКХ, инновации для городской среды, умный городской транспорт, качество работы систем безопасности (социальной и экологической), уровень и возможности для инвестиций, перспективы туристической отрасли и т.д. Можно констатировать успешное и масштабное начало реализации проекта умных городов в России. Недостатком этой программы является универсальный подход в измерениях, когда одни и те же критерии применяются для оценки совершенно разных городов – как малых, так и огромных мегаполисов. Подобная уравнивательность лишает город своей самобытности и уникальности.

Некоторые прагматически настроенные лидеры рассматривают умный город как коммерческий проект, прибыльный бизнес или выгодную политическую стратегию. В философском дискурсе необходимо выделить аксиологические аспекты анализа умного города, показать, какие нормы и ценности он формирует у своих обитателей, каким образом горожане идентифицируют себя в качестве жителей такого поселения, как происходят процессы социализации в подобных условиях.

Модели умного города отнюдь не утопичны, это качественно новый уровень организации городской среды. Необходимо воспользоваться теми возможностями, которые предоставляют современные технологии и система больших данных для формирования новых форм общественного сознания горожан. Технологии сделали прозрачной жизнь людей в городе, который стал измеряемым и контролируемым, что позволило выявить индикаторы его развития и прогнозировать их тенденции. С другой стороны, эти данные обеспечивают предоставление информации о состоянии городской среды и ее динамике не только властным структурам города, но и его жителям, предоставить им образ города, в котором они проживают. Получив данные о жизнедеятельности горожан, их потребностях и интересах, ценностях и нормах поведения, можно выстроить концепцию города как общественного явления, особого социального феномена. Авторы концепции умного города своей целью видят устойчивое развитие городских поселений на основе гармонизации экономической деятельности и социальной сферы с учетом решения экологических проблем. Соединив знания о запросах горожан с их представлениями о городе, в котором они живут, можно построить концепцию оптимального развития городского социума.

Умные города представлены моделями 1.0–5.0, соответственно представляющими все более высокие ступени социальной и технологической организации.

Умный город 1.0 – измеряемый город, ориентированный на высокие технологии, обеспечивающие эффективное управление качеством городской среды, транспортной и логистической системой, энергосбережение, удовлетворяющее определенные запросы горожан применительно к качеству жизни, но участие жителей в организации его жизнедеятельности создатели данной модели не предполагали.

Модель умного города 2.0. разработана с учетом потребностей и горожан, как и модель 1.0, ориентирована на улучшение качества их жизни при помощи технологий, но недостаточно обеспечивает обратную связь администрации города с его жителями. Модель 2.0 характерна для городов с устоявшимися культурными и историческими традициями. В отличие от модели 1.0 целью модели 2.0 является не только внедрение новых технологий, но совершенствование всей системы управления ими [9]. Модель 2.0 реализуется в Москве, проект назван «Умный город - 2030», он ориентирован на «инновационный город, использующий цифровые технологии для повышения уровня и качества жизни, эффективности деятельности и услуг

в городе, а также конкурентоспособности при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономических, социальных, культурных и природоохранных аспектах» [11]. Здесь можно увидеть переориентацию на социальные изменения в городе с помощью использования больших данных. Данная модель более эффективна, чем модель 1.0 и позволяет учитывать интересы нормы и ценности горожан. Ее реализация требует поддержки горожан, их заинтересованности в изменениях городской среды, и наличия действенных каналов обратной связи. Активизируйте граждан – призывала С. Сассен, эта идея «позволит «взломать» город – открыть традиционно закрытые системы и разрушить укоренившиеся представления об оптимизированном урбанизме» [10, с. 58]. Модель 2.0 становится исходной точкой фиксации сущности общественного сознания горожан, так как она предполагает наличие человеческого капитала и создание в городе креативного класса, о котором писали Ч. Лэндри и Р. Флорида. Город становится пространством культуры, образовательной средой, технологически оснащенной благодаря сетям Интернет, Wi-Fi, на основе коммуникативной связи появляются возможности для становления нового типа идентичности – городской идентичности. Недостатком модели следует считать неравенство мнений горожан, поскольку учитываются запросы только отдельных групп населения, активных жителей или участвующих в опросах. Невозможно создать общую картину требований и пожеланий всех горожан, в частности, некоторые пенсионеры не готовы или технически не способны участвовать в компьютерных опросах.

Модель умного города 3.0 можно назвать продолжением и развитием модели 2.0. Она ориентирована не только на интересы и запросы городского сообщества, но и на развитие отдельной личности. Функционирование модели 2.0 определяется разработчиками технологий, менеджерами и политиками города, а в модели 3.0 заложена необходимость постоянной обратной связи управленческих структур с его жителями. В таком городе появляется «креативный класс» горожан, социально активный, осознающий свои возможности в изменении городской среды, трансформирующий ее под свои потребности. В Вене реализуют модель 3.0, которая предусматривает как социальные проекты помощи бездомным, так и поддержку гражданской, правовой активности молодежи в рамках проекта «Веркштадт: молодая Вена», повышение эффективности существующих отраслей производства и культуры, поддержку стартапов, внимание уделено освоению пожилыми людьми информационных технологий и включению их в новую цифровую реальность, для чего создан специальный проект WAALTER [12].

В последнее время начинают внедрять модели умного города 4.0, которая понимается как инструмент формирования «умной нации». В этой модели акцент сделан на умении использовать технологии, нация позиционируется как сообщество, которое решает экономические, социальные проблемы при помощи информационных технологий. Такой проект «умная

нация и цифровое правительство» реализуется в Сингапуре с 2014 года, его компоненты - городская мобильность, поощрение инноваций через платформу data.gov.sg, повышение качества услуг государственных служб [13]. Важным элементом этой модели стали открытые данные по всем направлениям развития города – от транспорта, коэффициента рождаемости, строительства жилья до этнического состава населения. Сайт позволяет гражданам взаимодействовать с властными структурами и любыми организациями – это возможность выбора школ, заказа такси и т.д. Получение информации о состоянии всех сфер данного социума и управляемых тенденциях их развития, о реализации намеченных проектов и программ, позволяет нации увидеть себя как единое целое.

Наиболее совершенная модель 5.0 как основа интеллектуального градостроительства предполагает согласование жизнедеятельности городского сообщества с виртуальным пространством, использование платформы «Интернета вещей» (IoT), биотехнологий, роботизации и искусственного интеллекта. Городскую систему 5.0 характеризует оптимальная организация, обеспечивающая высокую степень стабильности, способность противостоять кризисным ситуациям, а не только удовлетворять запросы и интересы граждан, Стратегия ее жизнедеятельности определяется «Целями устойчивого развития» ООН, ориентированными на создание гуманистического общества для человека, в котором «каждый может наслаждаться высоким качеством жизни, полной энергии» [14].

Субъекты, осуществляющие подобные проекты, соперничают друг с другом, вкладывают огромные человеческие и финансовые ресурсы в усовершенствование своих городов. Ежегодно выходят рейтинги умных городов на основе разных стандартов, предполагающих, прежде всего, стабильное состояние, доступность данных, уровень выбросов вредных веществ в атмосферу. Верхние строчки в этих рейтингах занимают привлеченные инвестиции, которые стимулируют развитие города, делают его узнаваемым и интересным для туристов.

Человек постепенно становится все более связанным с умным городом, поскольку невольно предоставляет ему свои данные. Остается открытым вопрос – какого человека породит такой город, с какими ценностями и мировоззрением? Умный город должен формироваться и развиваться для самореализации человека как творческой личности, он должен стать гуманистическим проектом, в котором горожане через институты образования, различные культурные и социальные программы включаются в организацию городского пространства и управление им. Экономические и экологические проекты, безопасность становятся важным фундаментом для развития личности, «технология — это инструмент для достижения более широких целей города» [15]. Умный город предоставляет информацию, необходимую для создания стартапов, выбора места жительства, регулирования автотрафика, ориентации в городском пространстве. На основе этих данных город становится площадкой для формирования городского сообще-

ства со специфической системой ценностей, норм и правил поведения, которую можно условно назвать своеобразным городским общественным сознанием.

Традиционные гуманистические ценности «свобода, равенство, братство» дополняются специфически городскими «комфорт, безопасность, устойчивость» [1]. Анализ всех моделей умного города показал, что современному человеку важны не только комфорт, экономическое благополучие, экологическая безопасность, но и ощущение исторической идентичности, культурной преемственности, наличие возможностей для общения, досуга и создания сообществ по интересам.

В городе появился особый тип личности – городской человек, имеющий специфические ценности и нормы поведения, проявляющиеся в образе жизни и характере деятельности. Г. В. Горнова выделила следующие типы горожан: «деятель, кочевник, космополит, чужак, фланер, этнический крестьянин, житель трущоб, потребитель досуга» [16, с. 300]. Жизненные установки обитателей современного города формируются в условиях полифоничной городской культуры, обуславливающей многообразные возможности самоопределения человека в противоречивом городском мире. Город, являясь поликультурным образованием, вынуждает человека функционировать одновременно в разных сферах деятельности, исполняя разные социальные роли и функции. Массовое и индивидуальное сознание обитателей современного города отражается в разнообразных моделях жизнедеятельности горожан, общая основа которых – экзистенциальные характеристики человека как биологического вида – стремление к свободе и самореализации, связанные с ними виды деятельности и коммуникации.

В современном городе складывается новый тип идентичности. В умном городе человек соединен с виртуальным миром, взаимодействуя с «чувствующими и мыслящими устройствами, соединенными между собой» [17, с. 50]. Подобный тип личности формируется новыми типами коммуникации и принадлежит сетевому миру. В информационном обществе появляется человек, входящий в несколько сетей, теряющий и одновременно приобретающий множественные роли и идентичности.

Город, традиционно понимавшийся как пространственной и временной феномен, в XXI веке трансформировали информационные технологии. Интернет встроил его в глобальный мир и изменил пространственно-временные характеристики. Время в городе больше не является линейным и однонаправленным, оно стало релятивным, зависимым от места и контекста. Согласно М. Кастельсу, социальное пространство исчезает [18, с. 36], город состоит из кластеров (автономное территориальное образование внутри мегаполиса, предоставляющее населению все функции города). По его мнению, города (большие и малые, провинциальные и столицы) перестали быть иерархиями, представляют собой сеть, где нет более или менее значимых. К. Ратти и М. Клодель предлагают концепцию управления городом на основе «гибридной модели с примесью хаоса» [10, с. 62]. Этот

подход важен антропологической и социальной констатацией необходимости включения горожан в режим функционирования компьютерных программ. Большие данные создают неопределенность развития и непредсказуемость ситуации, меняют значение человеческого фактора. Личность, сформированная на основе сетей Интернет, виртуального пространства, подвергается угрозе киборгизации, своеобразной кентавризации человека и компьютера. Исчезают привычные нормы межличностного общения, а мозаичность и фрагментарность сетевых коммуникаций, подменяющих реальные отношения симуляцией, ведет к изменению индивидуального и общественного сознания. Ж. Бодрийяр отмечал, что это вызывает у человека головокружение от действительности [19, с. 15]. Большие данные создали особую реальность – виртуальный мир, трансформирующий личность, предлагающий особую систему правил поведения в сети. Деятельность человека в сети, его предпочтения, ценности, интересы фиксируются в базе данных и в дальнейшем сетью поддерживаются. Из всего массива данных отбирается только релевантная данной личности информация, оставляя вне зоны внимания конкретного человека другие аспекты и сферы жизни общества. Мы получаем оцифрованную личность и ее оцифрованную жизнь. Принадлежит ли эта жизнь человеку? Получив неограниченный доступ к персональной информации, компьютерные сети ограничивают его возможности, фактически трансформируя его сущность. Технологии дают человеку дополнительные функции, облегчающие его жизнь и восполняющие его возможности. С появлением мобильных, телекоммуникационных технологий культуролог и урбанист Поль Вирильо дополняет образ киборгизации понятием «революция трансплантантов» [10, с. 99]. Современный горожанин живет в мире большой деревни, благодаря интернет-технологиям и сетевому пространству он контролируется программным оборудованием, зависим от технологий и владельцев сетей. М. Маклюэн заложил основы понимания города как коммуникации, где каждый гражданин причастен к изменениям: «Город, понятый как сеть, превращается из городского пространства в медиакоммуникацию» [20, с.301-302]. По его мнению, сетевые общества порождает ценности рационализма и оптимизма, а город – пространство свободы. Умный город создает конвергентное общество и культуру участия [20, с. 308].

Умный город будущего — это город программ и личностей, которые определяют содержание этих программ в соответствии со своими экзистенциальными ценностями и базисными потребностями, идеалом оптимальной жизнедеятельности в контексте современного городского сообщества. Город будущего основан на информационных технологиях, коммуникациях и потреблении, основой поведения его жителей должны стать ценности свободы и ответственности, толерантности и солидарности, обеспечивающие открытость и способность к компромиссам. Образ жизни горожан, основанный на этих ценностях, делает их способными противо-

стоять вызовам, быть эффективными и адаптивными, получить желаемое ими качество жизни.

Список литературы

1. Сети города: Люди. Технологии. Власти. / Под редакцией Е. Лапиной-Кратасюк, О. Запорожец, А. Возьянова. М., Новое литературное обозрение, 2021. 576 с.
2. «Умные» устойчивые города URL: <https://www.itu.int/ru/mediacentre/backgrounders/Pages/smart-sustainable-cities.aspx> (дата обращения 19.05.2022).
3. Саенко О. Построение цифровой платформы города URL: https://www.cisco.com/c/dam/m/ru_ua/events/2017/dna-forum/pdf/1-1_CDP_osaenko.pdf (дата обращения 15.05.2022).
4. Умные города URL: <https://www.tadviser.ru> (дата обращения 15.05.2022).
5. Использование цифровых технологий. Информационное моделирование зданий (BIM), умные города и Интернет вещей (IoT) URL: <https://www.bsigroup.com/ru-RU/industries/construction-and-the-built-environment/managing-digital-technology/> (дата обращения 21.05.2022).
6. Цели в области устойчивого развития URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/> (дата обращения 22.05.2022)
7. Умные города URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/government-public-services/smart-cities.html> (дата обращения 18.05.2022).
8. Рейтинг умных городов в России URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения 18.05.2022).
9. Василенко И. А., Василенко Е. В., Егорова А. Н., Люлько А.Н. «Умный город» XXI века: возможности и риски смарт-технологий в городском ребрендинге. М., Международные отношения. 2018. 256 с.
10. Ратти К., Клодел М. Город завтрашнего дня: Сенсоры, сети, хакеры и будущее городской жизни. М., Изд-во Института Гайдара. М., 2018, 248 с.
11. Проект стратегии Москва «Умный город-2030» URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf (дата обращения 18.05.2022).
12. О чем умный город Вена? URL: <https://smartcity.wien.gv.at/en/home/>; <https://smartcity.wien.gv.at/en/projects/> (дата обращения 18.05.2022).
13. Формирование группы «Умная нация и цифровое правительство» в аппарате премьер-министра URL: <https://www.pmo.gov.sg/Newsroom/formation-smart-nation-and-digital-government-group-prime-ministers-office> (дата обращения 21.05.2022)
14. Общество 5.0 URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html (дата обращения 20.05.2022).

15. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура URL: <https://gkaf.nsu.ru/philos/castells.html> (дата обращения 21.05.2022).

16. Горнова Г. В. Философия города. М., ФОРУМ: ИНФРА М, 2015, 344 с.

17. Митчелл У. Дж. Я++: Человек, город, сети. М., Strelka Press. 2021. 328 с.

18. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.

19. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., Республика, Культурная революция, 2006, 269 с.

20. Микроурбанизм. Город в деталях/сб. статей под ред. О. Бердниковой, О. Запорожец. М., Новое литературное обозрение, 2018. 352 с.

Серегина Татьяна Николаевна, канд. филос. наук, доц., seregina.tatiana@gmail.com, Россия, Москва, Финансовый университет при Правительстве РФ

*SMART CITY AS A PHENOMENON OF INFORMATION
SOCIETY: A SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS*

T. N. Seregina

The concept of a smart city as a phenomenon of the information society is considered in the discourse of social philosophy. Its methodological basis and significance for understanding the processes of transformation of the individual and mass consciousness of citizens in the modern world are shown. Based on a comparative analysis of smart city models, the main factors influencing the formation of values and norms of behavior of modern city residents in the context of their involvement in the sphere of virtual reality and participation in network communications are identified. A socio-philosophical analysis of the complex of processes that ensure the emergence of a smart city helps to determine the prospects for its development, reflecting the increasing integration of various spheres of public life to improve the efficiency of management activities, the use of high technology achievements to meet the needs of citizens in the era of urbanization and globalization.

Keywords: city, smart city, citizens, identity, communication, technology.

Seregina Tatyana Nikolaevna, candidate of philosophy sciences, dozent, seregina.tatiana@gmail.com, Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation

ОНТОГЕНЕЗ ГЛОБАЛЬНОГО ГОРОДА: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Т.Н. Самсонова, И.А. Вершинина

Города все больше находятся в центре внимания обществоведов: социологов, философов, политологов, культурологов, историков, представителей других гуманитарных наук, занимающихся их изучением с учетом предметной области своих исследований. Большой интерес вызывают т.н. глобальные города, поскольку они выступают средоточием ключевых проявлений глобализации, не только в значительной степени определяя лицо глобального мира, но и отчетливо отражая присущие глобализационным процессам проблемы. Более того, сами глобальные города в немалой степени порождают глобальные изменения. Повышенное внимание исследователей обусловлено не только ростом и неоднозначными последствиями урбанизационных процессов, но и все более широким применением интеллектуальных информационных технологий в повседневных городских практиках, что неизбежно ведет к изменению среды обитания подавляющей части населения земного шара, возникновению и переживанию онтологических проблем.

Несомненно, немаловажную роль в этих условиях призван играть социально-философский анализ современной городской среды, поскольку происходящие глубокие трансформации коренным образом изменяют отношения между людьми, их менталитет, образ жизни, культуру и т. д. Исследование перемен в городском пространстве и их последствий позволит проследить действие механизмов глобализации через призму той социально-политической действительности, в условиях которой формируется среда повседневного существования сотен и сотен миллионов людей с их успехами, опасениями, возникающими онтологическими проблемами. Вопросы национально-государственной идентичности, острые социальные проблемы, этические аспекты и потенциальные риски использования в процессе цифровизации алгоритмических систем (усиление социального неравенства, маргинализация индивидов и социальных групп, эксплуатация и опасность возникновения «общества надзора»), - вот те серьезные вызовы, которые сопровождают рост глобальных городов, оказывая заметное влияние на социокультурные условия жизни и мировосприятие их жителей.

Ключевые слова: глобальный город, мировой город, глобализация, городское пространство, коннектография, цифровизация, онтологические проблемы, горожане.

Научные, технологические и культурные достижения человечества неразрывно связаны с городами. «Город представляет собой меру развития сущностных сил человека, так как именно в городе активность, социальность, субъектность, рациональность человека представлены наиболее полно; город является результатом и объектом творческой деятельности человека» [1, с. 5]. Поэтому немаловажное значение имеет философский ракурс исследования городской среды, учитывая, что в функционировании современных городов происходят, наряду с другими, значительные технологические изменения, существенно меняющие образ жизни, мировосприятие городского населения. Философское осмысление жизни в современ-

ных городах, нацеленное на изучение взаимоотношений в системе «человек – городская среда», имеет несомненный антропологический вектор [2].

В начале XX века П. Геддес ввел в научный оборот понятие “мировой город”, называя так играющие наиболее значимую роль в мировой истории города, центры политической власти, мировой торговли и других сфер жизнедеятельности общества. В 1984 г. С. Сассен, известная американская исследовательница в области глобализации, урбанистики, предложила понятие “глобальный город”. Глобальные города, в отличие от мировых, появляются на определенном этапе развития, выполняя ключевые функции в мировой экономической системе. Впрочем, большинство глобальных городов являются одновременно и мировыми. Глобальным городам присуща высокая степень специализации в обслуживании глобальных рынков. В опубликованной в 1991 году, приобретшей широкую известность книге С. Сассен «Глобальные города: Нью-Йорк, Лондон, Токио» эти города охарактеризованы как “стратегическое пространство, где глобальные процессы материализуются на национальной территории с помощью национальных институтов и организаций” [3, р. 347]. Между глобальными городами существует тесная связь, и в то же время ведется острая конкурентная борьба.

В эпоху глобализации наиболее значимым и богатым экономическим субъектам, корпорациям, широко применяющим самые современные информационные технологии, особенно важен доступ к комплексу сложных специализированных услуг, которые как раз и предлагают глобальные города. В них открываются все новые и новые представительства транснациональных корпораций, создаются новые рабочие места, что обуславливает большой приток внутренних и внешних мигрантов.

Количество глобальных городов постоянно увеличивается. С 2008 года составляется рейтинг глобальных городов (в 2008, 2010, 2012, 2014 и 2015 годах). В 2015 году их стало 125. (Попутно заметим, что помимо Москвы, присутствующей во всех пяти рейтингах, в список вошел еще один российский город – Санкт-Петербург. Москва, и это несмотря на международные санкции против России, последовательно улучшает свои позиции: в 2015 году она заняла 14 место [4].

Происходящие масштабные трансформации, особенности функционирования, вовлеченность в мировую экономическую систему, формирование урбанистических сетей – все это ведет к ослаблению связей глобальных городов со своими регионами и с государством. Нельзя не отметить, что своего рода проблема современной урбанистики – большое многообразие образов города, «для представителей разных дисциплин, изучающих город, и сторонников различных парадигм – свой город, своя реальность, различающаяся как своей онтологией, так и релевантными ей предметами исследования» [5, с. 31]. Это свидетельствует о необходимости разработки исследовательской программы, в том числе и дальнейшего развития фило-

софии города, осмысления онтологических проблем, встающих перед горожанами, вынужденными переживать изменения в образе жизни и переосмысливать происходящие перемены.

Весьма своеобразное, в чем-то даже «провокационное» развитие глобальная урбанистическая система С. Сассен получила в исследованиях П. Ханна – американского аналитика индийского происхождения, посетившего более 100 стран на всех континентах, называющего себя, в соответствии с разработанной им концепцией, «гражданином мира» и «глобальным интеллектуалом». Возрастание связей между городами, по его убеждению, порождает своего рода эволюцию современного мира от географии к т. н. «коннектографии» (работа «Коннектография: нанесение на карту будущей глобальной цивилизации», 2016) [6]. Как и С. Сассен, он рассматривает глобальные города как ведущие центры нового мирового порядка, учитывая, что, по некоторым оценкам, в крупных городах в ближайшем будущем будет жить почти четверть населения мира. А поэтому «коннектография», то есть функциональная география, полагает он, важнее традиционной политической географии.

П. Ханна разделяет точку зрения С. Сассен о том, что эффективность функционирования глобальных городов требует их объединения в сети, которые составляют основу эффективной глобальной экономики завтрашнего дня, поскольку действующие в них транспортные и коммуникационные платформы заметно облегчают межличностные и деловые контакты и взаимодействие. П. Ханна тем самым практически отказывается от традиционного деления мира на страны посредством границ, утверждая, что в современных условиях существующие политические карты мира уже не имеют особого значения. И он предлагает новые карты мира (в работе 2016 года их 38), в которых отражена «связанность» как внутри регионов, так и между ними. Основой дипломатии в XXI веке становится, считает П. Ханна, не военная, а экономическая мощь, поэтому геополитические конфликты будут носить не военный, а инфраструктурный характер. (Текущие мировые события ставят под сомнение категоричность этих выводов исследователя).

Коннектография, по мнению П. Ханна, – это «победа» функциональной географии над политической. Формирующаяся глобальная матрица отражает переход от государствоцентричного порядка к многоакторному. Важнейшие акторы разработанной П. Ханной матрицы – т.н. 5 «Cs»: это страны (*countries*), содружества (*commonwealths*), города (*cities*), компании (*companies*), сообщества (*communities*) [7, p. 45-58]. Велика также, в силу распространения Интернета, роль «облачных сообществ» (*cloud communities*), поскольку все больше наша личная, профессиональная и коммерческая жизнь опосредуется интернет-технологиями.

Города, как «самые древние и стабильные формы социальной организации», существуют дольше национальных государств, поэтому они

«реальнее», чем разделяющие национальные государства границы. «Сейчас в мире намного больше функциональных городов, чем жизнеспособных государств, - считает П. Ханна. - Действительно, довольно часто города являются островами управления и порядка в гораздо более слабых государствах, они извлекают в своей стране любую выгоду, будучи безучастными к ней» [8, р. 52]. Другими словами, человечество вступает в эпоху глобальной сетевой цивилизации с ведущей ролью в ней именно городов. Поскольку в этих условиях традиционная картография не отражает новый формирующийся мир, необходимо составление карты мира с нанесением на нее основных мегаполисов. Они сформируют целые кластеры городов (*multi-city clusters*), связанные между собой передовыми инфраструктурными системами. По мнению П. Ханны, тем самым будет «перекроена» карта мира, и вместо государственных границ ведущую роль будут играть связи, обеспечиваемые созданной инфраструктурой. «Нам нужен мир без границ, - подчеркивает он, - поскольку мы не можем позволить себе разрушительный территориальный конфликт». И далее: «Страны, управляемые цепочками поставок, города, которые управляют собой, сообщества, которые не знают границ, и компании, обладающие большей властью, чем правительства, - все это свидетельствует о переходе к новому типу плюралистической мировой системы. Ряды таких глобальных авторитетов, которые находятся на наших картах связанности, быстро растут, и это служит напоминанием о том, что сама карта никогда не заканчивается в мире постоянных изменений... Если мы хотим пользоваться преимуществами мира без границ, то прежде всего должны его создать... Мы должны стремиться к такой "Pax Urbanica" [9, р. 58, 391].

Возникает закономерный вопрос: не слишком ли торопятся некоторые урбанисты, подобно П. Ханне, «сдать» национальные государства в «архив истории» и пытаться столь радикально «перекраивать» политическую карту мира? Можно ли говорить об «отмирании государства» в самой ближайшей перспективе? Несомненно, глобализационные процессы обусловили заметный рост субъектов мировой политики, привели к умножению и усложнению технологий поддержания внешнеполитических коммуникаций, к сдвигу от иерархических структур и отношений в сторону сетевого партнерства. Однако «государственническая» точка зрения, как нам представляется, предпочтительнее для осмысления и решения сложных процессов перехода к устойчивому развитию в условиях присущей эпохе глобализации неопределенности. Государство как универсальный институт обладает весьма эффективными рычагами государственного управления, что не раз подтверждалось в политической практике.

Именно в таком ключе рассуждает Й. Терборн, социолог шведского происхождения, один из наиболее цитируемых современных левых мыслителей. Он утверждает, что, говоря о «связанности», следует иметь в виду в первую очередь не объекты инфраструктуры, а политические взаимосвязи

[10, p. 314-316]. Поэтому в качестве объектов своих исследований выбирает, как правило, столичные города. Он находит «гораздо больше оснований для сохранения национально-государственной, чем для оформления глобальной безгосударственной системы» [11, с. 224]. Й. Терборн отвергает односторонность экономического подхода к исследованию городов, «сдвигающая» акценты с экономических аспектов на политические: «Мир интерпретировался исключительно как мировая экономика – причем экономика, в которой национальные государства либо просто отсутствуют, либо занимают периферийное положение – и уж точно являются феноменом отмирающим и безынтересным» [12, с. 21]. Нельзя, убежден он, игнорировать роль национальных государств. Что касается столичных городов, то они являются носителями национально-государственной идентичности, воплощением власти и национальной культуры, обладают особой символической составляющей. В их пространстве наглядно просматриваются триумфы и превратности национальной политической истории, происходят неизбежные реконструкции при изменении политических режимов [13-15]. (Достаточно вспомнить «сталинский ампиризм» в архитектуре, монументальном и декоративном искусстве СССР с середины 1940-х до середины 1950-х гг.).

В городской среде наглядно прослеживается социальная и классовая дифференциация. Глобализационные процессы привели к возникновению глобального социального неравенства. По мнению С. Сассен, Й. Терборна, именно в глобальных городах социальное неравенство проявляется особенно наглядно. Надо сказать, что глубина этой проблемы была осознана далеко не всеми исследователями-глобалистами, видевшими прежде всего положительные перемены. Однако джентрификация (реконструкция и облагораживание неблагополучных, пришедших в упадок районов. их заселение состоятельными представителями среднего класса) приводит к разрушению городских сообществ, росту цен на недвижимость. Передача собственности на землю в частные руки, по убеждению С. Сассен, пагубно сказывается на правах горожан [16].

В глобальных городах, в условиях бурного экономического развития становится все больше низкооплачиваемых рабочих мест. А поскольку одновременно растет и количество высокооплачиваемых рабочих мест, глобальные города все больше служат наглядными примерами социальной поляризации. Разрыв между высокими и низкими заработными платами не только обуславливает новое неравенство, но и ведет к сокращению среднего класса. Не случайно, осознавая остроту этой проблемы и необходимость ее решения, своей лучшей книгой С. Сассен считает работу «Выталкивание: жестокость и сложность в глобальной экономике», посвященную проблемам бедности, безработицы и миграции. На важность смягчения социальных неравенств, необходимость государственного перераспределения

как механизма решения социальных проблем указывает и Й. Терборн [17, р. 23; 18, с.5].

Глобальные города являются не только финансовыми центрами, но и играют важную роль в реализации современных коммуникационных и информационных технологий. Им присущи многие черты, характеризующие т.н. «умные» города [19; 20]. Именно в глобальных городах особенно хорошо видно, что социальная реальность формируется не только в результате взаимодействий людей. Ее важной, даже неотъемлемой составляющей стало применение цифровых технологий, использование преимуществ, которые можно извлечь в результате цифровизации. Но это не только дает новые возможности, но и несет риски и определенные ограничения, которые становятся следствием широкого распространения цифровых технологий. Это проявляется, например, в общественном беспокойстве, даже панике, обусловленными распространением алгоритмов, которые широко используются при сборе и обработке больших данных, вызывая у людей ассоциацию с массовой слежкой. При этом повышенное внимание уделяется алгоритмам, которые применяются при решении вопросов в таких областях, как миграция, кредитоспособность и здравоохранение. Это те сферы, где особую роль играют морально-этические вопросы. Многие алгоритмы основаны на выборе, сделанном людьми, исходившими из своих собственных представлений о том, что из себя представляет общество и различные социальные группы. Поэтому неудивительно, что сущность алгоритмов во многом является дискриминационной: они обеспечивают ценность одним моделям поведения (или характеристикам) и исключают другие. Отсюда амбивалентность городской среды: с одной стороны, это место свободы, огромных возможностей, а с другой, - предписаний, ограничений, возможного тотального контроля с использованием новейших технологий. По сути, «в городе реализуется в полном объеме еще одна общеизвестная идея: человек – существо не только активное, но и страдающее» [21, с. 7].

Проблема сохранения приватности в условиях почти тотального контроля с помощью цифровых технологий остро встала в период пандемии COVID-19, когда информационные технологии стали применяться особенно широко, и возникло опасение все большего ограничения прав на частную жизнь, формирования в обозримом будущем «общества надзора». Понятно, что такие опасения в первую очередь относятся к жителям глобальных городов. Впрочем, во всем мире людей беспокоит вопрос: не появится ли своего рода гибрид антиутопий Дж. Оруэлла и О. Хаксли, когда невозможно будет спрятаться от Большого Брата?! Задача состоит в том, чтобы, используя технологии цифрового наблюдения, системы больших данных и искусственного интеллекта, в максимальной степени снизить риск дискриминации и других нарушений, в том числе и прав расовых

меньшинств, живущих в бедности людей и других маргинализированных групп населения.

Несколько слов о культурной составляющей глобальных городов. В их пространство, утверждает С. Сассен, «вписана не только доминирующая корпоративная культура, но и многообразие других культур и идентичностей. Изменения очевидны: доминирующая культура может быть только в одной из частей города» [22, р. 281]. В результате массового притока мигрантов Нью-Йорк, Лондон, Берлин и другие глобальные города представляют собой космополитические конгломерации, при этом у каждого города эта интернационализация имеет свои особенности.

Солидные финансовые вложения корпораций и последующий редевелопмент (разумеется, в их интересах), чреват ощутимыми потерями для горожан, своего рода «утратой» города. На месте сносимых зданий строятся новые, но при этом жителей вытесняют из их районов проживания. Нередко ликвидируются общественно значимые, но не приносящие большую прибыль учреждения, а в наиболее привлекательных, с точки зрения прибыли, районах появляются штаб-квартиры корпораций, возводятся дорогостоящие жилые комплексы. Тем самым разрушается «ткань города», происходит своего рода «приватизация» городов, они теряют свою целостность. Хотя новые владельцы недвижимости – физические и юридические лица (бизнесмены и международные корпорации) являются представителями и гражданами разных стран, это вовсе не значит, что они представляют собой множество различных культур и традиций. По мнению С. Сассен, все они представляют собой, по сути, одну культуру – новую *глобальную культуру успешности*, они на удивление однородны, и это невзирая на разнообразие стран их происхождения, языки, культуру [23]. Тем самым глобальные города превращаются из мультикультурных и гетерогенных в гомогенные, даже однотипные.

Всесилие транснационального капитала, реализация нового урбанистического стиля приводят, отмечает и Й. Терборн, к стремительному изменению облика мировых столиц. Идет процесс конструирования «глобальных» достопримечательностей, в городском пространстве национальное все чаще заменяется глобальным. На месте маленьких улочек, общественного пространства и небольших строений возводятся огромные офисные здания, торговые центры. Тем самым меняется, и не в лучшую сторону, социокультурная среда обитания, что оказывает негативное влияние на образ жизни, возможности и настроения горожан, их чувство сообщества. Другими словами, корпорации *приобретают новые права*, а граждане *их теряют*. А распространение потребительской культуры все больше лишает людей способности к самостоятельному мышлению. Именно поэтому С. Сассен, А. Лефевра, Д. Харви и многих других исследователей волнует вопрос о том: кому принадлежит «право на город». Города не мо-

гут стать собственностью тех, у кого больше денег и кто может купить городское пространство» [24, с. 226].

Древнегреческому историку Фукидиду принадлежит афоризм: «Город – это люди, а не стены». Эти слова звучит в наши дни так же верно, как и во времена глубокой древности. Однако нельзя не заметить и другое: сначала люди строят города, а затем городская среда «перестраивает» людей, зачастую не только создавая более комфортные условия проживания, но и порождая новые проблемы. Это наглядно видно на примере функционирования глобальных городов, которые могут служить одним из наиболее показательных примеров последствий глобализации. Среди возникающих вызовов - их «отрыв» от остальной территории государств, в которых они находятся, разрыв между жителями глобальных городов и всеми остальными, что ведет к росту недовольства, как закономерного следствия усиливающегося социального неравенства. «Суперуспешность» может легко превратиться в негативную характеристику, вызвав раздражение и отторжение у значительной части населения, находящегося за пределами глобальных городов и исключенного из мировой экономики. Глобальные города вряд ли смогут самостоятельно, без помощи государства справиться с подобными вызовами в обозримом будущем» [25, с. 229].

Как замечает Й. Терборн, «как бы ученые ни описывали города, в первую очередь это именно места, оформленные как наполненные смыслами искусственные среды обитания, и именно как места их следует изучать» [26, с. 37]. Проблемы, переживаемые жителями глобальных городов, с присущей им особой пространственной, социально-экономической и культурной средой, требуют дальнейшего всестороннего, в том числе и обстоятельного социально-философского осмысления.

Список литературы

1. Горнова Г.В. Философия города. М.: ФОРУМ: ИНФРА-М, 2014. 334 с.
2. Смирнов С. А. Антропология города, или о судьбах философии урбанизма в России. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/smirseal/ancity_1.html (дата обращения: 22.07.2022).
3. Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001. 397 p.
4. Hales M., Peña A.M., Gott J., Peterson E.R. Global Cities 2015: The Race Accelerates. URL: <https://www.atkearney.com/research-studies/global-cities-index/2015/current-research-detail> (accessed: 23.06.2022).
5. Пирогов С.В. Город как феномен культуры: когнитивный подход // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2. С. 31–37.
6. Khanna P. Connectography: Mapping the Future of Global Civilization. New York: Random House, 2016. 496 p.

7. Khanna P. Op. cit.
8. Khanna P. Op. cit.
9. Khanna P. Op. cit.
10. Therborn G. *Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global*. London: Verso, 2017. 408 p.
11. Самсонова Т.Н., Вершинина И.А. Глобальные города vs государства? К вопросу о роли глобальных городов в условиях глобализации // Политическая глобалистика: направления исследований в условиях глобальной неопределенности / под ред. А.И. Костина М.: Изд-во Московского университета, 2019. С. 204–236.
12. Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1. С. 20–40.
13. Therborn G. *Identity and Capital Cities: European Nations and the European Union // The Search for a European Identity: Values, Policies and Legitimacy of the European Union* / ed. by F. Cerutti and S. Lucarelli. London and New York: Routledge, 2008. P. 59–74.
14. Therborn G. *Capital Politics: Why and How Place Matters // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis* / ed. by R.E. Goodin, Ch. Tilly. New York: Oxford University Press, 2006. P. 509–533.
15. Вершинина И.А. Репрезентация власти в городском пространстве: концепция Йорана Терборна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Социология. 2018. Т. 1. № 2. С. 226–237.
16. Sassen S. Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all. URL: <https://www.theguardian.com/cities/2015/nov/24/who-owns-our-cities-and-why-this-urban-takeover-should-concern-us-all> (accessed: 11.07.2022).
17. Therborn G. *Identity and Capital Cities*.
18. Терборн Г. Глобальное неравенство: возвращение класса // Глобальный диалог. 2011. Т. 2. № 1. С. 3–5.
19. Ганин О.Б., Ганин И.О. “Умный город”: перспективы и тенденции развития // *ARS Administrandi*. 2014. № 1. С. 124-135.
20. Smart Cities. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/smart-cities> (accessed: 23.06.2022).
21. Горнова Г.В. Указ. соч.
22. Sassen S. *Seeing Like a City // The Endless City. The Urban Age Project by the London School of Economics and Deutsche Bank’s Alfred Hershhausen Society* / ed. by R. Burdett and D. Sudjic. London, NY: Phaidon Press Ltd, 2007. P.276-289.
23. Sassen S. Who owns our cities – and why this urban takeover should concern us all.
24. Самсонова Т.Н., Вершинина И.А. Указ соч.
25. Там же.

26. Терборн Й. Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 6. № 1. С. 20–40.

Самсонова Татьяна Николаевна, д-р полит. наук, проф., ashberry@mail.ru, Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Вершинина Инна Альфредовна, канд. соц. наук, доц., urbansociology@yandex.ru, Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ONTOGENESIS OF THE GLOBAL CITY:
PERSPECTIVES AND RISKS FOR HUMANITY

T.N. Samsonova, I.A. Vershinina

Cities are increasingly in the focus of attention of social scientists: sociologists, philosophers, political scientists, culturologists, historians, and representatives of other humanities who study them, taking into account the subject area of their research. Of great interest are the so-called global cities, since they act as the focus of key manifestations of globalization, not only to a large extent determining the face of the global world, but also clearly reflecting the problems inherent in globalization processes. Moreover, global cities themselves generate global change to a large extent. The increased attention of researchers is due not only to the growth and ambiguous consequences of urbanization processes, but also to the increasing use of intelligent information technologies in everyday urban practices, which inevitably leads to a change in the habitat of the vast majority of the world's population, the emergence and experience of ontological problems.

Undoubtedly, a socio-philosophical analysis of the modern urban environment is called upon to play an important role in these conditions, since the ongoing deep transformations radically change the relationship between people, their mentality, lifestyle, culture, etc. The study of changes in the urban space and their consequences will allow us to trace the operation of the mechanisms of globalization through the prism of the socio-political reality in which the environment of the daily existence of hundreds and hundreds of millions of people with their successes, fears, ontological problems is formed. Issues of national-state identity, acute social problems, ethical aspects and potential risks of using algorithmic systems in the process of digitalization (increasing social inequality, marginalization of individuals and social groups, exploitation and the danger of the emergence of a “surveillance society”) - these are the serious challenges that accompany the growth of global cities, having a noticeable impact on the socio-cultural conditions of life and the worldview of their inhabitants.

Keywords: global city, world city, globalization, urban space, connectography, digitalization, ontological problems, citizens.

Samsonova Tatiana Nikolaevna, doctor of political science, professor, ashberry@mail.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University,

Vershinina Inna Alfredovna, candidate of sociological science, docent urbansociology@yandex.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Бродовская Е.В., Тягина М.В., Давыдова М.А. Репрезентация российско-турецких отношений в социальных медиа (2020 – 2021 гг.).....	3
Расторгуев С.В. Использование математических методов в политических исследованиях.....	16
Дергунова Н.В. К вопросу об эффективности преподавания «Основ политологии» в общеобразовательной школе (на примере Ульяновской области).....	26
Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. Образ будущего страны в восприятии различных групп российского общества.....	39

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Шиняева О.В., Плохова И.А., Тихонова Ю.А. Преподаватели вузов и новый средний класс: совпадения и различия.....	50
Яковлева С.Н., Хамидулин Р.Ф. Информационные риски как угроза социальной безопасности современного цифрового общества	67
Домбровская А.Ю., Давыдова М.А. Когнитивная карта информационных потоков доминирующих типов сетей социального недовольства региональных сообществ Рунета.....	77
Ключникова Т.Н., Волкова О.В., Поляков А.А. Теоретические основы становления и развития социологии образования.....	88

Комарова М.С., Нилаева К.С. Социологический анализ толерантности современной студенческой молодежи.....	98
Митасов П.А., Наливайко К.В. Формирование массового сознания в современном информационном обществе: социологический анализ.....	108
Иванов Д.В. Социальная политика регионов в области профессионального спорта: состояние и тенденции развития.....	119
Шундич М. Образ России в хорватских, черногорских и сербских СМИ в период с 24 февраля по 24 августа 2022 года.....	128
Оухейш Т. Х. М. Адаптация иностранных учащихся в условиях дистанционного образования.....	144
Пономарева И. Ю., Танкиева Т.А., Слемзина А. О. Повышение attractiveness малых исторических поселений Тульской области как объектов туризма.....	151

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Емельянова Н.Н. Философская рефлексия как деятельность самосознания.....	165
Подольский В.А. Интерпретация социальной политики в политической философии французских консерваторов начала XIX века.....	175

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Серегина Т. Н.

Умный город

как феномен информационного общества:

социально-философский анализ.....185

Самсонова Т.Н., Вершинина И.А.

Онтогенез глобального города:

перспективы и риски для человечества.....196

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 3

Редактор Т. Я. Селищева

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Изд.лиц. ЛР № 020300 от 12.02.97.
Подписано в печать 22.09.22. Дата выхода в свет 30.09.22.
Формат бумаги 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 33,9.
Тираж 500 экз. Заказ 105.
Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 300012, г. Тула, просп. Ленина, 95

Отпечатано в Издательстве ТулГУ.
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95